

ЛИТЕРАТУРНА НЕДѢЛЯ

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Подъ редакцію

Др-а Ивана Гарайды

Рочникъ I.

УНГВАРЪ 1941.

КНИГОПЕЧАТНЯ ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ.

ЛИТЕРАТУРНО- НАУКОВА

ПРИЛОГА КАРПАТСКОЙ НЕДѢЛЬ

Ч. 1.

ЗЪ ДНЯ 25. МАЯ 1941.

Р. I.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція Карпатской Недѣль рѣшила, что для розвитку руськой литературы и науки каждого другого тыждня выпустити одну *Литературно-Наукову Прилогу*. Теперь, коли перший разъ выпускаеме сесю Прилогу, просиме нашихъ писателей, ученыхъ и суспольныхъ работниковъ, чтобы потпирали насъ въ сей работѣ. Мадарска приговорка каже: въ языку жие народъ. Нашъ материнский языкъ, котрый мы научилися отъ своихъ родителей, мы повиннѣ розвивати и подняти его на степень литературного языка. Най каждый изъ своею возможностью зъ новелкою, оповѣданьемъ, вершиками, науковыми и педагогичными статями причинитися до поднесения нашей прилоги, а тымъ и до поднесения нашей культуры. Мы передсвѣдченѣ, что наше змаганя встрѣтитися зъ порозумѣньемъ большой части нашей интеллигенциѣ. Статѣ просиме присилати на адресу Подкарпатского Общества Наукъ (Унгварь, Другетова пл. 21), откуда по зредагованю передадутъ до редакциѣ.

Окремъ подпоры интеллигентной версты нашего народа мы потребуеме еще одно: потребуеме надприродной силы, потребуеме освѣщеня Святого Духа. Знаеме, что сесе всюды есть тамъ, де есть просвѣщаюча работа миролюбивыхъ и доброй волѣ людей. Богъ зъ нами. Редакція.

Ф. Пасъчникъ:

На бѣлыхъ скалахъ

(Публикуеме пару вершиковъ сего автора изъ его сборника вершовъ: „На бѣлыхъ скалахъ“, изъ того самого циклю).

На бѣлыхъ скалахъ, въ трупѣ золотой
Горять фантомы вломанныхъ надѣй,
Въ любовномъ шалѣ вдова бо лелѣй
Въ огняхъ спалили спомини и мрѣй.

Пустиня мудра, буйно свѣтла синь,
Свѣтовъ далекихъ розцвила полинь,
Тамъ де не входятъ ночь ани днина
Най духа мого выросте святиня.

Дѣвчина

Довкола пустиня а тутъ якъ оаза
(За тонкѣ зумла для мого пегаса)
Подъ дубомъ хатина — самотна у тувѣ
Лебедь дѣвчина сокопитъ на лувѣ.

На чолѣ зорницѣ, очѣ керницѣ,
Слова таемницѣ — думки чаровницѣ,
Привала до себе лелѣю у гостѣ
У срѣбернѣ гостѣ...

РАДИ ЧЕСТИ СЕЛА...

Этѣ языки говорятъ, что жоны, то языкатый народъ Правда, — звычайно мужчины понижаютъ сякими словами женскій родъ. Ще святѣйша правда, что мужчинамъ въ такихъ то дѣлахъ не треба вѣрити. Каждый знае, что и люде, то значить мужчины, радо плетуть своими языками, ци про се, ци про то, а найрадше про политику. Три жоны, готовый торгъ, три мужчины то вже двѣ депутаціи, а чотыри партіѣ.

Тому и говорятъ они такъ много про политику.

Ось и теперъ стрѣнулись Юра, Федоръ та Иванъ передъ трафикою и вже про политику плетуть.

— Кажете, что днесъ не есть вже политики? Якъ бы не было! Все на свѣтѣ политика, тверджу я. Наприкладъ у свѣтовой войнѣ аеропланы честно собѣ лѣтали, якъ вороны. Днесъ же якъ бы камѣнь падають, абы потомъ орлами поднялися. Може се не гунцутство того пана, який сякое выгадавъ? Не политика? — мудруе Юра.

— Но, но — притакуе Федоръ. Гунцутствомъ, гунцутство. Але дивна то политика, коли не есть нѣ партій, нѣ голоса не треба одати, ще анѣ депутацію не потребно.

— Ось и староста у насъ новый буде, та безъ насъ, безъ депутаціи и безъ голосованя — докладе Иванъ.

Се Юрови, видно, не по дяцѣ, бо старостою мае быти его кумъ. И одрѣже заравъ: — Хиба то бѣда?

— Нѣ, нѣ, хрань Боже — оправдуеся Иванъ — я только про политику. Про мене може быти Стефанъ старостою. И честный, и мудрый, най буде!

— Тогда для чего тутъ депутаціи, голосованя та политики? — Паны выбрали Стефана, онъ и намъ любиться, та чому не могъ бы быти старостою безъ политики, та безъ всякого гунцутства, — боронить Юра Стефаново староство. Такъ и яло, кого мае чоловіккъ боронити, коли не своего кума.

Та коли бы Стефанъ не бувъ Юровымъ кумомъ, честна рада може и замовкла бы. Але сякъ треба мало перечитися, абы Юра

знавъ, что они не изъ тыхъ боязливыхъ. Они скажутъ правду и про его кума.

— Та не зовсѣмъ такъ стоить дѣло — заченае Федоръ. Не кажу, отъ Стефана способностишого у селѣ на староство не есть.

— Тогда для чего такъ много про то говорити? — перебивае Юра.

— Для того, что всетаки не мавъ бы он быти старостою безъ насъ — сказавъ твердое слово Федоръ.

— Якъ безъ насъ? — вызвѣдуе Юра.

— Та такъ, что коли вже голосовати не треба, та партій не есть, абы хоть депутація была, — пояснивъ все Иванъ.

Юра на се вже и самъ засмѣявся: — Чиста правда! Чому бы не могли мы сказати моему дорогому кумови: Мы за тебе просили! — Чиста правда, депутація може быти.

— Коли паны забыли про политику, робѣмъ еѣ мы — мудровавъ Иванъ.

— Та робѣмъ — притакнувъ Юра. — Такъ кто въ депутацію поиде?

— Такъ есьме мы трое, можеме прибрати еще Петра, буде насъ четверо.

— То за одного сѣльского старосту доста, — жартовавъ Иванъ.

Федоръ чось пригадавъ собѣ и теперъ вже зачавъ отгрѣбати: — Але въ панами и заговорити треба!

— То моя журба — одбивъ Юра, кому депутація, видно, любилася.

— Та на дорогу и грошѣ потребнѣ!

Се вже застановило и Ивана. Бо политика доти политикою. депутація доти депутацією, доки при нихъ чось можно заробити. Коли вже доплатити треба изъ своего, яка то политика, ци депутація. Юра видѣвъ, что изъ депутаціи майже нѣчого не буде. Засмѣявся и сказавъ: — Грошѣ потребнѣ? Та най буде и се моя жура!

Можъ было чекати, что на се мудра рада замовкне и не будутъ дальшѣ аргументы. Сталося иншакъ. Юрови слова ударили твердымъ гвоздомъ у мудруючѣ головы.

Коли Юра на депутацію грошѣ обѣцае, то якимись гунцутствомъ пахне. Недовѣр-

СЫНЪ КАРПАТЪ

*Стрѣлками вершиками Карпаты
Поднялися въ небесну синь.
Лишь сонце та вѣтеръ крылатый
Задумавъ чола пестить.*

*Лишь сонце, и вѣтеръ, та бурѣ
Даютъ чары большого вамъ.
Карпаты, Карпаты похмурѣ,
Я вамъ свое сердце отдамъ!*

*Бо вы были нянькою въ мене.
Менѣ вы спѣвали до сну.
Люблю вашѣ добрѣ зеленѣ
И пѣсно струмковъ голосну.*

*Люблю вашу буйность и уроду
И межѣ вами, якъ комѣнь, житя,
Бо сынъ я такого народу,
Який руки до сонця простягъ.*

диво дивилися на Юру и отгадовали, что онъ плануе.

Якое буде се гунцугство? — мудровали въ собѣ. Стефанъ не богачъ, онъ грошей не дастъ. Та чому бы и давъ, коли буде старостой и безъ депутаціи. Юра, коли бы и мавъ, не давъ бы свои грошѣ на сяку дурницю. Только одинъ чоловікъ е въ селѣ, котрый не шкодовавъ бы грошѣ, Иляшъ. А то тому, бо онъ бы хотѣвъ быти старостою. Ось, въ чому дѣло! — прояснилося въ головѣ Федора. Сей злодѣй, Юра, тутъ намъ все про своего дорогого кума. И выходитъ, что онъ майже за Иляшемъ. Тому и пильнуе такъ депутацію! Тому найдуться такъ легко и грошѣ!

Коли Федоръ вже сякъ ясно видѣвъ все передъ собою, выпростивъ свой хребетъ и сказавъ Юрови: — Добрѣ, постарайся про грошѣ, про депутацію постараемся мы зъ Ивиномъ. Завтра рано зойдемся на станціи!

Попрощалися. Федоръ одойшовъ радячися зъ Ивановъ. Юра намѣривъ просто въ канцеларію нового у селѣ адвоката. Иванъ крадькомъ подивився за нимъ и сказавъ: — Дивѣться, куме! Юра до адвоката пошовъ!

— Най иде, только абы мы трое зъ Петромъ держалися. Заганьбиме мы его зъ его политикою, коли бы чось противъ своего кума намѣривъ. Бо, треба признати, паны добре выбрали, най буде лише Стефанъ старостою.

Юра, что хотѣвъ, чого не хотѣвъ, але мавъ щастя. Найшовъ адвоката самого у канцеларіи, безъ писарчука. Можъ было отже смѣло говорити. А говорити Юра

знавъ. Говоривъ и про Петра и про Шавла, и про овес и про команицю, ще и свою бабу, прощенна бы была, пригадавъ. У адвоката была своя работа. Слухавъ, слухавъ, на конецъ не вытерпѣвъ. Перебивъ Юровы слова: — Та не говорѣть вже только, але скажѣть для чего прийшли!

— Аккуратъ то зачинаю, — миркуе Юра серіозно. Порозгляне въ канцеларіи, подивиться и въ сусѣднѣ комнаты, ци, часомъ, ктось тамъ не прислухуеся. Якъ видѣться, что все въ порядку, знижуючи свой голосъ майже до шептання говорить:

— Въ депутацію хочеме ити!

— Кто, куды и для чего? — чудуеся и сердиться адвокатъ. Не розбираеся, який зъ сего для него заробокъ може быти.

— До головного журата, въ дѣлѣ старосты, — зраджуе Юра.

— Мы хочеме, абы нась панъ адвокатъ туды повели, та за нась говорили. Бо, знаете, паны з панями лѣпше порозумѣются!

Адвокатъ на конецъ зрозумѣвъ въ чому дѣло.

— Добре. Я завтра и такъ буду въ городѣ. Заведу васъ до головного журата. Онъ менѣ добрый приятель — хвалиться.

— Такъ и мы розумѣли, — притакуе хитро Юрко. Онъ вже лѣпше знае, який добрый приятель головный журать пану адвокатови.

— То буде вамъ стояти 10 пенгевъ.

— Не много, не много, — допускае Юра.

Адвокатъ вже руку силуе, абы затвердити токму и пуститч Юру на свою до-

рогу. Юра не видит адвокату руку. Онъ ще не договорився, бо теперь скаже найтяжшѣ слова:

— Только, что мы бѣднѣ, у насъ грошей не есть! — Але мы и не хочеме, абы панъ адвокатъ за смѣшныхъ 10 пенгевоу трудилися.

— А кто менѣ больше заплатитъ? — интересуеся адвокатъ.

— Никто не заплатитъ! Вы самѣ ихъ заробите, — складуе слова Юра.

Адвокатъ знову не розумѣе. Недовѣрчиво подивитися на Юру. Ци жартуе, ци може здурѣвъ сей хлопъ. Пригадае свою пильну роботу. Встане и одпуститъ Юру:

— Не маю часть на жарты! У мене своя работа!

Юра не настрашитися панского гнѣву. Изъ чести встане и онъ и, нѣбы то прощаючись, скаже:

— Та коли не хотять, не мусять послухати. Я до васъ только изъ чести, якъ до нового у насъ адвоката. — Коли не хочете заробити, пойду я до своего старого знакомого, майже приятеля. Бо знаете, я не хотъ який чоловѣкъ. Я маю своихъ прительов и межи панами — говорить Юра, показуючи, что и онъ знае хвалитися.

Адвокатъ застановитися. У сусѣдахъ жие его конкурентъ. Что лише може, загарбае отъ него. Чому бы пустивъ сего дурня до него. А може чось хоче, только не знае сказати, — думаетъ въ собѣ.

— Такъ не идѣть никуда, только скажѣтъ вже ясно и розумно, что хочете — перепрошуе Юру.

Юру не треба много просити, хотъ показуе, что онъ мае право и гнѣватися. Тому и зачне говорити просто, не цифруючи вже слова:

— Паны хотять назначити у насъ за старосту Стефана.

— Вашего кума!

— Моего кума, але най не перебивають панъ адвокатъ, бо и я маю свою пильну роботу!

Адвокатъ стисне плечима, та замовкне. Юра продовжае:

— Село присудило, что старостою у насъ повиненъ быти Иляшъ. Тому и хо-

чеме, абы панъ адвокатъ повели насъ до своего приятеля, та зробили, абы старостою бывъ Иляшъ.

— Тогда Иляшъ заплатитъ выдатки? — перебиваетъ знову адвокатъ. Теперь, на конецъ гадае, что зрозумѣвъ все, и перша его думка, грошѣ.

Юра стисне плечима, подивитися на адвоката, якъ бы на малу дѣтину и продовжае:

— Не уганули. Иляшъ про депутацію не смѣе ничего знати. Мы честиѣ люде, насъ не можно подплатити.

— А тогда?...

— А тогда? Просивъ я вже, абы не перебивали. Выдатки заробите вы самѣ, не смѣшну десятку, але стовку, ци колько хочете... Вы недавно у насъ, але майже знаете, что наше село веде споръ зъ сусѣднымъ селомъ про толоку. Знаете? Та политика въ томъ, что мой кумъ, якъ буде старостою, докончитъ споръ лагодою. Коли же Иляшъ буде старостою, село поведе и дале споръ и передасть его вамъ. Старый адвокатъ жие изъ того спору вже десять лѣтъ, чому бы не могла изъ него дале жити вы — дозволивъ собѣ Юра и зажартовати, показуючи, что вже не гнѣваеся.

Адвокатъ хвилину подумавъ. И такъ буде завтра въ городѣ. Жадну утрату не буде мати, якъ зъ ними зайде въ урядъ.

— Добре, пойду зъ вами задаръ, — сказавъ. — Чекайте мене завтра въ одинацять часовъ передъ урядомъ!

Юра ще чось пошкрепався за голову:

— Что, еще не договорилися? — зазвѣдавъ адвокатъ.

— Нѣтъ! Не договорилися — допустивъ Юра. Вамъ легко, бо вы и такъ будете въ городѣ. Але насъ четверо, якъ мы достанемся до города. Панъ адвокатъ ав томъ насъ не повезутъ. Пѣшѣ не можеме ити, а грошей на желѣзницу у насъ не есть. Хиба бы панъ адвокатъ заплатили намъ дорогу — додавъ несмѣло.

Се вже поправдѣ розгнѣвало адвоката:

— Что, абы я васъ у депутацію вѣвъ, а ще и дорогу плативъ? Ци я дурень, ци вы всѣ? — закричавъ.

— Не знаю, не знаю, — одповѣвъ Юра спокойно. — Только знаю, что вашъ су-

Любовь

*На горѣ царь — городѣ, въ городѣ царица,
Тиха и самотна, мудра и безсловна.
Коникъ сѣбногривый — станъ струнный дѣвочий,
Ой чомъ снилися часто сердцю середь ночи?*

*Якъ той вѣтеръ листьемъ въ раю заколише,
Листъ она до мене любовный напише,
Засмѣялись очѣ и косы золотострунѣ,
Упали сѣбернѣ росы зливанѣ на грунтъ.*

сѣдъ майже не буде такій скупой. Онъ намъ ще и алдомашъ заплатитъ, якъ право за толоку може вести за дальшихъ десять лѣтъ. Та не мусѣте гнѣватися, та себе, ци насъ дурнями называти. Я до васъ першій разъ только изъ чести. Будьте здоровѣ! — докончивъ Юра и вже и намѣривъ до дверей.

Адвокатъ крикнувъ за нимъ:

— Великий ты злодѣй Юре! Тутъ маешъ десять пенгевоу на дорогу. Але коли ты про се комуся только одно слово зрадишь, то абысь памятавъ!

— Знавъ я, зъ кимъ маю до дѣла! Будьте спокойнѣ, я знаю мовчати, якъ мертвый. А что панъ адвокатъ буде мовчати и то знаю! Будьте здоровѣ! — сказавъ и одойшовъ зъ грошми.

Такъ сталося, что другого дня депутація передъ урядомъ чекала на адвоката.

— Для чего намъ адвокатъ? Мы и самѣ скажемъ свое, — мудровавъ Федоръ.

— Бо паны зъ панами легче дорозумѣются, — сказавъ спокойно Юра, и чтось лукаво засмѣявся.

Федоръ хотѣвъ ему отповѣсти, але адвокатъ такой надыйшовъ. Привитався и вѣвъ ихъ за собою.

Панъ головный журачь заравъ принявъ депутацію. — Видно, зъ панами и до царства легче — подумавъ Федоръ та клѣпнувъ на своихъ цимборъ, якъ бы сказавъ: Сокогѣмъ, не даймеса!

Адвокатъ ани не чекавъ, абы панъ журачь звѣдали, для чего пришли. Зачавъ толковати, який то нерозумный, легкомысленный чоловікъ той Стефанъ, а який то

мудрецъ Иляшъ. И огъ, цѣлое село прислало сихъ честныхъ людей, абы сказали, что никто инший не може быти старостою только Иляшъ.

Федоръ глумливо подивився на своихъ товаришовъ, якъ бы говоривъ: — Не сказавъ я вамъ, что який злодѣй тотъ Юра, ось у что насъ хотѣвъ завести! — Глядавъ очима и Юру, та Юры между ними не было. Чимъ адвокатъ зачавъ говорити, онъ кудысь заблудивъ, ци въ передню, ци в сусѣдню комнату.

Адвокатъ вже только злого наговоривъ на бѣдняка Стефана, что самъ головный журачь не могъ дале слухати. Перерывавъ адвокату бесѣду и обернувшись до селянъ, сердито сказавъ:

— Что се за работа? Ци не бывъ я у васъ у селѣ? Ци не божилися вы тогда всѣ, что лѣпшого на староство у васъ отъ Стефана не есть? А теперъ!...

— Мы и теперъ на то божимеса, — осмѣлився сказати Федоръ.

— Такъ, такъ, мы и теперъ Стефана хочеме! — подтвердили всѣ до одного.

— Вы Стефана хочете?! — гнѣвався адвокатъ — тады вы мене просили, чтобы у депутацію васъ вѣвъ, абы за Иляша говоривъ!

— Мы никого не просили. Мы и самѣ говорити знаеме, — сказавъ Федоръ.

— А мы всѣ и цѣлое село за Стефаномъ! — додали другъ.

Головный журачь иронично дивився на адвоката. Гадавъ, что тотъ самъ пришився до депутації, и — може — хотѣвъ зроби свой интересъ. Адвокатъ нервозався,

червонѣвъ и глядѣвъ очима Юру. Того в депутаціи не было. Адвокатъ проговоривъ чтось про недорозумѣня, про фальшивость селянѣ и отклонився.

Якъ онъ одойшовъ, знайшовся и Юра.

— Такъ най чую, теперъ безъ адвоката, — завіѣдавъ еще разъ журать — кого хочете за старосту?

— Стефана! — одповѣли до одного.

— А тогды для чего докучаете менѣ зъ депутаціями? Сказавъ я вже передъ тыжднемъ, что Стефанъ буде у васъ старостою. И якъ то фиглѣ зъ паномъ адвокатомъ?! — нѣбы то гнѣвався панъ журать, але очи его смѣялися.

— Не гнѣвайтесь, пане журате! — ставъ на чоло депутація Юра.

— Мы прийшли въ депутацію только ради чести села. Только тому, бо знаете, Стефанъ мой кумъ — могъ бы намъ колись сказати, что мы ничъ, что его паны поклали на старосту. А тогды мы ему допечеме: Але въ депутацію за тебе мы были!

— Дивѣться, такъ вы до мене изъ политики? — смѣявся теперъ вже явно журать.

— Только изъ политики, — подтвердивъ серіозно Юра.

— А чому адвокатъ иншакъ говоритъ, якъ вы? — интересованся журать.

— Се вже его политика, — сказавъ

Федоръ подивившись на Юру, та догадуячися, якъ лукавый Юра сю кашу замѣшавъ.

Якъ журать пустивъ ихъ въ дорогу, у дверяхъ ще усмѣхаючися зазѣдавъ:

— Любивъ бы я еще одно знати, кто вамъ дорогу заплативъ!

— Не гнѣвайтесь — пане журате, — сего не скажу, бо се вже моя политика, — одповѣвъ Юра.

— Ось и въ чому дѣло! Се вже правдива политика! — хвалили депутаты Юру по дорожѣ. И депутація была и грошѣ были, нетолько на дорогу, але и адвокатоми, чтобы тамъ дурницѣ плѣвъ. А Стефанъ всетаки зъ нашою помочою буде старостою.

— Але кто давъ грошѣ? — зазѣдавъ одинъ изъ нихъ.

— Въ тому и есть политика, что люде не мусять все знати, — одповѣвъ Юра и больше про се дѣло не сказавъ.

Цѣле село ще и днесъ выгадуе, одки были грошѣ? Може отъ Стефана, може отъ Иляша, може отъ Юры.

Та ниякъ не можуть догадатися. Бо тѣ двое, котрѣ про се больше знаютъ, мовчати, якъ гробѣ.

Только адвокатъ одъ того часу чомусь сердиться на Юру. Але то Юрови ничего не шкодитъ. Бо звычайно есть то лѣпше, коли адвокаты на чоловѣка гнѣваются, чимъ коли его дуже люблять.

Будуча работа Подкарпатского О-ва Наукъ

Зъ нагоды святочного собранія Подкарпатского Общества Наукъ мы зазѣдалися ведучого директора Общества про дальшу наукову роботу въ Обществѣ. Дѣловедучий директоръ *Др. Иванъ Гарайда* намъ сказавъ слѣдующее:

— Работа Общества поиде въ трюхъ фаховыхъ отдѣлахъ. Правдоподобно найбольше роботу буде мати Филологично-Литературный Отдѣлъ. Его работа въ першой мѣрѣ буде, чтобы руськой интеллигенціѣ, молодежи и народу дати книжки написанѣ народнымъ языкомъ. Маеме въ планѣ, чтобы въ найближшомъ часѣ уже зачати друковати оповѣдания, романы и ровнѣ брошюры. Тамъ, де не може быти

слово про оригинальнѣ працѣ, даме руськимъ читателямъ книжки переведенѣ зъ иншихъ языковъ. Особливо будеме старатися, чтобы руська молодежь достала до рукъ вызначнѣ творы нашихъ письменниковъ и такимъ способомъ причинитися нетолько до культурного поднесеня нашего народа, але и до дальшого зближеня и спокойного житя народовъ на Подкарпатю.

Маеме въ планѣ выдавати часопись для руськой молодежи, чтобы молодежь нетолько воспитовати, але и научити еѣ до читаня литературныхъ творовъ. Тыждневый часопись „Карпатска Недѣля“ порозумѣла нашу интенцію и, причинившись до еѣ матеріальной подпоры, зачала выдавати

каждого другого тыждня Литературно-Наукову Прилогу. Таксамо редакція Карпатской Недѣль намѣряе нашимъ письменникамъ за сповпрацю платити отповѣдный гонораръ. Тота сама думка насъ поведе до zorganizованя руськой программы въ радіо. У звязку зъ тымъ веденіе малярского радія попросила насъ, чтобы члены Общества часто давали своѣ рефераты, праць и такимъ способомъ руська программа по содержанию достала бы серіознѣйшій характеръ.

Дуже важнымъ вопросомъ есть бібліотека Общества. Намѣряеме въ сихъ дняхъ перебрати бывшу бібліотеку Т-ва Провсвѣты и бывшу Державну Наукову Библиотеку.

Науковый Отдѣлъ Общества творить

основу Науки Подкарпатья. Намѣряе выдати Загальну Библиографію Подкарпатья. Хотяй територія Подкарпатья поровнюючи дуже мала, але литература про неѣ есть доста велика. Сесе литература на всѣхъ возможныхъ языкахъ такъ порозкидована и недоступна, что и спеціалісти не можуть еѣ вести въ евиденціѣ. До теперъ Общество має до диспозиціѣ около 6000 позицій и праця докончуеся. Так само сей отдѣлъ має выдати одну велику працю про малярско-руську спольну судьбу. Сесе роботу зробиць подпредсѣдатель Общества Ириной Контратовичъ.

Про дальшѣ евентуальнѣ науковѣ праць еще частѣйше вернемеса на сторонкахъ нашей Прилоги.

Дрѣ Иванъ Гарайда: Грамматика Руського языка. Выданя Подкарпатского Общества Наукъ. Унгваръ, 1941, 8^о, ст. 143.

Перед нами першое выданя недавно заложившогося Подкарпатского Общества Наук. Автором сей грамматики есть Др. Иван Гарайда, молодой славянский филолог и бывший лектор на Ягелонском университетѣ в Краковѣ.

Привѣтъ до сей грамматики написав предсѣдатель Общества университетский профессор Др. Антоній Годинка, котрого у нас в научных кругахъ знают и под именем „Сокирницький Сирохман“. Годинка у сем привѣтѣ из нагоды появы грамматики меж иными каже: „Для мене се двойна радость и зато, бо я самъ въ цѣломъ моемъ животѣ бывъ труженникомъ народовецькой думки... Сей идеи желавъ служити и литературно-языковый фаховый отдѣлъ Подкарпатского Общества Наукъ тымъ, что на засѣданіи фахового отдѣла, подержаного 28-го февраля 1941 года, одноголосно такъ рѣшивъ, что на територіи Подкарпатья говореный народный языкъ желает развити въ литературный языкъ“.

На сесѣ слова треба нам памятати, коли приступаеме до сей грамматики. От початку до конца автор мав вперед очми говореный народный язык и до сего придер-

жовався. Складаеся из трѣох частей: фонетики, морфологіѣ и синтаксиса.

Отдѣл про фонетику обнимае ст. 9—23. и подробно розбирае выговор поодиноких букв. Что до етимологичных новостей, в сей грамматикѣ деякъ найдемъ. В першой мѣрѣ автор завѣв нову букву *ѣ* для означеня *-йо* або *-ьо*, але в практикѣ радить сей знак не уживати, але писати *его*, *ему* (хоть в народной бесѣдѣ всюды звучить як *його*, *йому*, *трѣох* и т. д.) Вылишено есть буква *г* и мѣсто неѣ уживаеся только *з* для означеня двох звуков *г* и *г* (по латинскѣ *h* и *g*). Сесе вылишеня буде робити доста великѣ трудности при выучованю руського языка чужинцами. Букву *ъ* автор залишив и то тому, „бо нашъ культурный животъ еще тѣсно связанный зъ нашою Церковью и нашимъ обрядомъ, а нашъ церковнѣ книги сю букву уживаютъ по традици и нынѣ“. Думаю, что сесе аргументация не есть вычерпаюча. Дуже красно суть обробленѣ партіи о ассимиляции и дисассимиляции звуков, а потом переазуки и повноголосность.

Наибольше уваги присвятив автор отдѣлу морфологіѣ, бо занимае ст. 24—102.

Тут тоже мало новости, хіба в деяких окончаниях деякѣ зміны. Так прим. перед мягким оконченьем на -е, пишется -ѣе. Дуже розумно и на мѣстѣ есть заведена одноцѣлости в окончаниях приложников. До теперѣ в наших етимологичных грамматиках много баламуты робило окончания -ий, -ий и -ій. Майже никто не знає, де пишется -ій. Автор дуже про то и правильно розлучив сею проблему: завѣв у всѣх твердых приложниках окончания -ий, а -ий в мягких. Се дуже полезна при выученю грамматик в школах. Докладно и правильно есть оброблена партія про дѣслова. Ани в одной руськой грамматикѣ до теперѣ не было дѣслово так досконало и ясно передано як тут.

Синтаксис занимає ст. 103—138. Можемо сказати, что сея частина есть найдоскональшя. Перед нами при читаню сей грамматикѣ ясно и без ваганя рисуються в нашем языку запутанѣ синтактичнѣ правила. Видно, что грамматикѣ писав нетолько филолог, але и добрый педагог. За каждым правилом есть цѣлый ряд поясняющих примѣров, что дуже полезна порозумѣню правила.

Цѣла грамматика робить на нас враженя к досконалой обдуманости. Из педагогичного боку полежити учительству в ученю материнского языка. Знаємо, что вороги нашего народного языка будут на пѣ нападати. Однак их напады будут только суб'єктивнѣ и з престижных причин, бо из филологичного боку, из боку нашей етимологѣ и розвитку нашего языка, грамматика сея есть одна из найлѣпших на Подкарпатю. Одна из найлѣпших от часов Арсенія Коцака. Витаємо еѣ и жєлаємо, чтобы сея грамматика была заведена не только до всѣх наших школ, что есть зрозумѣлою рѣчу, але чтобы на основѣ неѣ от теперѣ были печатанѣ всѣ руськѣ книжки, чтобы и урядовѣ друксорты и „Карпатский Вѣстник“ друковалися на основѣ языка сей грамматикѣ. Книги для народа — народным языком. Се буде мати зваданьєм Подкарпатское Обществѣ Наук.

Филолог.

12 сборникъ молодыхъ угрорусскихъ поэтовъ подъ редакціей ГИК-а. Ужгородъ, 1940, 8. ст. 61. издание „Русской Правды“.

Сей сборничокъ 12 подкарпатскихъ поэтовъ указує на дальший розвитокъ нашей поезіѣ. Декотрѣ поезійки, головно поезіѣ поэтовъ изъ старшой генераціѣ, указують на правдивый талантъ поэта. Языкъ поезій есть чис-

то великорусский и видно, что поэты владѣють досконало сей языкъ. Что до содержания, то треба сказати, что в сихъ поезіяхъ хибить проводна идея. Якъ и въ старшой подкарпатской руськой поезіѣ, такъ и тутъ поезіѣ роблять на насъ придавляющее враженя. Хибить у нихъ т. зв. житевый динамизмъ, активность. Се найкрасше мы видиме, если поровниме стишки карпаторусскихъ поэтовъ изъ поезією Петефія (въ перекладѣ А. Карабелеша) въ семъ сборничку.

Поштова скринька

Ф. Пастычник : **Въ Бичковѣ**. Ваш зборничокъ поезій „На бѣлыхъ скалахъ“ и лиричну поему „Хатка та млинокъ“ мы достали. Теперѣ въ першомъ числѣ нашей Литературной приложѣ помѣщуємо пару вершиковъ. Вашѣ давнѣйше присланѣ до редакціѣ оповѣданя мы нашли и по возможности помѣстиме ихъ. Етнографичный матеріял перадали до редакціѣ журнала „Зоря“.

Снѣжникъ. Пишѣть и присылайте. Тоже будеме помѣщовати интереснѣйшѣ и короткѣ статѣ из народной словесности.

А. М. Надъсєвлевшѣ. Вашѣ оповѣданя занедовго выдаме окремѣшною книжочкою. Что есть изъ пословицами?

Н. Н. Мукачєво. Пришлѣть общяное оповѣданя. Докончуйте романъ.

Закликуємо всѣхъ нашихъ литераторовъ и культурныхъ работниковъ до сповпрацѣ въ литературно-наукѣ приложѣ въ Карпатской Недѣлѣ.

УВАГА. Декотрѣ статѣ и вершики были набратѣ, коли редакція рѣтила, что Литературно Наукѣ прилогу Карпатской Недѣлѣ буде друковати правописомъ новой грамматикѣ Подкарпатского Общества Наукѣ. Тому дальши статѣ уже набиралися изъ Ъ-омѣ.

Новинка!

Купуйте!

Др. Иванъ Гарайда

Грамматика руського языка.

Зъ переднымъ словомъ унив. проф. дра Антонія Годинки. — Першое выданя Подкарпатского Общества Наукѣ. — Грамматикѣ можно купити въ кашеларіѣ Общества въ Унгварѣ, Другєтова пл. ч. 21.

143 стор. м. 8. Цѣна 2.50 пенге.

ЛИТЕРАТУРНО- НАУКОВА

ПРИЛОГА КАРПАТСКОЙ НЕДѢЛЬ

Ч. 2.

ЗЪ ДНЯ 8. ЮНІЯ 1941.

Р. I.

Снѣжники:

ВЪ ГАЮ

Что блищитъ тамъ, свѣтломъ сѣе,
У золотомъ лѣсѣ, въ гаю?
Квѣтоньками вѣтеръ мае,
О, раю мой, раю, раю!
Въ сердце я тебе кохаю!

Вынесу Васъ, пересажу,
Зъ сего терня, зъ лугу, зъ гаю
У свой городъ. Тогда скажу:
О, раю мой, раю, раю!
Въ сердце я тебе кохаю!

Та не диво посадити,
Въ городъ красу, квѣты, зъ гаю,
Радѣючи говорити:
О, раю мой, раю, раю!
Въ сердце я тебе кохаю!

Тяжко взявши, сѣтникъ, терня,
Посадивши въ моемъ гаю,
Зробити зъ нихъ ружки сѣмя,
И сказати: Мой ты раю!
Въ сердце я тебе кохаю!

А. М.:

НЕ ЗАВТРА...

Не завтра, но нынѣ
Освѣчуйме святынѣ
Святого почутя...
Огнями силы и волѣ
На вѣчномъ престолѣ
Закосичѣмъ житя.

Не мрїями и тугою,
Но чинною рукою
Подайме тымъ сигналъ,
Котрѣ — якъ заспанѣ — не видятъ,
Не вѣрують въ найвысший идеаль.

Не мрїями и тугою,
Но чинною рукою,
Розяснойме запалъ
На чинъ — для загалу,
На чинъ — въ хосенъ народу.

Ф. Пасѣчникъ:

* * *

Сѣмъ горбовъ высокихъ. Замокъ. Въ замку пташка
Якъ одна оденька въ сердце дума важка.
А середъ подворя розцвилася цвѣтка,
Цвѣтка невеличка, цвѣтка однолѣтка.

Жде и ожидае отъ весны ще вѣтеръ
— Хоче у далекий край изъ нимъ летѣти,
Приплыли изъ низовъ чорнѣ вѣсти — звоны,
Ронить пташка слезы, цвѣтцѣ до короны.

СВОЯ ХАТА

Петрова хата на самомъ конци села, подъ горбомъ, якъ чорна ворона выгрѣваеся на сонцю, така стара та закурена...

Подорожнѣ, что ихъ застигне дощъ, або метелиця подчасъ дороги, не повертають до неѣ, хоть она на самомъ краю села и майже надъ дорогою. Только дѣти люблять еѣ. Пять роковъ стояла она пустынею и якъ страхи не говорилися про неѣ...! Бо Петро десять роковъ не бывъ дома, а валявся по роботахъ. Копавъ угля въ Лупинѣ, бывъ на заробкахъ въ Аргентинѣ... бывъ туй, бывъ и тамъ... Посылавъ жонѣ грошѣ и надѣявся, что повернувши застане газдовства, бо свѣтъ свѣтомъ, а на старость надъ свою хату не е лѣпшое — кажуть старѣ люде. Та коли прийшовъ до дому, заставъ лише жонину могилу... Шопа коло хаты завалилася, хлѣвъ родаки розобрали на огонь, тай окна на хатѣ хтось покравъ. Звычайна пустыня...

Люде думали, что онъ поверне зъ грошми, але лише увидѣли его въ старыхъ лахахъ, зъ простою торбиною на плечахъ и узнавши, что онъ повертае хворый тай безъ грошей, заразъ причислили его до сѣльской бѣдноты и такъ зачали зъ нимъ и поводитися. Та Петро не звертавъ уваги на то. Скоро онъ поправивъ „кучу“, поднявъ шопу изъ землѣ, переодягся изъ свѣтскихъ лаховъ въ одежду своего села и ставъ „бѣдовати“... Скоро то свѣтское зникае изъ чоловічой душѣ, якъ дымъ, коли роднѣ нивы запахнуть роднымъ, давнымъ запахомъ... роднѣ стѣны... люде, стежки и долинки стають знову такими, якъ коли бы отъ нихъ чоловікъ николи не отлучався. А коли онъ купивъ собѣ коровку тай коника той самой фарбы, что была въ нихъ замелоду, онъ вонсѣмъ ставъ тымъ давнымъ Петромъ, та еще больше полюбивъ ту свою хатку и зарослый сливами грунтъ... майже дѣтскою любовю.

Та не такъ позирали на него люде. Они называли его англикомъ и мало кто кланялся ему. Та Петро то не замѣчавъ. Въ свѣтъ чоловікъ до всего привыкне.

Днѣ плыли за днями. Та одного разу,

коли онъ выйшовъ изъ своего дворики поникати, якъ дѣти женуть худобу зъ череды, передъ самымъ заходомъ сонця, замѣтивъ у своемъ городѣ пастися чиюсь корову. Зловивъ еѣ и привязавъ до сливы а дѣтвака накѣрвавъ до дому.

Надвечеръ зъявився передъ нимъ староста, чия корова и была и дуже сердито розкричався:

— Ого, небоже, якъ ты порозумѣвъ у свѣтъ... Але я тебе изъ хаты выжену, бо грунтъ и хата моя.. ты се знаешь... — Онъ гойкавъ ажъ задыхався.

Петро розсмѣявся. Грунтъ отъ няня его. Тай старостова нивка, дваразъ менша отъ его, колись имъ належала... Старостовъ няню выдуривъ отъ его няня — казали люде. Тому, что не любивъ сваритися, спокойно отвязавъ корову и пустивъ, а самъ пошовъ до хаты. Ему и самому неприемно было, что якразъ старостова корова попалася ему въ руки... Чоловѣкъ розгнѣваеся и говорить небылицѣ...

Такъ пошовъ одинъ мѣсяць.

II.

Одного весняного вечера сидѣвъ Петро на кутѣ и клавъ рѣща подъ горнецъ, на огонь, что весело гучавъ и шипѣвъ выдаючи струю бѣлого дыму въ зачажѣлый вѣсками кошъ на печи. Въ горшку кипѣла вода, въ якой варилася фасоля, отъ часу до часу бѣлою пѣною спливаючи по горшкову.

Петро сидѣвъ и думавъ... Днесъ больше якъ другій разъ обновилася его хворота и тягло его до огня, до теплого мѣста въ хатѣ.

Тогда дверь нагло розтворилася и до хаты вступили два боженники зъ палицями въ рукахъ, поклонилися и посѣдали на ладчину въ кутѣ. Потомъ набили пѣпы доганомъ, вняли углѣ изъ печи, курили и мовчали въ темнотѣ. На дворѣ была тепла ночь. Надъ землею свѣжо дыхала весна. Въ недалекомъ болотѣ скреготали въ перегоны жабы. Въ дубнику кричала дика птаха. На толоцѣ иржали конѣ и перекликалися конюхарчуки...

Смѣлый садъ на сонци выгрѣвае руки,
Пѣсня сръбной пташки по орѣсѣ стука,
На водѣ лебедѣ — золотѣ намиста
Усмѣшки дѣвочѣ — хусточка барвиста.

Вся у квѣшкахъ свѣжихъ тамка при пасѣцѣ
Перлозора дѣва доглядае овцѣ,
Жовту косу чеше, сръбломъ заплѣтае,
Де подѣвся милый и не повертае?

(Изъ цикла вершковъ „На бѣлыхъ скалахъ“).

Петро догадался, что они даромъ не пришли, тому сидѣвъ, позиравъ на нихъ и молчавъ собѣ. Чтось шептало ему негораздъ, але онъ проганявъ отъ себе тѣ думки и не хотѣвъ имъ вѣрити — но они хватили его за сераце, крѣпко стискали и запирали отдыхъ въ грудяхъ.

Конь высунувъ голову крозь отворъ въ стѣнѣ и заинтересовано позиравъ на гостей. Свѣтло отъ часу до часу падало на его нескладну голову въ кучеряхъ дыму и выблисковало у великихъ удивленыхъ очахъ. Петро вставъ и засунувъ его голову знову въ сѣны, что служили хлѣвомъ. Чтобы перервати молчанку, онъ закашлявъ и начавъ оповѣдати имъ свою пригуду зъ старостомъ.

— То, то бо оно и е — сказавъ Василь боженникъ, беручи палицю изъ кута и готовлячися ити геть, — что ты небоже мусишь изъ хаты ити, бо она не твоя ай его...

— Якъ не моя! — скрикнувъ Петро.

— Та такъ! Мы тебе пришли урядово оповѣстити, чтобысь забирався, бо онъ думает хату рознѣсати завтра... — Они безъ слова вышли на дворъ и щезли въ тмѣ.

Петрови мовъ хтось добнею вдаривъ по головѣ. Онъ схватився и побѣгъ за боженниками, чтобы имъ сказати якъ дѣло стоить, але ихъ вже не было. Тогда онъ обѣгъ хату, пошовъ садкомъ и выбѣгъ на улицу. Голова ходила кругомъ, а въ сердцѣ чтось палило, гейбы его ктось ножомъ полоснувъ. Онъ хотѣвъ бытъ бы сказати людямъ, все, якъ е, та коли глянувъ до-

вкола, нигде въ сусѣдовъ не свѣтило. Почавъ ити улицею и роздумовати, говорячи самъ до себе...

На улицѣ чтось зачорнѣло. Онъ ставъ посередъ улицѣ и чекавъ. Коли постать подошла ближе, онъ спинивъ еѣ и зачавъ розказовати все. Та незнакомый не слухавъ его, але пошовъ своею дорогою. Петро застыдався, стоявъ середъ улицѣ и дивився ему въ слѣдъ. Потомъ поплентався до хаты и лѣгъ на лавицю. Сонъ не брався его... На дворѣ зачали пѣти когуты и провиднѣвалось, а онъ все еще очи не зажмуривъ и думавъ про зажиту пригуду.

III.

Коли Петро отворивъ очи, нередъ нимъ знову стояли боженники...

— Но, неборе, збирайся и иди геть — сказали они и спустили головы въ долину... Постояли хвилию а потомъ звернулися до дверей и вышли.

— Коли отецъ незнавъ, якъ передавати — то най сынъ покупуе — сказавъ одинъ а другий притакнув.

Петро не выдержавъ и закричавъ.

— А вонъ ми зъ хаты!... Вонъ.. кровопийць! — и нервово схопився зъ лавицѣ.

Та они ничего не сказали и вышли.

Петро зопрѣвъ, трясся на цѣломъ тѣлѣ и забѣгавъ якъ безъ себе по хатѣ. Выглянувъ черезъ окно на дворъ и увидѣвъ повно людей на горбку, что интересуючи глядѣли въ сторону его хаты. На дорожѣ показався пьяный Юрь изъ сокирою, а за нимъ цѣла цыганска громада з колами, ви-

лами и сокирами. Словомъ се была правда.

Петро ставъ мовъ закопанный и чекавъ. Та коли циганинъ приставивъ драбину до стрѣхи, Юрь почавъ драбатися горѣ стрѣхою а цигане заклепали сокирами въ стѣны, Петро схопивъ свою сокиру и выбѣгъ на дворъ, непамятаючись изъ гнѣву.

— Убю... убю, якъ пса! — закричавъ онъ на цигана, что збирався по драбинѣ и перевернуть его разомъ зъ нею. Циганъ схопився и зъ усѣхъ силъ почавъ утѣкати, спотикаючись и встаючи.

Товпа зареготалася.

Петро спустивъ сокиру и оглянувся кровавыми очима довокола себе... и страхъ обхопивъ его. То зъ него смѣются?

На дорожѣ увидѣвъ онъ старосту Ивана Митрюхового. Спустивъ сокиру въ долину и пришовъ до него близько.

— Якъ ты смієшь рознѣсати мою хату... Хату мого няня? Кто тобѣ такое право давъ?

Староста поблѣдъ якъ смерть и сказавъ загикуючись.

— Хата и земля моя... Ты въ поземельну книгу подивився... Я жиляровъ держати не мушу... Доста...

Петра запаморочило. Онъ скажено кинувся на него и бывъ бы втявъ сокирою, та боженники вхопили его за руки. Онъ начавъ вырыватися, але они крѣпко притисли его до себе а сокира сама выпала ему зъ рукъ. Але онъ борыкався зъ ними дале, ажъ безсильно упавъ на землю...

Коли очунявъ и туманъ пройшовъ его, хата уже была безъ прикрытя а Юрь зъ циганами уже зачинав вбаляти козлы въ долину. Боженники усе еще стояли надъ нимъ. Вставъ и поволи поплентався до хаты. Коли переступивъ порогъ и глянув на зачапсѣлѣ образы на стѣнахъ, на печь и на предметы, середъ якихъ поплыла его молодость, обхопивъ его такой жаль, что сердце ему мало не пукло... Впавъ на лавицю и розплакався якъ мала дѣтина... Потомъ вставъ и зачавъ збирати хатнѣ предметы, подлѣвъ на лавицю и знявъ изъ стѣны образъ св. Николая... довго дивився на него а потомъ зобравъ образы въ руки и хотѣвъ выйти вонъ. Но коли ступивъ черезъ порогъ, уста его задрожали, онъ

пустивъ то усе на землю, уцѣпився руками за одѣрки, звѣсив голову въ долину и стоявъ якъ закопанный, крѣпко стискаючи руками одѣрки... Потъ покривъ его лице и градомъ спадавъ на землю... Довго стоявъ онъ такъ...

Люде, якѣ прийшли зъ горбка подъ саму хату, позирали на него и мовчали. Але Петро, здавалося, ихъ не видѣвъ... Потомъ онъ взявъ св. Николая и понѣсъ его на старое мѣсто на стѣнѣ и всѣ предметы за рядкомъ ровоклавъ якъ были... каждый на свое мѣсто. Лице его стало спокойнымъ и мирнымъ якъ святого... Отворивъ широко сѣннѣ дверѣ, отвязавъ коника и коровку. Вывѣвъ ихъ уважно зъ сѣней вонъ... Стара Юлча сумно присунула голову до него и непорушно стояла... Стара Шутя сумно зарыкала и оглянулася довокола. Петро завязавъ ихъ обое на одинъ мотузъ, ставъ межи нихъ и рушивъ изъ двора на дорогу. Они спокойно вели его межи собою блѣдого якъ смерть, зъ очима упятыми кудись въ далечѣнн, кладучи повольню крокъ за крокомъ.

За нимъ позаду ишли люде зъ горбка, одинъ зъ интересомъ, одинъ зъ сповчутя... Та коли прийшли на готаръ, Петро аняв шапку и одклонився. Потомъ тричѣ перехрестився и пошовъ цѣсарскою дорогою межи скотами.

Люде склонили головы и дивилися ему мовчки въ слѣдъ — никто не проговоривъ и слова.

* * *

Много воды поплыло въ море отъ того часу. Деревя „на Петровомъ городѣ“ стали товстѣ въ чоловѣка а деякъ уже спорохнявѣли и крышатся. Тамъ, де хатка была, росте зелена трава... и слѣду не е... Та старенкѣ бабки еще и днесъ оповѣдають внукамъ про св. Николая, что не дався вынести зъ хаты; про коня и корову, что повели своего газду геть отъ грѣшныхъ людей, въ хащѣ и тамъ ему найшли хату и вѣрно сокотили его ажъ до смерти...

А злый староста — кажуть — еще того року загинув не своею смертію, на томъ мѣстѣ — авичайно людемъ на покаяннѣ...

СЫНЫ РАКОЦІЯ? GENS FIDELISSIMA?

Айно! Повнымъ правомъ такъ можеме называти нашъ народъ. Сесю характеристику подавъ нетолько самъ Франць Ракоцій II. у своихъ вспоминахъ або Ант. Годинка у своей працѣ подъ назвою „Gens fidelissima“, але маеме на се доказы и въ архивахъ. Причинки до характеристики вѣрности нашего народа до своего князя подаемо тутъ низше.

Повстаня Франца Ракоція II. въ 1711 р. уже хилилося до конца. Наибольша часть сторонниковъ князя зложила зброю и придалася до цѣсара. Только невелика группа населеня, межи ними и русины, держалася при князю. Нѣмцѣ зъ лабанцами приближались до територіѣ, котра была заселена русинами. Франць Ракоцій II. розказавъ своему генералу Николаю Берченѣви, чтобы онъ приготовився до послѣдней обороны. До обороны мали озброити русиновъ, котрѣ еще не были у войску князя. Планъ поступу обороны мавъ полягати въ томъ, чтобы русины Ужанской и Земплинской Крайны совокупилися и перешкаждали нѣмцямъ въ ихъ поступѣ проти головного князевого войска, котрое стояло коло Унгвара и Середнього. Въ ночи и въ день окремишними отрядами повинѣ были знепокоити неприятеля, забирати отъ него провіанты и палити его лагеры.

На Ужанской Крайнѣ войсковѣ отряды мали организовати слѣдуючѣ русины: Василь Сопко, Пастеляки, Александеръ Марцинъ, священникъ зъ Буковця Коглановичъ, Никуличъ, Гливко, священникъ Мойсей, Федоръ Пенякъ, фамилія Добейовъ зъ Заброя, Гончарикъ, Гриць и Стецько Довганикъ. Въ Земплинской Крайнѣ подобное завданя мали сповнити слѣдуючѣ особы: Стецикъ, Попилякъ, Шулчикъ, Волоський, Грицьо, Иванъ Уличанский и Гаврило зъ Габуры.

Кто изъ тихъ стрѣльцовъ (puskás) мавъ збирати отряды и везти ихъ проти нѣмцовъ, про се мавъ рѣшити головной командантъ сихъ повстанцовъ графъ Василь Берченій, синъ гр. генерала Берченія. Ва-

силь Берченій доставъ до диспозиціѣ еще одного офицера. Головнымъ завданьемъ ихъ буде: постоянно непокоити неприятеля.

Чтобы повстанцѣ мали до бойовъ большу дяку, на конци своей инструкціѣ князь уповномочивъ графа, чтобы той въ его имени пообѣщавъ имъ волность отъ панцины.

Якъ докончилось сесе приготовленя, не можемъ певного сказати. Правдоподобно повстанцовъ не встигли zorganizовати, бо военнѣ и политичнѣ подѣѣ около князя такъ погоршилися, что онъ самъ мусѣвъ утѣкати. Изъ сей инструкціѣ только то можеме еще вывезти, что князь цѣлкомъ до вѣривъ своимъ русинамъ. Одинокий ратунокъ видѣвъ въ успѣху повстанцовъ своихъ русиновъ — своего gens fidelissima.

(Изъ рукописовъ историка Карла Мейсароша.)

Записки критика

Нигде такъ ясно не може высказати чоловѣкъ свою некультурность, якъ въ поезіи. Въ новелѣ або въ оповѣданю еще сякъ такъ може скрыти своѣ недостатки, своѣ слабѣ письменницькѣ стороны, але въ поезіѣ, котрѣ суть высказомъ ихъ найтѣснѣйшихъ отношень внутрѣшного переживаня до зовнѣшного свѣта и суть выявомъ ихъ смаку, и самъ порядокъ словъ може быти обтяжующимъ аргументомъ.

Сама т. зв. тенденційность твору, сказати правду — вузко и поверхово зрозумѣла — не есть единственною мѣрою для оцѣненя его.

Коли ктось зъ нашихъ поетовъ зачинае заниматься зъ нашими митологичными постатями, то вытикають ему неоригинальность. Между тимъ такихъ великихъ поетовъ якъ Гете, Шеллей, Леонарди и т. д., якъ такъ само переробили митологичнѣ постагѣ, задля сесю переробку величаютъ ихъ.

TEMPORA MUTANTUR...

Послѣ упадку комунизма въ Маѳярщинѣ каждый чоловѣкъ, котрый бывъ обвиненый въ комунизмѣ, мусѣвъ щезнути зъ публичного житя. Кого неприятелѣ всякимъ способомъ хотѣли знищити, доста было, коли его обвинили въ комунизмѣ. Такъ походили и мы русины Подкарпатя послѣ присоединеня до Маѳярщины. Нашѣ роднѣ братья покрови много нашихъ людей заплхали въ темницю, загнали до смерти, до концентраційного табору и то только тому, что той есть „украѳнецъ“. Насильно зробили зъ русиновъ украѳнцовъ и только тому, чтобы повѣрити зъ маѳярами, что сесѣ для маѳярской державы суть найопаснѣйшими еллементами. Правда, они, потомки Духновича, Добрянского и иншихъ будительовъ, забываючи на шизматичское движеніе, на панславистичнѣ идеѣ,

сталися для маѳяръ „найвѣрнѣйшими“ приятелями. А маѳярство се имѣ повѣрило. И не треба дивоватися, если ледвы найшлися такѣ, котрѣ себе отверто назвали русинами. А если и найшовся такий, такѣ сесѣ паны, не дивлячися на труднощѣ, сякого „украѳнца“ отсторонили зъ Подкарпатя.

Але что сталося теперъ? Подкарпатя достало такого Регентского Комиссара, котрый крикнувъ до суспольного мнѣнія: „Не есть грѣхомъ быти русиномъ!“ А на се теперъ „вѣрнѣ“ приятелѣ маѳяръ, котрѣ вчера еще на каждого „украѳнца“ кидали смерть, договорилися бы хотѣ зъ котрымъ украѳнцемъ, чтобы только той не признававъ себе за русина и не сповроботавъ зъ маѳярами. Въ газетѣ „Русское Слово“ зъ 1-го юнія читаеме: „Мы въ принципѣ противъ украинскаго языка не имѣемъ никакихъ возраженій, требуемъ только, чтобы этотъ языкъ былъ чистымъ и не засореннымъ (sic!) разными безграмотными отступленіями или новаторствами“. Что наклонило редакцію Слова на таку наглу переориентацию.

Але добре знаеме, что яку цѣль мають, коли зъ братерскою своею новинкою Карпаторусскимъ Голосомъ насѣ называютъ только рутенами або рутенцами, якыкъ

нашѣ рутенскимъ. Нашѣ народъ всюды себе называе русиномъ або руснакомъ, а приложникомъ сего слова есть руський. На чужихъ языкахъ можуть насѣ называти, якѣ хотятъ, але нашимъ языкомъ, коли насѣ такъ называютъ, роблять се зъ политичныхъ тенденцій. Подъ 20 лѣтнимъ ческимъ панованьемъ никто насѣ не называвъ рутенцями и не пришло се никому анѣ на думку, хотѣ и тогда бывъ одинъ народный напрямъ. „Русское Слово“ и „Карпаторусский Голосъ“ особливо тогды любить насѣ называти приложникомъ рутенский, коли хотятъ высмѣвати тихъ русиновъ, котрѣ на культурномъ полю охочѣ сповпрацьовати зъ маѳярами. Между симъ сесѣ паны, а особливо ихъ ведучи, не перестаютъ голосити маѳярско-руськое братерство.

Между прочимъ есть чоловѣкъ сербинѣ, болгаринѣ, полякѣ, але не есть языкъ сербинский, болгаринский, полякский або лендѣлский, але есть сербский, болгарский, польский, а отъ слова русинѣ — руський. Якѣ себе называе дотычный народъ, не есть се вопросомъ филологичнымъ, але политичнымъ. Ци не обурився бы маѳярский народъ, коли бы его по маѳярскѣ называли ungar-ами або venger-ами, хотѣ и найшовся бы такий филологъ, котрый изъ дакотрого маѳярского діалекта вытягнувъ сякое слово. Тенденция сего была бы найсатиричнѣйша ирония.

Окремѣшна статья бы была, если бы зобрати той матеріал, котрый подае, якѣ розлуки робить нашѣ народъ межи славянами. Нашѣ народъ великороссовъ загально называе маскалями, але мы все такѣ отъ початку охочо называеме ихъ такѣ, якѣ они себе называютъ.

Modus in rebus. И бой мае своѣ етикеты. Держати въ чести пересвѣдченя неприятеля есть першимъ завданьемъ честной и розумной полемики. Если противникъ нашу культуру называе „дѣтище культуры“, чекаеме отъ него, чтобы его аргументы писалися чисто въ тонѣ литературного языка.

Иванъ Яцко.

Historia est magistra vitae . . .

Достався намъ до рукъ „Русько-Мадярский Словарь“ Ласлова Чопея з 1883 року, котрый був нагороженный литературною премією Фекишгазія въ рамкахъ Мадярской Академіи Наукъ. Авторъ есть одушевленнымъ сторонникомъ руського народного языка. Острѣ границѣ ставить межъ великорусскимъ и руськими языками („российский и руський“). Доказуе, что „...руський языкъ мае только права на назывъ самостоятельного языка, якъ хоть котрый изъ славянскихъ його братьевъ“.

До сего языка придерживуея послѣдовно ажъ до конца. Въ его працѣ не находиме никакихъ „этого“, „какъ“ и нигде не видиме, чтобы нарѣкавъ, что только на литературномъ языке можно творити и выдавати литературнѣ творы, якъ то твердятъ нашѣ „будителѣ“.

Якъ коли бы до нихъ относилися слова, якъ Василь Чопей передъ 80 роками написавъ у вступѣ до своего Словаря: А тѣ, что на томъ стоять, ожъ руський языкъ лишень нарѣчие російского, тѣ не суть филологи, ай славянофилы (= панслависты), не ученый судъ, ай политична партия“. Ученѣ филологи уже давно установили, народно куды принадлежитъ руський народъ. Розумѣея сесе установленя отнositся до тихъ людей, которѣ „sine ira et studio“ взялися до студіюваня руського

вопроса. А безъ сего принципу не есть науки, але заслѣпленя очей безъ жадныхъ науковыхъ основъ, въ службѣ чужой политики и чужихъ идей. Сесѣ борцѣ зорвали зносины з минувшиною, з народною традицією и не розумѣють змаганя народа, але ихъ змаганя не розуміе и нашъ народъ. Повторительно заакцентуеме, что ци есть одинъ народъ окремишнымъ народомъ, есть се дѣло дотычного народа, а филологи и историки констатують только готовѣ факты.

Филологи одноголосно признають, что межъ сербскимъ и хорватскимъ языками не есть майже жадной розлуки, а всекакъ оба народы держать себе за окремишний народъ, политично розтягаються и бережать свои традиции политичной окремишности.

Что каже нашъ народъ про себе, се мы всѣ добре знаеме, але про историчну перспективу приведемe и слова Василя Чопея: „Кто знае нашего русина у Мадярской краинѣ, тотъ знае и то, што вонъ себе русиномъ, руснакомъ и руснякомъ называе, а за російского чоловіка нигде не говорить, ги за русина, ги за своего, ай ги за маскаля.“

Такъ было се передъ 80 роками, такъ есть оно и теперъ.

ДРОЗДЫ

(Байка)

Въ фамилии Дрозда настала велика радость. Послѣ многихъ журъ и старанъ удалось бѣдненькимъ супругамъ вывести двоихъ дрозденятъ. Самѣ не доѣдали, все носили дѣточкамъ, гордости цѣлого роду. Выросли дрозденята и разъ лишъ почали спѣвати. Слухае отецъ, слушае мати — спѣвъ ги дроздиный, где всежъ не такой, якъ ихъ спѣвъ. Каже мати:

— Голось у васъ добрый, яле якосъ не такъ спѣвае, якъ другѣ дрозды.

Ба — каже один изъ молодцевъ, тай

починае крутити носомъ — я спѣваю иначе, бо я уже не дроздъ, а дріздъ.

— А я — каже другий — ни дроздъ, ни дріздъ, а принадлежу къ роду драздоффъ и желаю спѣвати твйордо.

— А всежъ — каже мати — хоть якъ спѣвае, есте и останетеся простыми. . . дроздами.

Свѣдомый християнин

читае лиш християнску
прессу!

●
Читайте „Карпатску Недѣлю“!

Колись въ часахъ римской имперіѣ ученыхъ и письменниковъ подпирало правительство. Подпирали ученыхъ негольшо императоры, але и богатшѣ горожаны, якихъ называли меценантами. Такихъ меценантовъ въ новѣйшихъ вѣкахъ было дуже мало и тому ученѣ, якѣ не мали свой приватный маегокъ, неравъ мусѣли терпѣти великѣ нужды. Особливо се замѣчаеме въ XIX. вѣцѣ.

Бѣдное было житя Голарда, котрый перший абудовавъ статистичный трансформаторъ. Коли умеръ, то не залишивъ за собою анѣ столько грошей, чтобы можно было за нихъ купити труну. Его знакомѣ и товаришѣ мусѣли на похоронѣ зложити грошѣ.

Вынаходникъ парового котла Денисъ Папенъ бывъ зненавидженный суспольствомъ и живъ у великихъ недостаткахъ.

Створитель теперѣшной керамики Бернардъ Палисси живъ въ страшной нуждѣ. Для своихъ опытовъ не мавъ анѣ филлера. Чтобы всетаки докончити своѣ вынаходы, мусѣвъ порубати своѣ меблѣ и такъ затопити въ печѣ. Наконецъ своей жизни, покинутый всѣми своими приятелями и знакомыми, померъ, майже изъ голоду. Изъ вынаходу Филипа Лебона про свѣтилный газъ много людей стало миллионерами, а самъ вынаходникъ мусѣвъ умерти трагичною смертю.

Такъ было давнѣйше, такъ есть и днесъ. Теперь чуеме, что декотрѣ лавреаты Нобеловой цѣны и члены Французской Академіѣ Наукъ живутъ у великой бѣдѣ и тѣшатся, если можуть равъ денно ѣсти.

НОВѢ КНИЖКИ

Огоньки. Художественный сборникъ составленный группой писателей. Издание Комитета Р. О. Красного Креста. Ужгородъ, декабрь 1940, въ 16, ст. 93. Цѣна 2 пенге. Сей сборничокъ содержитъ въ собѣ 19 статей на ровнѣ темы изъ литературы, педагогики, искусства и. т. д. выдавъ еѣ Р. О. Красный Крестъ изъ тымъ намѣромъ, чтобы, якъ на одномъ мѣстѣ пишешся, дати возможность занятію декотрымъ безработнымъ журналистамъ. Сборничокъ красно выданный и по змѣсту серіозный. Межи иншимъ мѣститъ въ собѣ статѣ Т. Манайлова (Угрорусский народный орнаментъ), Недзельского (О сельскомъ театрѣ), Е. Каллая (Искусство и художники Карпатского края) и. т. д.

Ци погниваются нашѣ поэты и критики, ци нѣ, але мусиме имѣ сказати, что ихъ творы суть джереломъ бѣдности идей. Оминають великихъ проблемъ житя. По большей части нашу литературу заволодѣвъ пассивно-пессимистичный свѣтоглядъ, нто есть причиною еѣ бѣдности и бесплодности. Авторы не пишуть то, что они *отчувають* або якъ они *розумѣють*, але пишуть то, что они *видять*. Въ ихъ поезіяхъ дѣлають не субъективнѣ уявленія, але объективнѣ представления. Пришовъ часъ, чтобы нашѣ поэты уже равъ зачали творити такъ, „какъ я се виджу“, — а не „какъ я се *виджу*“.

Поштова скринька

М. К. Унгваръ. Вашу реплику на статью въ „Русскомъ Словѣ“ не можеме помѣстити. Не хочеме везти полемику

Пасѣчникъ самъ переробивъ своѣ вершики. А что до реченя „Авторъ этой рецензіи очень слабо знаетъ нашу современную литературу и совсѣмъ не знаетъ, въ какомъ обстоятельствахъ приходится работать молодымъ литераторамъ“, можеме вамъ (такъ само и имѣ) сообщить, что сей авторъ случайно прекрасно знае всю нашу литературу и тотѣ обставины, въ якихъ приходится робити нашимъ поэтамъ.

Ф. П. Бичковъ. Вашѣ оповѣданя Подкарпатское Общество Наукъ приготавливаетъ до друку.

А. М. Киральгаза. Оповѣданя достали. На другой тыждень выйдуть окремишою книжочкою.

Новинка! Купуйте!
 Др. Иванъ Гарайда
Грамматика
руського языка.

Зъ переднымъ словомъ унив. проф. д-ра Антонія Годинки. — Першое выданя Подкарпатского Общества Наукъ. — Грамматику можно купити въ канцеларіѣ Общества въ Унгварѣ, Другетова пл. ч. 21.

143 стор. м. 8. Цѣна 2-50 пенге.

ЛИТЕРАТУРНО- НАУКОВА

ПРИЛОГА КАРПАТСКОЙ НЕДѢЛЬ

Ч. 3.

ЗЪ ДНЯ 22. ЮНІЯ 1941.

Р. I.

Ф. ПАСЪЧНИКЪ:

НА БѢЛЫХЪ СКАЛАХЪ

(Изъ цикла вершова)

Довкола скалы, блакить и пустыня
Тишѣ висока, створена святыня,
Здаеся тутъ гармонія и кровь
Не пестять крыла бажана и сновъ.

Зѣблилися якъ кобры мертвѣ горы,
Повзуть, повзуть у сумерки, у зворы,
То мерске тѣло выпары, тепло!
Де човенъ мой, де парусы, весло?

Могутный дубъ

Высокий дубъ у бурѣ гнеся,
Мечѣмъ далекихъ громовъ промѣнь

Надъ свѣтомъ зломанымъ здоймеса,
Вода червеный лиже корѣнь.

Червенѣ лица дня запалѣ
И клапты сонця на березцѣ,
На розпаленѣ чорнѣ скалы
Отходить збочемъ день по стежцѣ.

Хлопчина блѣдый неповолѣ
Бѣжить дорожкой до дому,
Зеленый змѣй оживѣ у полю
И грозне днесъ ячана грому.

Ф. ПАСЪЧНИКЪ:

* * *

Кучеряво сонце, кучеряво рѣки
Глянули въ оконце, схмурили повѣки,
Подкрутили усы золотѣ нивы
Гиля бѣлѣ гуси въ зорянѣ розливы.

Зеленъ дубъ высокий — стежка середъ поля,
Впали буйнѣ кроки — лицарѣ изъ моря
Входятъ — день на щитѣ — въ брамы до столицѣ
Де суть въ рань повитѣ дѣвы зорелицѣ.

ЧЕРЕЗЪ ПЕРЕЛАЗЪ

Циль Чвѣрка живъ у сусѣдствѣ зъ корчмаремъ Шулемомъ. Они не только хижу и городъ мали въ сусѣдствѣ, но и все поле ихъ было въ межи, якбы родичѣ Чвѣрки были родными зъ родичами Шулема. Не родство было тому причиною, что они все мали въ сусѣдствѣ. Причину того лѣпше знавъ бы сказати старый, вычмоханный перелазъ, котрый стоявъ при конци хижѣ Чвѣрки. Черезъ сей перелазъ вела выбита дорожка прямо до хижѣ Шулема. Онъ поставленный отцемъ Чвѣрки чтобы люде не видѣли его, коли онъ иде до корчмы Шулема. Черезъ той перелазъ перелѣзало половина маетка Чвѣрки до Шулема.

Циль бывъ одинакомъ у своихъ родичовъ. Хотя онъ бывъ еще доста богатый, дѣвки не хотѣли ити за него замужъ. Ему его отецъ лишивъ злу славу: Сынъ пяницѣ. Зато онъ оженився зъ дуже бѣдною дѣвиною.

Та не та дѣвчина есть богатою, котра мае великий маетокъ. Богатою есть та, котра мае доброе сердце и душу; яка знае быти правдивою жоною и матерію будущего поколѣня. Такою была и молода жона Циля Чвѣрки. Но якъ каже пословица: „Кровь не вода!“ Сынъ Циль удався до своего отца. Дармо жона била собою на всѣ боки, ничъ не помагало. Что жона приобрѣла, чоловікъ все знишивъ, все перелѣзало черезъ перелазъ до Шулема. Уже онъ такъ почавъ заходити до Шулема, что затинивъ и свой вычмоханный перелазъ, но вулицею ишовъ до корчмы и не скрывався отъ людей. Часто чужѣ люде приводили его паного изъ корчмы. Жона плаче и просить, чтобы онъ покаявся. Ничъ не помагало.

Часы минають а зъ ними разомъ минае надѣя молодой жоны на лѣпшу будучность. Она уже не такъ жаловала за маеткомъ, котрый Циль пропивавъ, бо она отъ дѣтинства привыкла въ бѣднотѣ жити, но найбільше грызла еѣ ганьба. Каждый смѣявся надъ еѣ чоловізомъ и надъ нею, что такого пяницю мужа мае. Она рѣшилася

приносити своему чоловікови питя до дому и присилуе:

— Пий Циль, лише до корчмы не заходи, чтобы надъ тобою люде не смѣялися! Я все принесу тобѣ до дому пити.

Фляшка зъ горѣлкою дома стояла и Циль нѣколи не пивъ изъ неѣ, лише все до корчмы заходивъ. Коли жона нарѣкала на него, чому онъ не пѣе дома, онъ одповѣдавъ:

— Менѣ не хочется дома пити. Въ корчмѣ оно не такое, якъ дома.

— Може Шулемъ менѣ не зъ тоѣ давъ, что ты въ него звукъ пити?

— Изъ тоѣ, изъ тоѣ, лише оно уже въ корчмѣ иншакое питя. Въ корчмѣ чтось то вже и воздухъ иншакый.

Такий чоловікъ, что въ корчмѣ коротитъ свой часъ, мае трояку втрату. Разъ готовѣ грошѣ выдае. Другийразъ, если бы и не страчавъ часъ, котрый нѣколи больше не вернѣся и ту роботу мавъ бы колись догонити, а третей разъ не то что не заробивъ, но заробленое стративъ. И Циль не довго ходивъ до корчмы. Доки мавъ грошей и маетокъ, то Шулемъ дававъ и навѣру и всяко. А коли стративъ свой маетокъ, стративъ и честь у Шулема. Шулемъ не дае пити. Циль вже бы и дома посмаковавъ мало паленочки, но что, коли вже не есть зачто купити. Жона и дѣти ходять рядавѣ. Тай и Циль не такой одѣтый, якъ переже бывъ. Ой нѣтъ! Ему на докорь спѣвають таку пѣсню:

„Ой кой имъ бывъ молодѣ хлопецъ,
Шѣстьма-мѣ волю крятавъ,
А якимся оженивъ,
Шапковъ гатѣ платавъ!

Ой кой имъ бывъ молодѣ хлопецъ,
Шаркантиковы цоркѣ, цоркѣ,
А якимся оженивъ,
Постолята лопѣ, лопѣ!“

Теперь Циль лише тогда напьѣся паленочки, коли десь есть свадьба, хрестины, або инша гостина. Часомъ за бляшку паленки жидамъ воду носить, чоботы чистить, а въ субботу огня кладе. И все лише за

Ни день, ни ночь, ни лѣто, ни весна,
Жде въ ясномъ плесѣ зродженя она,
Срѣберныхъ струнъ и гомонъ и весѣля
Сховалось лѣто бабиное въ гила.

Злетѣли хмары, сплесли крыла въ мори
Страсяють бурѣ перезрѣлѣ зорѣ,
Дошовъ осѣвннихъ подѣ кущами око
Назвалось словомъ мудрымъ и жорстокимъ.

(Изъ цикла вершовъ „На бѣльмъ сколахъ“)

бляшку паленки. А жона изъ дѣтьми плаче и мучится.

Велика радость настала для Цилья. Его стрыйчаникъ жениться. Онъ вже изъ далека тѣшитъся, что погуляе собѣ на свадьбѣ стрыйчаника, бо его стрыйчаникъ такой богатый, якъ колись бывъ его дѣдо. Рано, коли мала быти свадьба, Циль просивъ свою жону, чтобы и она пошла зъ нимъ на свадьбу. Жона отповѣла:

— Якъ я могу ити зъ тобою на свадьбу, коли я не маю въ что одягнитися. Моѣ плечѣ голѣ, бо вже и заплаты не маю, чтобы поплатала сорочку. А дѣти такожь голѣ. Я не могу ити на свадьбу!

Циль тѣшився, что жона не иде на свадьбу. Такъ бодай хоть смѣлѣйше буде собѣ гуляти.

На свадьбѣ каждый веселый. И Циль забывъ о бѣднотѣ своей родины. Гуляе безъ тямки. Тутъ дають доста пити. Коли подпився, то пошовъ собѣ спѣваючи улицею:

„Не журися моя мила, ожъ я пью,
Будешъ за мновъ бановати, якъ я вмру!
Будешъ за мновъ бановати, плакати,
Якъ я пойду въ сыру землю лежати.“

Поздней ночи вже и на свадьбѣ не было что пити. Докъ было то давали Цильови, а якъ не было, то задармо просивъ Циль. Разъ рѣшучо сказано ему, что паленки не есть, то вже и просити не варта было. Циль задумався.

— А може Шулемъ дать еще бодай одну децу навѣру? — Подумавъ самый до себе. И пошовъ до Шулема.

Выйшовъ изъ хижѣ. Была тверза зима. Въ хижѣ тепло, а на дворѣ ажъ грѣщитъ отъ морозу. Циль выйшовши на дворѣ забывъ, что онъ есть на дворѣ своего стрыйчаника. Думавъ, что есть на своемъ дворѣ. Пошовъ на конецъ хижѣ. Въ его дворѣ тамъ стоявъ вычмоханный перелазъ, де въ его стрыйчаника бывъ колодязъ. Зрубъ колодязя такъ выглядавъ, якъ его вычмоханный перелазъ. Онъ имився за ключку колодязя думаючи, что то есть коль горюдины. Пересадивъ одну ногу черезъ зрубъ, бо думавъ, что то есть перелазъ Шулема, дальше подавъ за нею другу и „шупсъ“ въ колодязъ. Падучи въ колодязъ не убився, бо держався за ключку. На щастя въ колодязи не было много воды. Коли впавъ до колодязя, то мавъ воды поподѣ плечѣ.

Въ хижѣ музыка грае, а въ колодязи Циль спѣвае. Та не таку пѣсню, что въ хижѣ. Онъ проситъ помочи. Та помочи не есть. Нѣкто не чуе его. Вже и пропячився. И паленка не кортитъ его. Думае о житю. Вже навѣки зарѣкаеся отъ горѣлки. Та и то не помагае. Пробуе лѣлти горѣ камѣньомъ. Не можъ, бо камѣня ховзкое, а его руки и ноги поскрѣпли. Безперестанку проситъ помочи.

Со было якразъ въ повночи. Изъ хижѣ выйшовъ одинъ хлопецъ на прохолодѣ. Учувъ крикъ изъ подѣ землѣ. Скоро вернулся до хижѣ думаючи, что то мае быти голось якихисъ нечистыхъ силъ. И въ хижѣ не сказавъ никому, что чувъ на дворѣ, бо ганьбився. Боятися нечистой силы такому хлопцеви, котрый на свадьбѣ мае показати,

что онъ есть найсильнѣйшій отъ всѣхъ присутныхъ! Скорше замовчавъ.

Послѣ того вышла на дворъ якась старбаба. Учувши подземный голось, перехрестилася и скоро вернулася до хижѣ. И она думала, что се есть якась кара зато, что уже настала пятница, а люде тамъ гуляють. Молилася въ хижѣ.

Въ хижѣ не было воды. Треба было занести. Одинъ дружба взявъ вѣдро, пошовъ идъ колодязеви. Коли учувъ якийсь голось изъ колодязя, вергъ вѣдромъ и запуженый зайшовъ до хижѣ. Въ хижѣ зробився гукъ и замѣшаня. Всѣ выбѣгли на дворъ и кричали:

— Люде, въ колодязи чортъ: Ходѣть бити чорта!

— Якъ туды чортъ попався? — Звѣдалася одна стара баба.

— Та попався! Упавъ у колодязь! — Изъ далека кричавъ одинъ хлопецъ, но до колодязя только изъ далека прикрадався, якъ и другѣ хлопцѣ, но въ концѣ, одинъ рѣшився прискочити идъ колодязю и показати свою смѣлость.

— Иванку мой солодкий! Не иди идъ колодязю. — Кричала одна дружка свадьбы. Она дуже любила Иванка и боялася того, что якъ Иванъ поиде идъ колодязю, тогды чортъ и его затягне въ колодязь.

Иванъ рѣшився пойти идъ колодязю и зъ тымъ чортомъ покончити справу. Не радо робивъ то. Только хотѣвъ показати свою смѣлость. А коли вже разъ вырушився идъ колодязю, то вже ганьба было ему вертатися. Рѣшився такъ: Разъ мати родила, разъ треба и умерти!

Всѣмъ присутнымъ волоса вставало на головѣ, коли увидѣли, что Иванъ такъ смѣло проступивъ до того колодязя, изъ котрого чути голось чорта.

На дворѣ трѣщавъ морозъ. Каждому студено было. А ще горше было тогды, коли видѣли, что Иванъ смѣло тягне ключку изъ колодязя. И сколько силы, такъ тяжко вздыхаючи тягне еѣ. Онъ уже видѣвъ, что то не чортъ, но лише подобный до него, бо паниця есть справдѣ подобный до чорта. Коли выпять Циля изъ колодязя, всѣ закричали: — Бийте чорта! Бийте чорта!

Циль бувъ половина мертвый. Мокрый въ морозѣ лише дрожавъ. Занесли его до хижѣ. Коли мало прочувявся, почавъ зарѣкаться, что вже больше николи не буде лѣзти черезъ перелазъ до Шулема. И не лѣзъ, бо въ скорый часъ умеръ. Не лише его жона плакала за нимъ, но и Шулемъ заплакавъ, что стративъ такого доброго куншафта.

УДОДЪ

(Байка)

Дроздики уже выросли и почали розглядатися по свѣту. Отъ рана до вечера рыскали по гаямъ, въ гушавинѣ, подъ корчами и училися уму — розуму. Але вечеромъ все вернулись въ семейное гнѣздо, чтобы погрѣтися подъ сердцемъ мамы и розказати, что они видѣли и чому научилися.

Одного вечера прилетѣвъ дроздикъ до дому задыхуючися и зъ блестячими очима.

— Мамко, мамко — сказавъ дроздикъ — что я видѣвъ! Заблудивъ я ажъ на край нашего гая, а тамъ такое поле. А по тому полю проходжуеся прекрасна птиця. Гордо ступае, носъ держитъ высоко, туй тамъ подскочитъ и зновъ сяде на землю тай

чтось тамъ выробляе. Правда — голось у неѣ не зовсѣмъ приемный, але якъ одѣтый! Выштафированный по найновѣйшой модѣ, прическа чудесна, висока, сторчить до неба. А якъ фарбы на одежы — ума помрачен. Кий бись — говорить дальше дроздикъ — что мы такъ просто одѣтъ, зовсѣмъ не по модѣ, суваемеся по гушавѣ, подъ корчами, всего боимеся, хиба что голось у насъ красный. Але все зъ нами дѣеся велика несправедливость.

— Ага — каже мама — то нацѣрйо бувъ удодъ. Безъ сумнѣву — красна птиця, але не нашей породы. Ци знаешь ты, дроздику мой, якъ онъ смердитъ? Тажъ онъ зъ того живе, что балеги ровгрѣбае!

Иванъ Бростяникъ.

Читайте „Карпатску Недѣлю!“

Самоубійць въ народномъ вѣрованю

Душѣ нещаснозагнувшихъ остають на земли до того часу, доки мало тревати ихъ земное житя. Здержуються на мѣстѣ, де зъ ними стався нещасный случай а свою присутность розно проявляютъ. Они рознятся отъ демоновъ и отъ дводушниковъ, бо они остають все лише душами, якихъ нигде „не принимаютъ“*). Дѣлаться они на недобровольно загнувшихъ „черезъ причту“ — и на самоубійцовъ. Першѣ звычайно только „пужають“, свѣтять и т. д. а нищать лишь того, кто нарушае кругъ мистичной роздѣльности межъ духами и людьми. Самоубійць (повѣшеникъ, утопленникъ и п.), хоть не суть демонами, анѣ дводушниками, мають въ народномъ вѣрованю въ деякой мѣрѣ прикметы ихъ и суть дуже ворожо настроенѣ до чоловіка. Самоубіецъ по нар. вѣр. рѣшается въ самоубійство — якъ чось проктивное природѣ чоловіка и устрою свѣта — подтягаромъ злой совѣсти черезъ грѣхъ на шептаня нечистой силы. Симъ онъ явно заявляе свое отступленя отъ ясного свѣта и приступленя до свѣта темного. Самъ убивае себе по нар. вѣров. звычайно тотъ, кто упавъ въ тяжкѣ грѣхи або согрѣшивъ его родъ. „Ангель-хранитель отступивъ отъ него, его мѣсто занявъ дѣволъ и управляе нимъ. Онъ до того часу орудуе, доки чоловікъ самъ губить себе, а тымъ еще больше запропаститъ себе“.

Въ примит. народовъ и въ старину самоубійство стрѣчается лише якъ религ. форма (саможертва въ Индовъ, грек. римл., скала предковъ у стар. германовъ, славяне и готы убивали, себе коли старость приближалася (страхъ отъ „Strohtod“), або попадали въ плѣнъ — повинность. (До днесъ задержалося оно у насъ въ понятю „вести на хотарь“). Но зъ правдивымъ самоубійствомъ стрѣчаемься на конци старого вѣку (Зенонъ стоикъ, Демостенъ и мн. др.). Зростае оно въ середномъ вѣцѣ и дохо-

дитъ свого вершка въ розвѣтѣ пессимизма XVIII-XIX. вѣка (гляди якъ прикл. ром. Гетете: „Die Leiden des jungen Werthers, U. Foscolo: Ultime lettere d' Jacopo Ortis и др.) Причиною самоуб. е въ большости психичный станъ и свѣтоглядъ. На самоубійство вызывало ужась и тамъ, де людское житя не много цѣнилось — якъ сила заперечуючая житя (напр. война). Самоуб. заказують вже халдеи, перзы, евреи, стар. христ., могамеданы и др.) Черезъ середный вѣкъ ажъ до 19. вѣку розно карають тѣло самоубійця: позбавляють богосл. обрядовъ, вѣшають трупъ за ноги, возять, або носять на вилахъ по городу на покыянне память, хоронять коло дороги (або розпуця), або неприступное мѣсто, пробизають осиковымъ коломъ и под. Розуміеся, что рознѣ народ вѣров. грали и тутъ первокласну ролю а, коли оно стало замѣтнымъ соц. явищемъ, сталися не одною лѣтературною темою въ красномъ письменствѣ.

Самоубійство може быти безъ пролитя крови (ловѣшеня, утопленя) и зъ пролитьемъ крови. Найстрашнѣйший е повѣшеникъ. Чго кось повѣсився, се можно познати послѣ того, что поднимается сильный вѣтеръ. Ламле и вывертае дерева зъ корѣньемъ, зрывае стрѣхи зъ хать, нищить сады и п. Вѣтеръ тревае головно до того часу, доки повѣшленника не похоронять — звычайно три днѣ. (Розуміеся вѣтеръ може мати и другу причину**).

„Може спричинити градобитя и другѣ элементарнѣ нещастя. Одного разу повѣсився въ лѣсѣ якийсь незнакомый. Поднявся сильный вѣтеръ, котрый все поламавъ, поперевертавъ а потомъ пошовъ градъ. Люде догадалися и почали глядати. Глядали, глядали и нашли въ лѣсѣ повѣшленника...“

Якъ только повѣшленника найдуть, вы-

*) Пор. Ф. Потушнякъ: Душа въ нар. вѣр. Наук. Збор. XIII-XIV, ст. 33—44 — Ф. П. Демоны въ нар. вѣр. „Русская Правда“, „Русское Слово“, 1940/41.

***) Вѣверъ поднимает передовѣмъ вѣтряникъ и инши управлене, але також и другѣ нечистѣ силы — демоны, дводушники и н. (Пор. Ф. Потушнякъ: op. cit 41—42; Демоны V.; Dr. R. F. Kaindl: Zaubergläube bei den Huzulen „Globus“ LXXVI, s. 753)

копують подъ нимъ яму, перерѣжуть мотузъ и спускають его въ неѣ („прячуть“), „чтобы бѣды не мавъ часу наробити...“ Повѣшленикъ, якъ и всѣ нещастно загинувшѣ, страшишь на томъ мѣстѣ доти, доки его житя мало тревати. Звычайно онъ здержуеся лише на томъ мѣстѣ, ге его схоронено, або де онъ стратився. На другое мѣсто прииде онъ лише тогда, коли ктось возьме рѣчи, что ему принадлежать [одежа, палица и т. д.]*) Дуже неспокойный онъ сорокъ дней по смерти, головню того дня, в котромъ повѣсився. Наибольшу силу мае онъ в часѣ слабого мѣсяця. Вые страшнымъ голосомъ, наподобуючимъ ужасный плачь чоловіка, что его мучать страшными муками, ревъ звѣроу, дивнѣ выгуки и под. Даколи кличе, якъ чоловікъ просячий помочи и кто ему тогда озвеса, прииде и замучить его. Такожъ замучить всякого, кто прииде на то мѣсто, головню въ ночи — передохсѣмъ въ повночи — а такожъ на полудня.***) Зъявляеся все у великомъ вѣтрѣ, что коротко тревае, звычайно въ своемъ образѣ, лише лице чорное, страшное, очѣ горячѣ якъ грань и страшнѣ“. Зъ жертвою довго не церемониться.

„Пастырь проходивъ самъ коло такого мѣсто въ полудне. Знявся вѣтеръ, потомъ объявився верховинець, злоеивъ и покрывивъ его. То бывъ повѣшленикъ. Отъ ошаря, что взявъ собѣ петекъ повѣшленика, потребовавъ свое назадъ. Пастырь на другой день противъ петекъ ажъ на другомъ селѣ.***)

Повѣшленикови не ставлять хрестъ на могилу, только коль. Каждый проходящий коло неѣ ме е чтось отъ себе на могилу: груду, камѣнь, галузку, „чтобы изъ нимъ ничего не мати“; „даеся йому чтось отъ себе, „откуплюеся“****).

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Двудушники и демоны вольно ходять куды имъ хочеса. Представа самоубеда и убитыхъ все вязанѣ на мѣсто ихъ смерти.

**) Хоронять проти него магичнѣ растения: тямъ, зѣла сѣванъ, чисташи и пр.

***) Народъ оповѣдае ромѣ пригоды про повѣшлениковъ отговѣдно мѣстнымъ обставинамъ.

****) По лексимъ, чтобы мавъ чимъ „орудовати“ (управляти). Порошний такъ. P. Bogatyrev: Actes magiques riles et croyances en R. S. p. 113.

НОВѢ КНИЖКИ

Александръ Маркушъ:

ИРИНУ ЗАСВАТАЛИ . . .

и иншѣ оповѣданя. Народна Библиотечка. Ч. 1. Выданя Подкарпатского Общества Наукъ. Унгваръ, 1941, м. 16^с, стор. 64.

Въ сихъ дняхъ въ рамкахъ выданя Подк. О. Наукъ появився томикъ оповѣданъ Ал. Маркуша. Маленькѣ оповѣданя перероблюють дробнѣ проблемы житя руського народа, занимаються ихъ дробными змаганьями и прозраджують ходъ ихъ чистыхъ думокъ. Авторови удалося схопити свѣтоглядъ своего народа. Сей вызначный письменникъ въ руськой литературѣ може конкурвати зъ Темеркенѣмъ, котрый зъ мадарского народного житя переробивъ подобнѣ темы и межа мадарскими повѣстьями занимае першорядное мѣсто. Але и въ славянской литературѣ находиме подобныхъ повѣстьей.

Его стиль досконалый и писатель прекрасно володѣе народнымъ языкомъ, котрымъ може высказати и найинтимнѣйшѣ почуваня и думки нашего народа. Отъ автора чекаеме, что у розвитку пойде дальше, и занедовго обдаруе нашу литературу новыми творами и порушитъ новѣ проблемы въ житю нашего народа.

Свѣдомый християнин

читае лиш християнску
прессу!

Розширюйте щиро руську и
християнску новинку

„Карпатску Недѣлю“!

Новинка!

Купуйте!

Др. Иванъ Гарайда

Грамматика русьного языка.

Зъ переднимъ словомъ уинъ, проф. дра Антонія Годинки. — Першое выданя Подкарпатского Общества Наукъ. — Грамматикку можно купити въ канцеларіѣ Общества въ Унгварѣ, Другетова пл. ч. 21.

143 стор. м. 8. Цѣна 2-50 пенге.

Дасколько скромныхъ вопросовъ „настоящимъ русскимъ“

„Welche Wendung durch Gottes Fügung“

1. Отколи признаете вы українский литературный языкъ „прекраснымъ языкомъ“ и одушевляетея нимъ? Въдь до сихъ поръ называли вы тотъ языкъ нѣмецкимъ вынаходомъ, искусственнымъ средствомъ для темныхъ политическихъ цѣлей, златаниною „полуобразованныхъ грамотѣвъ“, повставшого изъ ненависти до русскаго народа и т. д. и т. д.

2. Если вы признаете українский литературный языкъ, ци признаете вы українский народъ, якъ самостойну народность?

Вѣдь если есть литературный языкъ, тогда мае быти и носитель того литературного языка, а вы до сихъ поръ твердо и рѣшительно откидовали всяку думку на существованіе якогось українсзого народа, будучи переконаными „объединителями“ и клеймующи каждого, кто смѣвъ говорити або писати о українскомъ народѣ, „сепаратистомъ“, „зрадникомъ“, „нѣмецкимъ наемникомъ“ и тому подобными лестными именами называли вы ихъ.

3. Если признаете українский литературный языкъ (а зъ нимъ въедно и бѣлоруський), властиво до котрого языка причисляете вы языкъ подкарпатскихъ русиновъ? Ци до великорусскаго, ци до бѣлоруськаго, ци до малоруськаго (вами нынѣ зъ сильнымъ акцентомъ называемаго „українскаго“,

языка? Бо, если нашъ языкъ принадлежит до малоруськаго языка, якимъ способомъ хочете вы накинути на нашъ народъ великорусский литературный языкъ на основѣ такихъ традицій, котрѣ уже 1871-го года окончательно провалилася и лишь насилу зъ чужою помощью доволоклися до 1904 года?

4. Если вы признаете, что нашъ языкъ принадлежит до малоруськаго языка, если вы уже признали тотъ „прекрасный“ українский языкъ и готовѣ его принять якъ свой литературный языкъ, коли начнете вы на основѣ желѣзныхъ принциповъ логики писати и говорити на томъ „прекрасномъ“

українскомъ литературномъ языкѣ. Бо мы не признали тотъ „прекрасный“ українский литературный языкъ нашимъ языкомъ. не писали и не говорили на томъ языкѣ, ани тогда нѣтъ, коли вы и українци

насъ изъ всѣхъ боковъ обкидовали лайками, зъ тою только розницю, что тогда нашъ языкъ еще не называли „покаженнымъ“ українскимъ языкомъ и не посмѣли помочью правительства уничтожити насъ, бо правительство и безъ вашихъ „патріотичныхъ“ информаций было добре ориентовано и про васъ, и про українцевъ, и про насъ.

5. Ци признаете вы за якимсь народомъ и въ XX-омъ столѣтїю право вытворити языкъ по своему смаку и желаню? Бо если вы се право не признаете за нами, тогда не можеме признати ани тыхъ литературныхъ языковъ, котрѣ были и суть вытворенѣ нынѣшнымъ

правительствомъ бывшой Россїи.

6. Чимъ мотивируете вы ваше признание и даже одобреня всѣхъ тыхъ славянскихъ языковъ, котрѣ повстали 100—200—300 лѣтъ тому назадъ? Ци признаете вы болгарский литературный языкъ? Признаете вы сербский, словѣнский, словацкый, голландский, норвежский, фламандскый, уелский, рето-романский, провансальский литературнѣ языки? А если по вашону мнѣнію сѣ языки могли повстати 100—200—300 лѣтъ тому назадъ, почему мы не можеме, подкарпатскѣ русины, вытворити про себе свой литературный языкъ тымъ больше, что традиція сякаго литературного языка у насъ о много сильнѣйша, красша и твердша, якъ ваша т. зв. традиція, бо наша традиція сягае до XVI-го столѣтїя, а ваша только на 100 лѣтъ тому назадъ, и то только до початку XIX-го столѣтїя?

7. Якъ хочете вы поправити тотъ огромный грѣхъ вашей традиціи, что языкъ нашего народа есть корчемный языкъ, котрый можно уживати десь около хлѣва, але не дале, якъ то за 150 лѣтъ вбивали въ го-

ловы нашего народа спочатку сторонники церковнославянщины, а потомъ вашъ предки „объединителѣ“ въ наслѣдокъ чого нашъ народъ и наша интеллигенція хоть який другий языкъ больше поважали, якъ свой властный языкъ?

8. Вы кажете, что русины Подкарпатья не въ силѣ вытворити свою властну литературу. Допустѣмъ, что се такъ. Але тогда что дасте въ руки нашего народа, коли въ короткийъ часъ всѣ русскѣ классики будутъ перепечатанѣ по новому великорусскому фонетичному правописаню и вы не будете въ силѣ дати въ руки нашего народа даже словарь, чтобы могъ порозумѣти вами написанѣ и вами выданѣ, по вашему же мнѣнію недостаточнѣ для розвитка даже минимальной литературы, мудрѣ, грамотнѣ творы? Бо то мусиме признати, что все то, что мы пишеме и говориме, есть зрозумѣлое и безъ словаря для каждого русина, ученого и неученого. (Не говорю тутъ о томъ, что — на жаль — въ нашихъ газетахъ появляются и такѣ статѣ, котрѣ суть писанѣ людьми, недостаточно знающими нашъ народный языкъ и многое въ нихъ не отповѣдае ни духу, ни грамматицѣ, ни синтаксису нашего язчка.) Хоть якъ дурнѣ, глупѣ, безграмотнѣ по вашей думцѣ нашѣ творы, але зато може ихъ каждый порозумѣти и чомусь зъ нихъ научиться, бо нимъ мы говориме до дурного, глупого, безграмотного нашего народа, изъ котрого приходиме, такъ якъ мы не „настоящіе русскіе“, а только тѣ самѣ, что нашъ народъ: дурнѣ, глупѣ, безграмотнѣ русины: „*par nobile fratrum*“.

9. Могли бы вы сказать намъ, якого мнѣнія были бы нѣмцѣ, если бы узнали, что вашѣ высокообразованѣ, недурнѣ, неглупѣ, небезграмотнѣ вождѣ постоянно отзываются на нѣмцевъ, якъ на прототипъ для насъ русиновъ и вообще для славянъ? Дастъ Богъ — еще и сѣ вождѣ научиться колись отъ нѣмцевъ тому, что можно признати правду за другимъ и тогда, если та правда не по ихнему розуму. Впрочемъ тсякое поровнанье славянъ зъ нѣмцами у людей, котрѣ знаютъ славянъ и нѣмцевъ, возбужуе смѣхъ, особенно тогда, коли межѣ нашими „настоящими русскими“ вождями находятя люде, котрѣ еще ни-

коли, ни въ якомъ цѣлѣ не подверглися мнѣнію другихъ и нигда никого не послушали.

На сей часъ доста. Если получиме на сѣ вопросы удовольняющѣ отвѣты, завдаме и другѣ вопросы нашимъ отдаленнымъ „настоящим русскимъ“. *Иван Русначиско.*

Поштова скринька

М. Г. Перечинь. Може и вы маєте правду. Мы мусиме быти „Русскому Слову“, вдячными. Тота газета о нашей Приловѣ пише такѣ обширнѣ рецензіѣ, на якъ мы даже не числили. „Русское Слово“ зрозумѣло нашу интензію. Але мусиме васъ запевнити, что та газета робить то цѣлкомъ безъ интересу и мы имъ за то ничъ не платиме.

Иванъ Русначиско Унгварь. Дакуеме за статью.

Сирохманъ Сирогмановфъ Унгварь. Ваша сказка буде помѣщена въ слѣдуючому числѣ. Сякѣ сказки намъ любляться. Думаеме, что и читателямъ буде любитися.

Иванъ Бростяникъ Унгварь. Вашѣ оповѣданя мы уже передали до друкарнѣ. На другий тыждень выйдуть окремишнюю книжочкою. Посилайте намъ байки.

П. Снѣжчикъ. Посилайте и этнографичный матеріаль. Можете приготувити и сборничокъ оповѣданъ. Потребуеме вершки и статѣ на культурнѣ темы.

Ф. Пасѣчник, В. Бичковъ. Чтобы бывъ повный сборничокъ, потребуеме еще 2—3 оповѣданя.

Читайте „Карпатску Недѣлю“!

Новинка! Купите!

Александръ Маркушъ

Ирину засватали...

У выданю Подкарпатского Общества Наукъ появився сборничокъ оповѣданъ знаного у насъ автора оповѣданъ Александра Маркуша. Оповѣданя можно купити въ канцеларіѣ Общества въ Унгварѣ, Другетова площа ч. 21.

64 сторонъ м. 16. Цѣна 10 фил.

ЛИТЕРАТУРНО- НАУКОВА

ПРИЛОГА КАРПАТСКОЙ НЕДѢЛЬ

Ч. 4.

ЗЪ ДНЯ 6. ЮЛІЯ 1941.

P. I.

Ф. Пастычникъ:

Изъ цикла вершовъ „ТЯГА“.

МРІЯ.

Стѣкае струнами суворь,
Срѣберный сонъ зъ вѣковъ забытый,
И лине скаскою из горъ
Великій споминъ въ нихъ укрытый.

Коралѣ твоихъ устѣ горятъ,
И вольно отдыхала пустыня.
Де та невѣдома зоря,
Де въ поли схована сватыня?

Забытыхъ думъ срѣберный пилъ,
Зловѣщихъ мрій невидне коло,
И лине грозный Азраилъ
Зъ мечемъ кровавымъ въ неволѣ.

И чію голову зожне,
Кого загорне въ своѣ крыла?
Широко око ваготне,
Жорстока ночь крыломъ прикрыла.

И звонить въ сурмы перемѣнь,
Огнѣ подноситъ надъ горами,
Гряде, гряде незнама тѣнь
Въ кроваву пляму надъ полями.

ОНА.

Знялися птахи тай летять
Крозь ночь глуооку надъ полями,
Заклятѣ змѣй не зорять
У чашѣ ночи надъ горами.

Де клавѣштѣ нѣмыхъ долинъ
Рука здавила чорна смуты,
И плаче зорки въ горахъ сынъ
Зблукавши въ закруты закутѣ.

Она его шукае въ снахъ,
А ночь жорстока якъ вовчиця,
Заходить сумеркомъ въ поляхъ
У око мертвое керницѣ.

Любовь та вѣща де горить,
Де рамена еѣ пуховѣ?
И плаче матери и летить
Буланый гомонъ по дубровѣ.

ТЯГА.

Пожовкла ночь, туманъ зорить
Глубокимъ окомъ въ негрѣ-норы,
Якъ помело земля летить
Въ затоки далѣвъ неозорѣ.

Надъ городомъ удолю повисѣ
Срѣберный змѣй и зореокий,
Примары горами знялися
На ускала повзуть высокѣ.

Невиднѣ, скрытѣ у гору,
Де овозъ звисѣ пожевклый ночи,
Я кину золоту стрѣлу
Змѣю срѣоерному у очи.

И впаде кровь у темный боръ,
И брызне кровь на яснѣ зорѣ,
И писла струна изза горъ,
И змовкли далечѣ суворѣ.

ЛИЛИКИ.

(ВЪ РОДЪ СКАЗКИ).

Та любѣ моѣ дѣточки — не за нашихъ часовъ, не въ нашомъ краю жили — были собѣ мыши тай лилики. Жили собѣ, якъ могли, и не бѣдно, и не богато. Мыши газдовали на поверхности землѣ, а лилики у воздухъ. Треба вамъ сказати, что въ тыхъ давныхъ часахъ и мыши и лилики въ днину промышляли, а въ ночи спокойно спали, не такъ якъ мы теперь. Треба знати и то, что Чоловѣка въ томъ краю еще не было. Разъ лишъ приѣхавъ Чоловѣкъ до того краю и поселився въ немъ. За Чоловѣкомъ приѣхали и шурѣ, товстѣ, выкоханѣ шурѣ. Щури не лишъ просто пришли, але — якъ кажу — приѣхали на прекрасныхъ кочіяхъ, запряженныхъ тоже добре выкохаными кониками — саранчами, такъ званными „коминарями“, зъ все голодными сильными пысками тай зубами. Если бы то теперь было, такъ бы сме казали — приѣхали на автомобиляхъ, кусъ по 12.000 пенгевъ. Але тогда еще автомобилевъ — слава Богу — не было. Зъ Чоловѣкомъ пришли и коцуры зъ огромными усищами, зъ сталевыми очима, зъ острыми пазурами. Но — размѣстилися всѣ, и Чоловѣкъ, и шурѣ, и коцуры. Шурѣ еще въ тыхъ часахъ у Чоловѣка мали велику честь, бо намовили Чоловѣка, что они, единственнѣ. Они, можуть мышву приборкати, абы не робили шкоду Чоловѣкови.

Се они и здѣлали, бо подъ ихъ веденемъ и по ихъ порадамъ коцуры размѣсили немалое число найтовстѣйшихъ мышей и сякъ мышва такъ настрашилася, что позалѣзали въ своѣ норы и хибай ночами смѣли носы своѣ показати на Божий свѣтъ. Але коли мышей стало мало, коцуры почали сѣчати и на шурѣвѣ. А и шурямъ някъ не любилося.

На се шурѣ скликали „дюлішъ“ хочу сказати — „всеобщее учредительное собраніе“, на котрое закликали не лишъ всѣхъ шурѣвѣ тай мышву, але и лиликовъ, бо — мовлявъ — и лилики суть мыши, хотяй умудрилися лѣтати.

Предсѣдатель бывъ одинъ изъ голов-

ныхъ вождей шурѣвѣ. Котрый по сему случаю выпустивъ изъ рта воду, котру звыкъ набирати въ ротъ для спокойства и чистоты.

Панъ предсѣдатель на шурѣвскомъ языкѣ изложивъ свой планъ относительно того, якбы треба охоронитися отъ коцуровъ такъ, чтобы каждому добре жилося.

Планъ бывъ геніальный и простой, якъ того и можно было чекати отъ славного пана предсѣдателя. Именно: лилики мали держати день и ночь стражу, постоянно лѣтати и гадковати на коцуровъ, а якъ десь коцуръ появиться, дати знати шурямъ и мышамъ, чтобы сокотилися. Розумѣся — панъ предсѣдатель все то изложивъ въ прекрасной бесѣдѣ, не такъ, якъ я, старый, глупый лиликъ розказую. Было тамъ слово о томъ, что шурѣ, мыши и лилики суть одинъ народъ, одно племя, говорилося о нашей дорогой Родинѣ, о высокихъ цѣляхъ цѣлого мышвенного племени, о культурѣ и о предавныхъ родственныхъ связяхъ межы мышвою и Чоловѣкомъ бо, мовлявъ, межы чоловѣкомъ и межы мышвою только та розлука, что у Чоловѣка нѣтъ хвоста, а у мышви есть, и еще Богъ знае о чомъ, вѣдь коцуровъ въ близости не было, а въ ротѣ не было у пана прадсѣдателя воды. Басѣда была принята зъ огромнымъ одушевленемъ изъ стороны шурѣвѣ тай мышвы. Только лилики мовчали и не одушевлялися. Коли пакъ панъ предсѣдатель воззавъ лиликовъ, чтобы высказали свое мнѣніе и приняли геніальный планъ, одинъ изъ лиликовъ, коротко сказавъ слѣдующое.

„Панове шурѣ тай мыши! Мы вашъ планъ не прин.маеме, бо въ первыхъ мы не шурѣ, не мыши, а лилики и намъ до васъ ничего. Во вторыхъ мы все жили, живеме и будеме жити изъ нашей честной работы, котрою мы и себе выживляеме и другимъ створамъ, межы прочими и чоловѣкови хосенъ робиме. Зато мы не принимаеме ту ролю, котру вы намъ вызначили“.

Въ симъ лилики лишили „дюлішъ“, хо-

Глубокий отдыхъ, сонъ ясный,
У низъ схилились духа крыла,
Де ясный мечъ мой зоряный?
Долонями ночь все накрыла.

Борожихъ бубновъ гаснуть гри,
И стикла далечъ дѣва пляна,
Грызуть обшарпанѣ вѣтры
На горахъ гомонъ мертвый зъ рана.

У долахъ тамка чудо спить
И дощикъ ставъ и гаснуть свѣчѣ,
И спить зѣмля, нерушно спить,
Коли озвеса пѣвень причѣ?

Вже молотъ ночи не куде
Тумановъ сталь тяжку, стозвонку.
Въ скалѣ гранѣтной птахъ жие —
Зловѣщий птахъ, не знае скону.

Огненнѣ позыхи идуть
У морокъ горь, у дненомъ зломѣ,
Лѣсы якъ гребѣнь темѣнь тчуть
Тай входить повночь на поромѣ,
Въ сурорый замокъ, чорный чадѣ,
Якъ ланць скрипить тяги тятивы,
Оживѣ, оживѣ зловѣщий гадѣ
Въ намулахъ чорноѣ розливы.

чу казати: „всеобщее учредительное собрание“.

Но — розсердились щурѣ и мыши и почали лаяти лиликамъ и называти ихъ розными нелестными именами, межи котрыми часто можъ было чути назву: „откраянци“.

Коли гомонъ мало уменьшився, вставъ одинъ другий вождь щуревъ тай сказавъ на щуревско-мышиномъ языцѣ, насколько можъ было его порозумѣти, приближно слѣдующое.

„Многаповажаемія гаспада“! Дале уже скажу по нашому, бо я по щуревско-мышиному не умѣю.

„Не доста намъ лаяти лиликамъ, а треба имъ помститися, вѣдь они насъ образили. Зато я предлагаю, чтобы мы пошли до чоловѣка и завдали лиликовъ, что они опаснѣ створы и ихъ треба дуже сокотитися. Именно: лилики зато лѣтають сюдытуды, обы чоловѣкъ не могъ ихъ хитрости утямити. А хитрость ихъ въ томъ, что коли чоловѣкъ и не думаетъ, вцѣпляются ему у волоса и, если заспять, высосають изъ него кровъ. Кромѣ того суть то святокрады, бо въ церквахъ Божихъ посвяченѣ просфоры крадутъ, отъ чого у нихъ крыла растутъ и стають изъ нихъ найопаснѣйшѣ створы на семъ свѣтѣ: „вам-

пиры“. Но — такъ и сталося, якъ предложивъ панъ великоможный щурѣ.

Та, милѣ моѣ дѣточки, за се лѣтае племя лиликовъ только въ ночи и хотя никому шкоды не робить, а только хосенъ, всеже ненавидять ихъ и чоловѣкъ, и щурѣ, и мышва. Сирохмаѣ Сирохмаоффѣ.

Петро Мишовкѣ-Снѣжниковѣ:

Середъ ночи.

Середъ ночи зоря сѣе,
Своимъ личкомъ мерехтитъ.
До мѣсяця промовляе:
Ци онъ видить, ци онъ знае,
Кому что въ серцю лежить?

— О, зоронько моя мила,
Якы глянула до всѣхъ,
Ты б' отъ горя не спочила,
Своѣ очи б' зажмурила,
Чтоб' не видѣла вже ихъ! —

Середъ неба чтось зотхае.
То зоронька сльозам лл'е,
Лице свое закрывае,
Она видить, она знае,
Кому что у серцю есть.

Народочисленя.

(Гумореска).

Оголошуея народочисленя и я, одинъ изъ тыхъ милліоновъ, до котрыхъ се оголошена относиться, чувствую чось возбужающее, чось завышенное, чось гордливое, чось, что простыми словами и высказати не можъ, можъ только чувствовати. А якбы нѣтъ. Живъ я — незначна клѣточка въ огромномъ организмѣ — до сихъ поръ никимъ незамыченный, хибя что экзекуторы знали за мене, а теперь сразу интересуея мною сама Держава, хоче знати и про мене, хоче знати, кто я такий, откуда похожу, якъ живу, чимъ занимаюся, однимъ словомъ хоче мати мою — такъ сказати фотографію, зняту зъ мене спереди, зъ обохъ боковъ, иззаду, зверху и здолу, извнѣ и внутри. Правда, сяку фотографію звыкли робити о злочинцяхъ, але я думаю, что и злочинець гордый на то, что полиція такъ основно интересуея нимъ. Я не злочинець, ни якийсь славный ци богатый мужъ, про якъ звыкли газеты писати, голвно тоды, коли наконецъ рачать переѣхати изъ сего житя у Вѣчность и дадутъ мѣсто тымъ, котрѣ уже давнымъ-давно чекають упорожнення ихъ и радо бы пристали и на то, чтобы сѣ славнѣ мужъ хотя бы на колесниці Илиѣ поѣхали туды, де нѣтъ чиновъ, нѣтъ телековыхъ книгъ, нѣтъ титуловъ, нѣтъ бляшокъ на груди и другихъ подобныхъ суеть, недостойныхъ серіозного чоловіка и мудреца. Нѣтъ — я простенький чоловічокъ безъ чиновъ, безъ титуловъ и безъ бляшокъ, зъ ними связанныхъ. Радуюся, что живу и никто мною не твориться.

Всежъ така велика нагода, якъ народочисленя и мене встревожило не въ малой мѣрѣ. Представивъ я собѣ, якъ прииде къ мнѣ якийсь комиссаръ, и то не хотъ який пройдисвѣтъ, а истинный панъ въ цилиндрѣ, въ святочной одежи, въ рукавицяхъ и торжественно передасть менѣ отповѣднѣ бланкеты въ супроводѣ маленькой рѣчи и поясненя что до выповнення, такого важного документа, якъ бланкеты народо-

численя. Ну — выповнити бланкеты не буде для мене тяжкимъ дѣломъ, въ конціи концевъ знаю, кто я, кто моѣ родичѣ и все прочое.

* * *

И такъ зъ нетерпеливостью чекавъ я тотъ изрядный день, коли начнеся народочисленя. Спозѣвався на то, что я буду межѣ першими, до котрыхъ панъ комиссаръ пожалуе и зато приготовився, чтобы прилично приняти у себе важну нащиву и вытворити на лиціи отповѣдный серіозноторжественный выразъ.

Чекавъ одинъ день — ничъ. Другий день — ничъ. Девятый, десятый, пятнадцатый день — ничъ. Уже отъ сего дня носъ мой, котрый въ сѣ дни носивъ геть високо, ухлявъ и почавъ якось протяговатися. Что се — думаю собѣ — за мене ачей забыли? Куды мнѣ обернутися, чтобы звернути увагу на то, что и я существую? Вижу, что якийсь папчукъ снуе по улицахъ сюда-туда, заходить до одной хижѣ, до другой, даже до найблизшихъ сусѣдовъ, а до мене — ничъ. Се уже показалося менѣ маленько ги обиднымъ, бо хотяй я маленький чоловікъ, всеже не есмь зовсѣмъ нулла.

Наконецъ вечеромъ пятнадцатого дня, въ субботу, вижу, что тотъ самый папчукъ, котрого видѣвъ въ сихъ дняхъ бѣгати по улицахъ, приближаея къ воротамъ моего дома. Хвала Богу — думаю собѣ — всежъ не забыли за мене. Выстроивъ на лиціи торжественно-кислый обиженный выразъ и летѣвъ отворити панчукови двери. Ай тотъ, якъ увидѣвъ мене, чось заборжотавъ и лишъ такъ черезъ двери сунувъ менѣ въ руки якъсь бланкеты и, уже отходячи, сказавъ: „Выповнѣть! Десъ въ понедѣлокъ або второкъ прииду за ними“.

Зъ симъ щезъ. Я вонъ скаменѣвъ. Что се?

Сякое важное, торжественное дѣло

лише сякъ поперхово, укь—мукь—фукь отпраляеся?

Ну — вижу тутъ нѣчого дѣлати и забрався въ мое дупло, чтобы пересмотрѣти поданѣ миѣ бланкеты. И тогда видѣвъ я, что сѣ бланкеты по совѣсти и правдѣ выповнити геть мудреное дѣло, тутъ даже погребно звернутися за порадою до мудрѣйшихъ людей, якъ есмь я.

Берѣмъ напримѣръ сякий вопросъ: Ци можно васъ считати жидомъ? На сей вопросъ я зъ чистою совѣстью могу отповѣсти сякъ: „Не только могу, але и считаюся всѣми, кто мене ближе не знаютъ, жидомъ“. Хотяй я правовѣрный грекокатоликъ и ничего спольного зъ жидами не маю, всежъ въ первой мѣрѣ фаховцѣ въ жидовствѣ ци нежидовствѣ, именно самѣ жида, безъ выимковъ признають мене жидомъ и если въ пятницу вечеръ встрѣчаюся зъ ними, учтиво кланяються миѣ: „Гіть чабесь“, на что я также учтиво отвѣчаю: „Гіть чабесь“. Не отвѣчаю ничего правовѣрнымъ християнамъ, котрѣ, встрѣтившиися зъ мною, розными лестными замѣтками въ родѣ: „Вонячий жидиско“, „Маршъ въ Палестину“, „Сесь паршивецъ все еще тутъ валяеся?“ и д. честують мою скромну особу. И хотя знаю, что тѣ, котрѣ зъ наибольшою яростью высказують свое мнѣніе о жидахъ, еще 3-4 годы тому назадъ ани носа не умѣли утерти безъ помочи жидовъ, всежъ непускаюся въ споръ зъ ними, чтобы вмѣсто словъ не получить чувствительнѣйшихъ рукоимныхъ аргументовъ. Такъ я и записавъ: „Считаюся жидомъ, але не есмь жидъ“.

Або берѣмъ другой вопросъ: „На какой основѣ володѣете вы своимъ домомъ?“ На се тоже только одинъ отвѣтъ могу дати: „На основѣ идиотства.“ Именно я, якъ довѣрчивый чоловікъ, увѣровавъ обѣщанкамъ „Пітполонинского Всемирного Банка“ и середъ той пустары, о котрой банкъ на душу всѣхъ своихъ 360 директоровъ, поддиректоровъ, наддиректоровъ, вмѣсто директоровъ, урядниковъ и подурядниковъ твердивъ, что въ найкоротший часть здѣлаеся земнымъ раѣмъ зъ широкими бульварами, парками, церквами, монументами, до сихъ и не видиними на

Подкарпатю, купивъ фундушъ, не дорого и не дешево. Купчвъ и помощью дипломанного фахового будовельного подприемчика Хапайла-Недохапавъ давъ выбудовати домъ, чехи бы заказали — баракъ. Потомъ чекавъ, коли настане земный рай. На жалъ — земный рай ниякъ не хотѣвъ зъ'явитися, именно то была хйба, что оно мало здѣлатися, лишь не было сказано: кимъ властиво, а самымъ собою изза несовершенства природы не здѣлалося до нынѣшнѣго дня?

Такъ изъ земного рая остались мухи, величиною въ персть и зъ такимъ голосомъ, что могу ихъ рекомедовати хоть въ який орхестръ вмѣсто бомбардона, тоже комарѣ, котрыхъ наоборотъ не можъ видѣти, але зато щипають немилосердно. О жабахъ и розныхъ гадахъ не говорю, вѣдь рай безъ нихъ бывъ бы плохо заряженный.

Дальший вопросъ: „Изъ чого есть будованный вашъ домъ: изъ камѣня, изъ вальковъ, изъ цеглы?“ Тутъ могъ бы совѣстливый чоловікъ сейчасъ головою о стѣну, кобы не боявся, что стѣна проломиться и повалиться на тотъ фундаментъ, о котромъ звѣдаеся, ци оно изъ камѣня, ци изъ бетону? Именно кто може рѣшити тотъ вопросъ, ци може такой чудесный выробъ керамичного искусства называтися цеглою, котрый окремъ червеной фарбы ниякихъ властностей цеглы не мае, бо по першой зимѣ сѣ такъ званнѣ цеглы почали розпадовати на якийсь порошокъ и розпадають донинѣ? Вальки не суть, цеглы не суть, чимъ же они суть? Одинъ Богъ милостивый знае! А ци може называтися бетономъ такой чудесный выворъ, котрый въ 95%-ахъ складаеся изъ рѣни, а цементу въ немъ лише на показъ находится, бо панъ Хапайло-Недохапавъ дипломаный etc. на 20 тачокъ рѣни давъ одну скупу тачку цемента и зато можно цѣлый фундаментъ перстомъ розобрати?

Такъ и записавъ; „По, торжественною божбою подпертому, мнѣнію Хапайла-Недохапавъ, дипломанного etc., изъ цеглы и бетону.“

Дальший вопросъ: „Чимъ есть крытый вашъ домъ?“ Гмъ . . . ци можно назвати кровомъ такой дахъ, котрый тече на деся-

ти мѣстахъ; а къ тому якъ искусно тече, что дѣры найти не дай Боже?

Зато записавъ: „Де не крыто, тамъ крыто естернитомъ“.

Слѣдующий вопросъ: „Что есть ваше занятя?“ Занятя было колись у мене тай геть доста, але нынѣ ниякого занятя не маю, бо уже я въ пенсіи. Пенсія не велика и не мала, если чоловікъ ничего не купуе, изза здоровельныхъ причинъ довольствуеся супомъ изъ картофель и тому подобными брехнями, зовсѣмъ красно може изъ ней выжити, даже чось и останеся на пачку. Словомъ — я въ пенсіи. Але ци есть то занятя? Ани дорадники моѣ не могли ми сказати, что есть мое занятя, коли я уже ничимъ не занимаюся. Такъ записавъ:

„Занятя у мене то, что ничимъ не занимаюся“. Сякихъ и подобныхъ задирастыхъ вопросовъ было тамъ и больше, але думаю и сихъ доста.

Только послѣдний вопросъ причинивъ мнѣ боль головы, именно звѣдалося, ци я слутый, безрукий... идіотъ, дурный. . .

Что на се отвѣчати? Слутый, калѣка, безрукий, безногий не есмъ. Але идіотъ...? Тутъ треба добре подумати! И почавъ я зводити счеты моего живота и указалося, что — *summa summagum* — дивлячись на мой животъ спереди, иззаду, зъ обохъ боковъ, зверху и здолу, извнѣ и внутри, можно его характеризовати только однимъ словомъ: „Идіотство“.

Такъ и записавъ при одобрительномъ покиваню головами моихъ милыхъ дорадниковъ:

Идіотъ.

Ъ Ж А К Ъ.

(Байка).

„Мамо, мамо“ — говоривъ задыхаючися и тремтячи молодой дроздикъ до старой дрозди — „что я нынѣ переживъ! Полѣтовавъ я по гаю и збиравъ поживу. Якъ змучився, сѣвъ я отпочити на одинъ корчикъ невысоко надъ землею. Якъ тамъ сижу, разъ лишь изподъ найблизшого корча высунулася прекрасна головка зъ свѣтлячими, острыми очима и внимательно подивилася на мене. Потомъ за головкою

выповзло довгое, прекрасное, гладкое тѣло, украшенное черными, бѣлыми, жовтыми прелестными узорями. Потомъ легонько поднявъ голову и передню часть своего довгого тѣла и ледва замѣтными движениями почавъ приближаться, не зводячи своихъ очей зъ мене. Потомъ ледва слышнымъ, фایнымъ голосомъ почавъ говорить до мене:

„Дорогий мой дроздику, який ты красивый тай выкоханий! Любишься менѣ, дай, най я тебе поцѣлую“.

Я зовсѣмъ очарованный лишь дивився на него и обомлѣвивъ отъ радости, что сякий красивый створъ интересуеся мною, бѣднымъ дроздикомъ.

Разъ лишь изза того корча, откуда появился сей красивый створъ, показався другий. Та сяку паскуду я 'ще не видѣвъ. Тѣло ги куля, лишь спереди стырчить маленький острый носикъ, надъ нимъ маленький, чернѣ, ги перлы оченята, а цѣлое тѣло покрыто острыми, колючими бодаками. „Се ачей чортъ“ — думавъ я собѣ, — котрого такъ часто споминають люде“. Сей чудесный створъ неслышно сунувся за моимъ прекраснымъ милымъ приятелѣмъ и, коли тотъ правѣ хотѣвъ мене поцѣловати, якось нешиковно подскочивъ и въ слѣдуючу мить чось хрупнуло и мой прекрасный приятель зъ перегрызенымъ хребтомъ въ смертельныхъ корчахъ вився на земли. На се тотъ страшный творъ чось загрузавъ и преспокійно почавъ поѣдати свою добычу. Якъ черезъ якийсь часъ я пробудився изъ задревѣлости, отъ страху закричавъ и прямо прилетѣвъ до тебе. Скажи, мамко, что се всё было“.

„Подякуй Богови“, — сказала мамка — „что спасъ тебе отъ смерти. Тотъ прекрасный створъ, котрый тебе такъ очаровавъ, бывъ ядовитый змѣй, нашъ найгорший ворогъ. Кобы поцѣловавъ тебе, уже бысь не живъ. А тотъ страшный створъ покрытый бодаками, не чортъ, а добрый, честный ѣжакъ, ворогъ только ядовитымъ повзунамъ и злодѣйскимъ грызунамъ. Если встрѣтишься зъ нимъ, заспѣвай ему найкрасшу твою пѣсню и въ будущности не суди по внѣшности“.

Иванъ Бростяникъ

Самоубійць въ народномъ вѣрованіи.

(Продовженія)

Такое мѣсто называется намѣтъ¹⁾. Коли зъ часомъ могила стане большою, запалюють еѣ. Кто не откупится такимъ способомъ отъ повѣшленника, зайшовши въ его кругъ, буде блудити, бо повѣшленникъ его замане. Намѣтъ уважаея мѣстомъ дуже небезпечнымъ, бо послѣ деякихъ повѣръ на такомъ мѣстѣ никто не перейде щастливимъ въ „лихий часъ“. Что до метаня „отъ себе“ на могилу, то ци не скрывается въ томъ давний поганскій звычай сыпати могилу надъ помершимъ, кинути отъ себе грудку землѣ, чтобы откупиться отъ мертвого и дати ему чтось? Розуміея, коли ишло о важну особу, то изъ грудокъ ставала могила²⁾. И днесъ члены семѣ мечуть мертвому въ гробъ грудку землѣ, „чтобы его скоро забыти и чтобы не набивавъ“, а въ труну патички означаючѣ рознѣ предметы.

Предметы, бывшѣ въ контактѣ зъ повѣшленникомъ, мають такожъ магичну силу (мотузъ, гачникъ и т. д.)

До утопленника не прикладаютья такѣ строгѣ мѣры, якъ до повѣшленника, бо онъ рѣдко трафляея, тай установити тяжко, ци онъ добровольно або случайно утопился. Котрый самъ утопился, стоить на ровнѣ зъ повѣшленникомъ³⁾. Утопленникъ вызывае великѣ дождѣ и бурѣ ажъ доки не найдуть и не вытянуть его изъ воды. Хоронять его якъ звычайно, але коли везуть его въ село, звонять якъ проти бурѣ, абы „не набывавъ на готарь“.

Утопленникъ страшитъ на мѣстѣ, де утопивъ себе. Кого зловить, того утопить або задавить. Онъ наибольше небезпечный слабого мѣсяця. Ходитъ надъ берегомъ и вые страшными голосами, або кричитъ чо-

¹⁾ Отъ дѣслова метати—наметати. Мѣсто такое называется „на намѣтъ (на намѣтъ)“. На намѣтъ роблять часто своѣ сходыны вѣдьмы, вѣдьмаки, опирѣ и пр.

²⁾ Пор. для аналогіѣ Л. Нидерле „Быть и культура древ. Слав.“ ст. 113—135; П. Яцько: „Руськѣ могили изъ поган. doby въ Земл.“ П. Р. II, ч. 7.

³⁾ Деколи отожднюють его прикметы зъ водяникомъ, отъ котрого онъ рознитъя. (Пор. Демон. IV.)

ловѣчимъ голосомъ, чтобы ктось ему озався. Въ отповѣдну пору затыгае такожь у воду. Обявляея въ своемъ образѣ — „лице черное, страшное, очи якъ углѣ“... Такожъ навщивляе свое тѣло въ гробѣ и жалостно заводитъ, просячи помочъ. Помагають ему частымъ священемъ гробу. Тогда муки его зменшаютья. Тѣ, котрѣ погинули „не своею смертію“, або самѣ убили себе, збирають старанно свою кровь и завсѣгды перебивають на мѣстѣ своеѣ смерти. Не зъ власной охоты погинувшѣ не проявляють великой функціѣ. Страшать и мучать лише того, кто ихъ роздражнить. Плачуть и свѣтять.

Самоубійць черезъ пролитя крови, и др. проявляють такую саму функцію якъ и попереднѣ; плачуть усгашающими голосами, мучать, страшать и п.⁴⁾

Что до функціѣ mezi женскимъ и мужскимъ поломъ ниякой розници не есть.

Самоубійцевъ и нещаснозгинувшихъ почивають послѣдними часами ховати звычайно подъ цвѣтаремъ, а на мѣсто, де згинули, мечуть дальше однѣ предметы. Але тогда уживають средства якъ и для дводушника⁵⁾. Въ уста кладуть потовченое скло, глогъ, олово „святого маку“⁶⁾, — „чтобы мавъ что ѣсти“, и грошѣ⁷⁾, якъ откупленя села отъ напасти зъ его стороны. Въ труну мечуть рознѣ предметы якъ символы работъ и свячечый макъ, чтобы мавъ чимъ заниматься и что збирати. Наконецъ сердце пробивають осиковымъ, глоговымъ або липовымъ коломъ, труну обносять триразы на лѣво докола стола и кладуть подъ мешгерницу и п. (особливо

⁴⁾ Душа переважно визана на кровь (Пор. А. Vashan: Psychologie s. 15-20.)

⁵⁾ Однѣнъ и тотъ самый магичный актъ якъ головный прикметы въ нар. магій и для другихъ цѣлей.

⁶⁾ Свячечый макъ на „Маковія“ (день лѣтнего водосвятія.) Тогда кладуть для посвяченя у воду головки маку.

⁷⁾ Звычайно 5. филлеровъ.

тогда коли порозрѣвають его еще и дво-душникомъ⁸⁾).

Одночасно треба замѣтити, что повѣш-ленникъ, утопленникъ, то пляма на чести фамиліѣ и цѣлого роду, тому подобныхъ припадковъ бояться и таять насколько то возможно. Въ дечомъ подобнѣ имъ тѣ, что передчасно померли.

* * *

Душа людини, чтобы закончити коло-бѣгъ житя, повинна пройти нормально трьома стадіями: народженьемъ, свадьбою (ритуаль дозрѣваня) и нормальною смер-тю⁹⁾. Ненормально отдѣлена душа отъ тѣ-ла страдае и довший часть вязана до тѣла а головно на кровь, яка може еѣ на хви-лину привести до житя¹⁰⁾. Такожъ форма житя мае впливъ на посмертное житя — она може учинковати якъ добра або зла, якъ такожъ еѣ ожидае заслужена нагоро-да або кара — вѣрованя, что его въ за-рисахъ стрѣчаеме у всѣхъ народовъ, въ египет., вел., староперской и др.¹¹⁾. Ра-зомъ маеме передъ собою прикладъ ани-мизму, який всюды выступае якъ склад-никъ религійного свѣтогляду, головно въ религіяхъ изъ много богами¹²⁾ и якъ тре-ваюча по днесъ форма народного свѣто-гляду.

⁸⁾ Пор. такожъ В. Савель: Отголоски яз. вѣр. въ божу П. Р. Центр. Евр. 1937. ст. 170-171.

⁹⁾ Пор. Genner: Rites de passage; G. v. der Le-ew: Phänomen der Religion II. §. 22. Др. И. Пань-кевичъ: Гоовір сіл ріки Рускої... Наук. Зб. X. ст. 188—190; Szendrey A. „A halott lakodalma“, Ethno-graphia-Népelet LII. o. 44—53.

¹⁰⁾ Пор. Гомер: Одиссея, „Утук“ у стар. Вави-лон. (гл. М. Jastrow: „Die Religion Assyri u. Bab. I.

¹¹⁾ Въ примит. рел. се относится лише до по-сѣд. лѣпшихъ або горшихъ мѣстъ, неспок. и п. Напр въ ескимосовъ [Пор. F. v. Hellwald: Natur-gesch. der Mensch I. 257 (такожъ Im ewigen Eis 239—244) — праведнѣ жить въ подземелю, де все-го доста: мяса туленьовъ, рыбъ. Грѣшнѣ жить на небѣ, де зима и голодь].

¹²⁾ Напр. поровний брагманнизмъ и буддизмъ.

Ци Вы уже заслали передплату
за „Карпатску Недѣлю“?

НОВѢ КНИЖКИ

Иванъ Мураній:

Оповѣданя и байки.

Народна бібліотека ч. 2.

Выдана Подкарпатского Общества
Наукъ. Унгарь, 1941. 16⁰, ст. 64.

Иванъ Мураній принадлежить до той но-вѣйшой гарды письменниковъ, котрѣ раз-винули прапоръ литературы правдивой подкарпатско-народной. Въ его творахъ загомонитъ звонкий народный языкъ подк. русиновъ зъ всею его красотою, мило-звучностью и оригинальностью и безъ за-краски приближеня до якихъ нибудь языковыхъ напрямовъ. Сей томъ его опо-вѣданъ есть „народный“ не только по язы-ку, але и по его содержанию. Никто изъ нашихъ дотеперѣшнихъ писателевъ не знае лѣпше психологію нашего простого народа, якъ И. Мураній; его душу, его менталиту и его способъ житя. Авторъ быстрыми очами зауважае характеристичнѣ черты простого руського населеня и худо-жною рукою змалюе житя — бытя руського селянина: любовь къ землѣ, его пристрастну привязанность къ худобѣ, его отношеня до пановъ, до природы и его религійность. Всетаки И. Мураній не е представителемъ лишь семейского бытя; онъ розширяе свою письменну дѣяльність и на поле житя тутешней интеллигенціѣ, давныхъ священниковъ, дяковъ, пановъ. Про многосторонность Ив. Муранія, якъ писателя свѣдчатъ его пережѣ творы, въ котрыхъ выступае писатель якъ перво-рядный драматургъ (Тарасовичъ, Тестаментъ и пр.) такожъ и талантливый переводчикъ головно изъ англійского языка (Дикенсъ: Коляда, Джеромъ: Нова утопія, Киплингъ: Подприємчивое товариство и пр.

У насъ для народа писати народнымъ языкомъ уважалося до теперъ оскорбле-нямъ широкихъ массъ людей и грѣхомъ противъ лѣпшой будучности народа. Ра-дуемеся, что Подк. Общество Наукъ вы-пустило сю скромну зборку его оповѣ-данъ. Знаеме и то, что И. Мураній мае въ своемъ письменномъ стилѣ еще много по-добныхъ, даже еще цѣннѣйшихъ творовъ и надѣмеса, что стараньемъ Подк. Об-щества Наукъ и сѣ выйдуть на Божий свѣтъ. Тогда потомъ убѣдиться и наша ширша суспольность о томъ, что и на на-шомъ языкѣ можъ красно и художественно писати.

Б.

ЛИТЕРАТУРНО- НАУКОВА

ПРИЛОГА КАРПАТСКОЙ НЕДѢЛЬ

Ч. 5.

ЗЪ ДНЯ 20. ЮЛІЯ 1941.

Р. І.

Ф. Пасъчникъ:

Зеленъ стругъ.

Порхнули голубы у высъ
У блесковъ золотыхъ обая
На зломъ нагло десь повисъ
Промѣничикъ згаслого богатыя.

Въ зеленѣ струны гомонять
Стрѣлы вѣтровъ на небосклонѣ,
На западъ въ сумерки летять
Наполоханѣ сонця конѣ.

Зъ долонѣ скрепчуть сонъ поля,
У водахъ тонуть мрѣѣ лѣти
Знялась якъ помело земля
У сине зарево летѣти.

Вѣдьмы.

Заснуло поле... замокъ на скалѣ,
Въ кровавѣ згусили подыхи коралѣ,
И кряче воронѣ... зъ мокрой землѣ
Три вѣдьмы встали пьянѣ на прогалѣ.

У дикихъ водахъ чорный страхъ дозрѣвъ,
По межахъ плачуть нехрещенѣ дѣти,
А очи ихъ и поломѣнь и гнѣвъ
И меркнуть зводовъ зчорнѣлѣ орѣты.

Надъ гробами подносятся у висъ,
Лютые страхъ, у нетрѣ жмутся змѣ,
Надъ городомъ якъ привидѣ оповисъ
У теплѣ морокъ чорноѣ надѣѣ.

Петро Мишовкѣ-Снѣжничкѣ:

Судъ неправыхъ.

Кажуть люде: „Онъ не чуе!“
То глухий мене смѣхуе.
Я мовчу,
Чтобъ глухий мене не вчуѣ.

Кажуть люде: „Онъ не видитъ!“
То слѣпый до насъ видячихъ
Говорить,
А мене душа болитъ.

Кажуть люде: „Онъ безсилий!“
Калѣки сильныхъ судили.
А мене,
Неправда у гробъ жене.

Такое то подписали.
Тай святу печать поклали
На папѣрь.
Ты только у свое вѣрь.

Я не знаю Милый Боже,
Якъ тому терпѣти можешь?
Безъ идей,
Люде вбиваютъ людей!

Фальшива реклама.

Еще все суть такѣ люди, котрѣ не дуже радо посылають своихъ дѣтей до школы. Причиною того есть то, что они не знаютъ цѣль теперѣшной школы. Думаютъ, что цѣлю школы есть только научити дѣтину мало читати, писати и числити, а больше ничь. Они не знаютъ, что теперѣшна школа мае за цѣль не лише научити дѣтину читати, писати и числити, но цѣлек еѣ есть еще и воспитати изъ дѣтины доброго горожанина и приправити еѣ до щастливого житя.

Однимъ такимъ селяниномъ бывъ и Иванъ Мулявий. Онъ бывъ однимъ изъ межи найбогатшихъ людей въ селѣ. Мавъ лише одного сына Данила. Коли Данило подростъ, треба было его записати до школы. Романъ всяды такъ говоривъ: — „Я нѣколи не ходивъ до школы, а прото я есмь найбогатшимъ господаремъ въ селѣ. И то не могу сказати, что належу до найнеграмотнѣйшихъ людей, бо не есть тако-го богослуженя, котрое я бы не знавъ отправити.“ — Онъ бывъ пѣвцемъ, бо научився читати изъ церковныхъ книгъ. И своего сына не посылавъ до школы, но самъ учивъ его читати изъ церковныхъ книгъ. Та сынъ знавъ читати, але не знавъ писати. И онъ уважавъ письмо непотрѣбнымъ для господаря.

Одинъ изъ ровесниковъ Данила, Кирило Кирильчукъ, докончивши восьму классу народной школы зъ дуже добрымъ успѣхомъ, прийшовъ похвалитися своему ровеснику Данилови, что якое красное свидѣтельство доставъ онъ въ школѣ.

— Та хотяй ты ходивъ до школы и маешъ дуже доброе свидѣтельство, однако ты не знаешъ только, якъ я. Ану, ци ты бы знавъ отправити дакотрое церковное богослуженя такъ, якъ я его огправляю? — Хвалився Данило. А его отецъ Иванъ еще и засмѣявся, что его сынъ правду мае. Сѣвъ межи ровесниковъ и почавъ ихъ испытювати.

— Ану, Кириле, заспѣвай менѣ тропарь першого гласа! — Силовавъ Иванъ.

Кирило не знавъ. Иванъ звернувся до

своего сына: — Ану, Дан иле, заспѣвай ты

Данило заспѣвавъ: „Камени запечатану отъ юдей и воинномъ стрегущимъ“ и т. д. Спѣвавъ всѣ тропарѣ и закончивъ тропаремъ восьмого гласа: „Со высоты снийшелъ еси Благоутробне.“ А Кириль анѣ одинъ тропарь не знавъ проспѣвати. И еще сказавъ Иванъ Данилови, чтобы не приятельовавъ зъ Кириломъ, бо Кирило не есть такимъ ученымъ, якъ снѣ.

Кирило зажурился. Онъ самъ признався, что не знае только, якъ Данило, бо не знае тропарѣ спѣвати.

По смерти отца сынъ Данило стався наслѣдникомъ его въ церкви. Бывъ крылосникомъ. Крылосника на селѣ уважають якъ найкультурнѣйшого чоловѣка на свѣтѣ. Такимъ найкультурнѣйшимъ чоловѣкомъ бывъ и Данило, хотяй онъ и подписатися не знавъ. Зато, коли были сѣльскѣ выборы, Данило бывъ выбранный за старосту села.

Выборы одноголосно вырвали на него. Коли выборы докончилися, треба было подписати протоколъ. Та бѣда. Выбранный староста не знае писати. Было ганьбы на цѣлое село, коли панъ нотарь сказавъ:

— Люде! Вы не ганьбитесь тымъ, что выбрали на старосту неграмотного чоловѣка? Якъ може быти старостою такой чоловѣкъ, котрый и подписатися не знае!?

Всѣ селяне, а наибольше самый Данило, были збуренѣ тымъ, якъ смѣе панъ нотарь назвати неграмотнымъ ихъ найкультурнѣйшого чоловѣка? Нотарь рѣшучо сказавъ, что Данило не може быти старостою. Проектовавъ то:

— Люде чеснѣ! У вашомъ селѣ есть разумный чоловѣкъ, котрый кончивъ восемь классъ народной школы. То есть Кирило Кирильчукъ. Я бы проеکتывавъ избрати его на старосту.

Что знали робити селяне? Якъ лише не може быти старостою Данило, такъ мусѣли другого избирати. И згодилися на то, чтобы старостою бывъ Кирило.

Данило зажурился. Не такъ жура, якъ жаль мучивъ его, что онъ не може быти

старостою. А ще и гяньба, что онъ неграмотный.

— А если бы я знавъ писати, ци могъ бы быти старостою? — Звѣдався Данило.

— Якъ лише будете знати писати, сейчасъ Кирила звержеме изъ староства и поставиме васъ. — Потѣшивъ его нотаръ.

Данило еще того самого дня пошовъ до пана учителя попросити его, чтобы научивъ его писати. Панъ учитель сказаъ ему:

— Сей зимы я отворивъ курсъ неграмотныхъ. Тамъ много людей научилося читати и писати. Вы не хотѣли записатися на курсъ. Еще и великимъ ворогомъ были его. Вы и другихъ отговорьовали, чтобы не ходили на курсъ, бо то гяньбовитое быти неграмотнымъ и ходити до школы, якъ дѣтина. Теперъ я не могу васъ учити нѣ за яку цѣну. Почекайте до зимы, тогда я откряю щераъ курсъ неграмотныхъ и тамъ будете мочи научитися писати.

Ишого ратунку не было, якъ лише чекати до зимы. А зима далеко. Данилови тяжко было никати на то, что селомъ управяе той, котрый не знае анѣ одинъ тропаръ проспѣвати. Ходитъ якъ дурный. Не може собѣ нѣгде спокою найти. И отъ людей гяньбится, что онъ есть неграмотнымъ. Доти все, что сказаъ межи людьми, каждый повѣровавъ ему, а отъ теперъ вже никто не повѣруе ему, бо его авторитетъ знищенный паномъ нотаремъ. Онъ до теперъ и до читальнѣ николи не заходивъ. Теперъ попробовавъ зайти туды. Въ читальнѣ на столѣ лежала новинка. Онъ взявъ еѣ и не отъ початку почавъ читати, но отъ конца, де были рекламы. Тамъ была одна така реклама:

„Увага! Пишуча машинка! Первой сорты! Сама пише! Стоить чотыристо Пенгевъ!“

— Сама пише . . . — промовивъ самый до себе. — Менѣ сего и треба. Машинку, что буде мѣсто мене сама писати. Продамъ волы и куплю тоту пишучу машинку, что сама пише.

Вже другого дня продавъ волы и пошовъ до той торговлѣ, де продають пишучѣ машинки, что самѣ пишутъ. Въ дорожѣ грозивъ Кирилови и пану нотареву:

— „Почекай ты, Кириле! Не довго ста-

ростуешь! Але и вы пане нотаре почекайте! Вы мене назвали неграмотнымъ, а якъ я куплю такую машинку, что сама буде писати, то вы не будете мочи зѣ мною поровнятися. Мое письмо не такое буде, якъ ваше!“

Зайшовъ до торговлѣ. Проситъ отъ торговца: — „Ану дайте менѣ одну пишучу машинку, что сама пише. Выберѣтъ, котра найлѣпша!“

Торговецъ показавъ пишучу машинку.

— „Что за ню просите?“ — звѣдався Данило.

— Чотыристо Пенгевъ — отповѣвъ торговецъ.

— Не спустите дачто?

— Туй токмы не есть. То есть еѣ установлена цѣна. Хотите купуйте, а якъ нѣтъ, то идѣтъ зѣ Богомъ!

— Но, та скажѣмъ, хоть одну пятьдесятку спустите?

— Шкода часу! Я вже сказаъ, что въ насъ токмы не есть.

Коли торговецъ хотѣвъ отложить машинку, Данило довго не роздумовавъ, но заплативъ цѣну и весело вырушивъ до дому. Такъ ишовъ, якбы вже сельска печатка была въ его рукахъ. Дома положивъ машинку на столъ, вложивъ до неѣ чистый папѣръ, самый сѣвъ при другомъ концѣ стола и почавъ говорити до машинки:

— Будешъ все то писати, что я буду диктовати! — И почавъ диктовати машинцѣ: — „Пане нотарю! При послѣднихъ сельскихъ выборахъ вы сказали, что я неграмотный и лише тогда буду старостомъ, якъ буду знати писати. Я вже и тогда знавъ писати, лише хотѣвъ васъ выпробовати, что який вы чоловікъ до мене. Теперъ прошу неотмѣнно постаратися тымъ, чтобы я завтра перебравъ староство! Можете пересвѣдчитися о томъ, что якъ я красно знаю писати, може еще красше, якъ вы. Точка“.

Коли Данило встававъ изъ своего столця и ишовъ идъ машинцѣ, сцѣливъ своѣ пястухи и грозивъ пану нотареву и Кирилови: — „Я вамъ обомъ покажу, что я хоть и до школы не ходивъ, а больше знаю, якъ вы оба! Достаростовавъ ты Кириле! Отъ завтра уже я буду старостою села, а не ты!“ — И поникавъ на па-

папѣрь. Папѣрь бывъ такой чистый, якъ его положишь до машинки. Збѣда и глубоко задумався. Не скоро проговоривъ самый до себе:

— Торговецъ обмануть мене! Продавъ менѣ недобру машинку.

Взявъ пишучу машинку и понесъ до торговца. Сердито закричавъ на торговца:

— Вы обманули мене! Продали менѣ недобру пишучу машинку! Она не пише! Теперь, або дайте менѣ добру машинку, або вернѣть менѣ моѣ грошѣ!

— То невозможное! Машинка мусить быть добра! Она мае писати! И торговецъ вложишь до машинки папѣрь. Пише. Подавъ папѣрь Данилови, чтобы онъ перечитавъ, что написавъ. И справдѣ, машинка пише.

Данило взявъ машинку и снова и иде до дому. Въ торговца добре прикиався, якъ торговецъ писавъ. Теперь он вже не издалека диктовать машинкѣ. Подумавъ собѣ:

— Машинка въ мене недобре писала зато, бо я не бивъ у тоты значки, что суть на ней. И не треба диктовати, лише думати, якъ то торговецъ робивъ.

Теперь дома Данило сѣвъ коло машинки, не диктовать, лише думать и бивъ у машинку. Коли все передумавъ, что хотѣвъ написати, выйнявъ папѣрь изъ машинки и видѣвъ, что папѣрь записанный, но такъ, что то не можно перечитати. Пошовъ до своего кума. Онъ дачто порадить ему въ семь. Кумъ такожь не могъ перечитати написаное. Крутивъ папѣремъ у всѣ боки. А въ конци скававъ:

— Ова, куме! Сесе не понашому писано. Сесе якийсь дуже чудный языкъ. Понесѣть машинку до торговца и просѣть его, чтобы вамъ вымѣнявъ за такую, что буде писати нашимъ языкомъ.

Данило такъ и зробивъ. Знова выкрикся на торговца:

— Вы обманули мене! Вы менѣ продали такую машинку, что не пише по нашому. Вымѣняйте менѣ за такую, котра нашимъ языкомъ буде писати!

— Та она по нашому пише.

— Е, говорѣть вы менѣ дурницѣ! Тады поникайте, что какое написала. Се не прочтае и фышкарошь! — И подавъ торговцу папѣрь.

Ф. Пастернакъ:

Н а с т р о й.

*Зеленый ранокъ — сонцептахъ,
Рука нѣма упала ниже
Въ зеленѣ суми на поляхъ,
Колыше сердце джжны свѣжо
Зеленый ранокъ сонцептахъ.*

*Могутный повдень — струноцвѣтъ
Изъ сердца вырвавъ пѣснь сувору,
И кинуть въ закруты орбиты,
Подносить руки вгору, вгору
Могутный повдень струноцвѣтъ.*

*Премудрый вечеръ — хвалахваль,
Спѣвають снопы якъ органы
И хмарь могутный, чорный валь,
У дѣтъ землѣ глубоко тане,
Премудрый вечеръ хвалахваль.*

Торговецъ поникавъ на папѣрь и голосно засмѣявся кажучи: — Машинка добра, лише вы не знаете писати.

— Чтооо? Я маю знати писати? О, якбы я знавъ писати, я бы собѣ не купывавъ машинку, чтобы она мѣсто мене писала!

— Но, чоловіче! Я и не знавъ, что еще теперь найдеться такой чоловікъ, чтобы не знавъ только, что машинка сама не може писати.

— Та такъ было у вашей рекламѣ! То тогда была фальшива реклама.

И вергъ машинкою въ землю. Она розтрошилася. А теперь домагався, чтобы торговецъ вернуть ему грошѣ. Торговецъ скававъ: — Если бы бывъ не разбивъ машинку, я бы бывъ вернуть тобѣ грошѣ. Сякъ твоя шкода. Се ты програвъ про свою неграмотность.

Данило самый признався, что все то онъ програвъ про неграмотность. Понесъ разбиту машинку до дому, положивъ еѣ до ясель, де колысь были привязанѣ тобѣ волю, за котрѣ онъ купивъ еѣ. Другой зимы ходивъ на курсъ и научився писати. А своихъ дѣтей дуже напоминавъ, чтобы прилѣжно ходили до школы и училися.

ЖАБА.

(ВЪ РОДЪ СКАЗКИ).

Послушайте вы мене дорогѣ моѣ жабоньки, скажу вамъ сказку. Властиво и не есть то сказка, хита тымъ, что ото, о чомъ я вамъ розкажу, сталося дуже давно. Въ тыхъ давныхъ часахъ еще всѣ жабы одѣвалися однако, розниці межи ними не было, ще не надувалися пооднѣ изъ нихъ, чтобы представити собою вола. И спѣвали однако ожъ каже: *квакъ-квакъ*. Але бѣгомъ часу наше племя розмножилося по цѣлому свѣту и пооднѣ почали надѣвати на себе одежѣ по новой модѣ, другѣ почали стыдиться тымъ, что они только жабы и насилу перемѣнявалися у веретѣльницѣ тай хамелеоны, зновъ другѣ почали спѣвати на рознѣ ноты, что наконецъ жаба жабу не познала. Тай и боцаны и гады почали сувати своѣ немѣты носы гуда, де имъ ничего было глядати, однимъ словомъ — бѣда.

Тогда наймудрѣйшѣ нашего племени рѣшили скликати конгрессъ всѣхъ жабъ, чтобы порадитися и спольными силами конецъ учинити всѣмъ тымъ бѣдамъ, котрѣ тяготили надъ нашимъ племенемъ. Такъ войшлися жабы изъ цѣлого свѣта и почали радитися. Першый разъ треба было учинити конецъ тымъ розницямъ, котрѣ вытворилися межи жабячимъ племенемъ. Перша точка была, якъ спѣвати? Одинъ старый, бородатый жабунъ предложивъ, чтобы спѣвалось по древнему звичаю: *квакъ-квакъ*, при чомъ най дозволяеся спѣвати повголосомъ ниже, або выше, бо монотонность нудна. Выскочивъ на се другой жабунъ, впрочемъ докторъ (*sum laude* — прошу) дѣсгармоникки, и заявивъ при одушевленномъ одобреню всѣхъ жабъ-веретѣльницѣ и жабъ-хамелеоновъ, что онъ се предложеніе не приймае, мовлявъ, что старое, то и дурное тай, отаываючись на свой докторский дипломъ (*sum laude* — прошу), предложивъ, чтобы по сему спѣвалось не *квакъ-квакъ*, а *квыкъ-квыкъ*. На се поднявся зновъ другой жабунъ [и отзываючись тоже на свой докторский дипломъ *sum maxima laude*, приобретенный нимъ на каменецъ-подольскомъ универси-

тетѣ за повныхъ трехъ мѣсяцевъ, предложивъ, чтобы спѣвалось ни сякъ, ни такъ, а *квикъ-квикъ*. Се предложена не дуже одобрялося честнымъ конгрессомъ. На се выскочивъ одинъ пузатый жабунъ, котрый уже выдавъ десять спѣванниковъ для жабъ и въ кождомъ изъ нихъ выкладавъ другой и другой способъ спѣваня. Предложивъ, чтобы по сему спѣвалось: *квикъ-квикъ*.

Бо мовлявъ, якъ жабы будутъ спѣвати сякъ, цѣлый свѣтъ буде думати, что мы не жабы, а орлы. На семъ пакъ цѣлый конгрессъ, докторы и недокторы, знаменито побилися, одинъ другому наплювали въ пысокъ, наввали одинъ другого дурнями, глупцами, безграмотными грамотѣями, зрадниками тай розойшлися. Отъ того часу кожда жаба спѣвае по своему, однѣ голосять: *квакъ-квакъ*, другѣ *квыкъ-квыкъ*, третѣ *квикъ-квикъ*, а зновъ другѣ: *квикъ-квикъ*.

Але найшлися и такъ, котрѣ присвоили собѣ зовсѣмъ новый способъ спѣваня, ожъ каже: *брекеке-брекеке*. А найхитрѣйшѣ рѣшительно заявили, что они послѣ сего будутъ сякъ спѣвати: . . . уыкъ . . . уыкъ . . . уыкъ, и зато . . . уыкъ.

И сякъ цѣлый выслѣдъ того давного, славного жабячого конгресса: „другъ друга непознаша“. И такъ не дойшло ани до рѣшеня о томъ, якъ бы треба утерти носы боцанамъ и гадамъ, чтобы не безпокоевали благородное жабячье племя.

„Квакъ-квыкъ-квикъ-квикъ,
брекеке . . . уыкъ“.

Иванъ Русначико.

Поштова скринька

И. Яблонецький, Ясѣня. Вашу статью помѣстиме, але передъ тымъ мусите намъ сообщити, зъ якихъ джерель Вы черпали историчнѣ факты. Статя буде скорочена.

В. Г. Кушниця Каталогъ книжокъ еще не маеме. Ажъ будеме мати, зашлеме.

Панъ „Грицько“. Сообщѣть намъ свое имя и адресу. Оповѣданя послѣ деякихъ поправокъ поиде. Присилайте больше, чтобы мы могли красшѣ и лѣншѣ vybrати.

Ф. Пасѣчникъ, Бичковъ. Оповѣданя приготовили уже до друку. Намѣряеме выдати Зборничокъ Вашихъ вершиковъ.

И. Б. Унгваръ. Оповѣданя помѣстиме въ слѣдующомъ числѣ.

Отповѣдь на першу часть „Критики грамматики руського языка“.

Кто знае способы борьбы нашихъ домарощенныхъ „настоящихъ русскихъ“ за гегемонію великорусского литературного языка на Подкарпатю, тотъ не буде чудоватися сей критицѣ. Повправды, подобіи хитрости суть тѣ знаряды, помочью котрыхъ воюеся противъ нашего народного языка и противъ всѣхъ тыхъ, котрѣ безкорыстно, изъ любви къ своему народу борются за то, чтобы забезпечити достойное мѣсто народному языку въ нашомъ культурномъ животѣ. Для характеристики достаточно навести то тверженя „Карпаторусского Голоса“ въ томъ самомъ числѣ, въ котромъ появилась ся критика, что нашъ народъ отвергъ украинский языкъ и въ 80%-ахъ голосовавъ 1938-ого рока за *грамматику Евменія Сабова*. Всѣ мы знаеме, якъ было переведено се голосованя. Народу бывъ предложеный въ большинствѣ случаевъ вопросъ сякъ: „Хочете вы украинский языкъ, ци хочете *нашъ языкъ* на основѣ грамматики нашего чоловѣка Евменія Сабова?“

Нашому народу самособою ниякого украинского, але ани ниякого другого чужого языка не треба было. Народъ голосовавъ въ 80%-ахъ за свой языкъ, за „нашъ языкъ“, безъ того, чтобы мавъ понятя о томъ, яка тота грамматика Сабова, написана въ дѣйности эмигрантомъ Григорьевомъ. Правда есть та, что нашъ народъ, отвергши украинский языкъ, въ дѣйности голосовавъ за тотъ языкъ, на котромъ въ томъ часѣ была писана „Недѣля“, за тотъ языкъ, котрый представляе нынѣ „Грамматика руського языка“. Се есть правда! Своего часу въ „Недѣли“ бывъ предложеный слѣдующий проектъ для установленя правдивого мнѣнія нашего народа относительно языка. Най выбереса яка будь статя и най предложитса она народу: 1) на украинскомъ языкѣ, 2) на великорусскомъ языкѣ на основѣ грамматики Сабова и 3) на томъ языкѣ, на котромъ была писана тогдашня „Недѣся“.

Мы обовязалися и на то, что, если народъ языкъ нашъ откине, отступиме и дальше мѣшатися въ языкову борьбу не будеме. Приймеме безъ ропота то, якъ народъ рѣшивъ.

На се наше честное и прямое предложеня такъ украинцѣ, якъ и „объединителѣ“ отвѣтили гробовымъ мовчаньемъ.

Мы нынѣ зповъ предкладаеме то самое. Предложѣмъ языки нашому народу, най рѣшае онъ, въ конци концевъ языкъ не есть только забава высокоученыхъ людей, и народъ мае право высказати свое мнѣніе о немъ. Если народъ буде голосовати за вашъ языкъ, мы обовязуемеса зложити перо и больше не заниматися языковымъ вопросомъ.

Мы знаеме, что якъ вы отвѣтите нынѣ на наше честное предложеня. Або такъ якъ украинцѣ отвѣтили, именно, что народу до его литературного языка ничего, або — что вѣроятнѣйше — будете мовчати якъ дыня въ мелаю. Вы будете зновъ говорити въ сотый, тысячий разъ о традици, о нашихъ великихъ писателяхъ, о безграмотности нашей, о незнаню подкарпаторуського языка, о языковой анархи и т. д., але зъ вашимъ языкомъ такъ прямо и безъ всякого выкручованя, якъ робиме мы, выступити передъ нашъ народъ не посмѣете. Не забудьте при семъ о томъ, что до великорусского языка принадлежить и великорусский выговоръ.

Вы именно твердите, что языкомъ нашей грамматики у насъ никто не говорить и ледва колись буде говорити. Кажѣмъ, что такъ. Але звѣдаеме васъ, де и кто на семъ свѣтѣ говорить языкомъ, якъ говорите вы? Есть то великорусский языкъ? Рѣшительно тымъ не есть. Есть то народный языкъ? Тымъ тоже не есть. Чимъ же есть?

Вы намъ накидуετε, что нашъ языкъ: украинско-чешско-польско-словацко-мадярско-руська мѣшанина. (Забыли 'сте: церковнославянско-великорусско-румунско-нѣмецко-жидовско-циганска! Эффектъ быв бы большой). На сей накидь отвѣтиме вамъ тогда, коли рачите отповѣсти намъ

на недавно завданий вамъ вопросъ: за которого языка причисляете вы подкарпато-русский языкъ, ци до великорусского, ци до бѣлорусского, ци до малорусского (якъ вы новѣйше зъ сильнымъ акцентомъ называете: украинского?) Дальше рачте отповѣсти намъ на слѣдующѣ вопросы: 1) ци польский, чешский, словацкий языки суть славянскѣ языки, происходячѣ изъ одного корня, ци нѣтъ? 2) Ци есть въ Европѣ языкъ, котрый не бывъ бы перемѣшанный элементами сусѣдныхъ языковъ въ большой або меншой мѣрѣ? Ци великорусский языкъ не есть мѣшанина церковнославянского языка зъ московскимъ акающимъ дїалектомъ и ци не находится въ немъ множество нѣмецкихъ, французскихъ (въ навигаціи англійскихъ) словъ и оборотовъ? На якой основѣ требуете вы отъ нашего языка той кристальной чистоты, котрой у васъ самыхъ нѣтъ? Впрочемъ прочитайте вы, панове критики, примѣромъ 49-ый нумеръ „Карпато-русского Голоса“ внимательно и будете видѣти, якъ „стоитъ дѣло зъ кристальною чистотою вашего языка?

Всеже мы вамъ ничего не накидуемъ, бо добре знаеме, что никто, кто не живе тымъ языкомъ, на котромъ пише, никто, кому данный языкъ не ставъ существенною частью его „я“, правильно, красно, чисто писати и говорити на томъ языкѣ не може. На се можно сказати только: „на жалъ“.

Але вернѣмся до вашей традиціи. Знаете вы, коли начинаеся ваша традиція? Мы вамъ скажемъ. Начинаеся точно тогда, коли начинаеся „гуканство“ нашего народа. Коли наша т. зв. интеллигенція утратила живое чувство спольности зъ своимъ народомъ, коли начали розриватися связи спольной судьбы (что мадаре такъ красно называютъ: *sorsközösség*). Межи интеллигенцією и межи народомъ, коли народъ ставъ „гуканомъ“ для нашей интеллигенціи, тогда начинаеся ваша традиція. Бо доки „гуканства“ не было, интеллигенція говорила языкомъ своего народа, писала на языкѣ своего народа и всѣ, котрѣ жили однимъ житьемъ зъ своимъ народомъ, до найновѣйшихъ часовъ говорили и писали такъ. О семъ свѣдчатъ нашѣ Толковѣ Евангелія, нашѣ лѣтописи,

нашѣ Вѣчнѣ календарѣ, нашѣ Дорадники, Лѣчебнѣ книги и т. д.

Лишь коли настае ера „гуканства“, начинаеся гляданы приличного, достойного нашей интеллигенціи будь якого другого языка, только не бывъ бы „гуканский“ языкъ. Сякъ появляются у насъ періоды попусотой церковнославяничины, потомъ латинского языка, потомъ зновъ церковнославяничины, потомъ великорусского, а наконецъ мадярского языковъ, а найновѣйше зновъ великорусского языка. У „гукана“ есть свой языкъ, можно его и уживати въ кухни або около хлѣва, можно тотъ языкъ при чарцѣ вина подняти на смѣхъ, але въ церкви або въ интеллигентномъ обществѣ уживати — фуй!

Вотъ, де начинаеся и якъ продовжаеся ваша традиція. О нашихъ великихъ традиційныхъ писателяхъ не будемъ говорити. Не будемъ говорити зато, бо боимеся, что и нехотячи могло бы выповнути из нашего пера горькое слово, коли на примѣръ вспоминаеме сякъ слова:

А Угро-россь, — позоръ и стыдъ!

Онъ все гелотъ, все рабъ убогий,

Онъ спитъ, какъ соня въ тѣмѣ берлоги,

Безъ чувствъ, безъ памяти, какъ трупъ,

Онъ все безграмотенъ и глупъ

(Попрадовъ-Ставровскій: „Lasciate ogni speranza“)

Перейдѣмъ теперъ на „Граматику русьского языка“.

Грамматика выговорена др. Иваномъ Гарайдою на основѣ долишнянского, наибольше розширеного у насъ дїалекта послѣ порадъ зъ тыми людьми, котрѣ уже отдавна борються за права нашего языка. Грамматика въ 90%-ахъ самостойный творъ, якъ о томъ легко можно убѣдитися поровнянемъ еѣ зъ грамматиками Волошина або Панькевича. Вообще придержуеся етимологіи и уживае народнѣ формы склоненя и спряженя. Не претендуе на доконалость або на неизмѣнимость, вѣдь многое въ ней не любиться ани намъ, котрѣ сю граматику иначе удобряеме и еѣ дѣйстно и уживаеме. Сякъ не любиться намъ уживаня **ъ-а**, оконченя именниковъ середнего рода на **-я** вмѣсто **ѣе**, склоненя тыхже именниковъ (**писан-ю** вмѣсто **писан-ь-ю**), бо видиме въ сихъ формахъ инконсеквенцію, если дозволяеся и форма на **-іе**. Не любиться намъ множество опечатокъ, сего проклятя нашихъ газетъ и другихъ изданій и т. д.

Але вообще есть то добра грамматика и може статися при доброй воли еще лучшою.

Качка.

(Байка)

Напротивъ сихъ нашъ критикъ установиле, что ся грамматика представляе языкову анархію, бо авторъ еѣ не знае нашего языка, не знае 9-и діалектовъ Подкарпатя, не знае того способа, якъ треба вытворити изъ народного языка грамматику народного литературного языка и т. д.

На сѣ накиды мы отвѣчаеме сякъ: допустиме, что ни др. Иванъ Гарайда, ни его дорадники не знаютъ народного языка, не знаютъ діалектовъ его, вообще не знаютъ ничего. Але на щастя вы, пане критику, знаете и нашъ народный языкъ, и всѣхъ 9 діалектовъ его, и способъ вытвореня грамматики народного языка. Мусите знати, бо иначе вы бы не робили намъ подобного рода накиды.

И вотъ мы не на шутку а зовѣмъ серіозно предкладаеме вамъ, пане критику нашъ, слѣдуючу нашу просьбу. Забудьте вы на якѣсь минугы, что вы „настоящий русский“, а представте собѣ, что находитесь въ нашомъ таборѣ. Рачьте потому vybrати 25—30 рядковъ изъ сей нашей писанины и перекладѣте на нашъ народный языкъ такъ, якъ вы те считаете правильнымъ. При томъ не маете забыти, что и нашъ народный языкъ мае традицію, не маете забыти рѣшеня Подкарпатского общества Наукъ и миѣнія Малярской Академіи Наукъ, не маете забыти, что у насъ суть власти: церковнѣ и свѣтскѣ, котрѣ по праву або не по праву ставляють якѣсь требованя относительно нашего народного языка, не маете забыти многихъ нашихъ великомужныхъ пановъ, котрѣ всѣ мають свой властный взглядъ на нашъ народный языкъ.

Мы назовецъ смиренно просиме васъ, пане критику, еще разъ: облудавши все се, рачьте намъ показати, який мае быти властиво нашъ, на степень литературного языка взведеный народный языкъ. Видите — мы по переконаню Ставровского, але и по переконаню васъ самого: безграмотнѣ и глупѣ. Але настолько не есме глупѣ, чтобы не хотѣли учиться, коли есть такий, кто може насъ чомусь научити. Такъ — пожалуйста!

Але до часу, до времени доста о семъ. Только то хочеме еще сказати, что мы вовсе не есме ворогами великорусского языка. Наоборотъ мы всегда твердили и твердиме, что никто не може уважати себе вповнѣ образованымъ чловѣкомъ у насъ, кто не знае великорусского и украинского языковъ и отвѣднѣ литературы.

Але дорога до нихъ мае вести черезъ нашъ народный языкъ, а не наоборотъ. Се есть наше твердое переконаня.

„Впрочемъ до пріятного свиданія“.

Одинъ изъ безграмотныхъ и глупцевъ.

Качка гордо телепала по дворѣ, ледва удостоила однимъ бѣглымъ влядомъ двоухъ дворовыхъ псовъ, Чмѣля тай Лапая, котрѣ середь двора выгрѣвались на солнцю, потомъ пыхтячи сѣла въ тѣнь подь логординою, удоволено подивилася около себе и задумалася.

„Красный есть животь“ — розмышляла она — любо жити. „Люде люблять мене, якъ свою дѣтину. Пестять, обходятъ, всѣмъ добрымъ напыхають, все мацають, ци не схудла, ци тучна я. Ледва чтось не здоровиться менѣ, не чають въ миѣ душѣ, они плачуть надо мною и радуются, безмѣрно, коли знову ѣмъ и пью якъ звычайно. Горжуся сею прекрасною дружбою, дарьмо — суть еще благороднѣ створы на свѣтѣ. Слава тобѣ, Господи, что я не така, якъ сесѣ псы, которыми никто не твориться, хiba ктось копне до нихъ.“

„Наша качка дуже горда, така горда, ги якийсь министеръ въ пенсію“ — замѣтивъ Лапай, молодой песь.

„Горда, бо глупа“ — отвѣвъ Чмѣль. „Чекай мало и будешь видѣти, что станеся изъ еѣ гордости. Наближаеся великий праздникъ Русаля. Нашой надутой качцѣ перерѣжутъ горло и цѣла еѣ гордость щезне въ жолудку людей. Тай буде по ней“.

„А обгрызенѣ кости достануться намъ“ — сказавъ меланхолично Лапай. И. Б.

Новинка!

Читайте!

Иванъ Мураній

Оповѣданя и байки.

У выданю „Народной библиотекы“ Подк. Общества Наукъ появився другой томикъ оповѣданъ. Нашъ народъ и интеллигенція зъ насолодою буде читати сесѣ оповѣданя своего быв. учителя.

Стор. 64, форм. 16⁰ Цѣна только 0.40 П

Замовляйте въ канцеларіи Подк. Общ. Наукъ: Унгварь, Другетова пл. чис. 21.

ЛИТЕРАТУРНА

— НЕДѢЛЯ —

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 6.

Въ дня 3. августа 1941.

Р. 1.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Наша литературна газета до тепер выходила каждого другого тыждня яко прилога »Карпатской Недѣль«. Теперь принимае назву »Литературна Недѣля« и буде появлятися каждого другого тыждня яко прилога до »Недѣль«.

Веденя Подкарпатского Общества Наукъ послѣ заложения своего Общества освѣдомило собѣ, что першимъ его завданьемъ естъ розвивати руський литературный языкъ и взагалѣ литературу. Сесе свое завданя сповняе посередничствомъ выдаваня книжочокъ для молодежи и народу, а по части выдаваньемъ »Литературной Прилоги«, первое число котрой появилось дня 25-го мая с. р. Отъ 1-го августа »Недѣлю« перебрало Товариство Грекокато. Молодежи (Калот). И мы радо приключаемсе до сего Товариства, чтобы далше продовжати традициинѣ грекокатолицькѣ литературнѣ працѣ. Что была потреба на выданя литературной газеты, указуе великое число предплатниковъ, сповпра

цвовниковъ и величезное число литературного матеріялу, котрый редакциинѣ стоить въ диспозициинѣ.

Нашѣ письменники порозумѣли наше стремленіе, что у насъ мае мѣсто только така литература и литературный языкъ, котрѣ берутъ свой початокъ изъ народного джерела. Бо тотѣ политики и письменнѣ, котрѣ на насъ хотять октроювати литературный языкъ 100 мил. народа, присудженѣ суть на загибѣль. Намъ импонуе литература иншихъ народовъ и мы радо по своему зъ нихъ черпаеме, але мы и надалѣ хочеме лишитися русинами, хочеме розвивати нашу пытому руську народну литературу.

Сяку програму будеме розвивати. Нашому народу треба дати литературу, науку, знанье, а не ненависть, подкопованя авторитету и дурнѣ лайки. Мы знаеме, что нашу серіозною и объективною литературною работою правда переможе.

Ани брата, ани мужа.

(Народна баллада.)

За горами, за лѣсами
Тамъ е кашиньля мальваный.
Въ шомъ кашиньлю мальванумъ
Сидить собѣ красна панѣ.
Хошѣла бы ся отдаши,
Хошѣла бы мужа маши.
— „Кедь ты хочешь мужа маши,

Мусишь брата зчаровати . . .“
— „Я бы брата зчаровала,
Кедь бымъ дакъ чары знала.“
— „Йди до гаю зеленого,
Забый гада червеного,
Гада, гада яшурочку
Брашчикови въ поливочку.

Порубай го на три кусы,
Навари го на три мисы.“
Она того изробила,
Грѣшну душу сиропастила.
— „Ой иде шуй братчикъ, иде,
Мальоване древце везе.“
— „Сестро, сестро, чтось варила,
Штось такъ хижу засмушила?“
— „Я варила злашу рыбку,
Ой про тебе, милый брашку.
Сѣдай братцю на лавицу,
Сербай шоту поливицу.“
Лемъ разъ зъ неѣ братчикъ хлишнувѣ,
За серденько ся изшиснувѣ.

— „Иди брате мой, просиѣся,
Чей серденько утулишся.“
— „Сестро, сестро будь ми мила,
Принеси ми мало вина.“
Доки сестра зъ винкомъ прийшла,
Изъ братчика душа выйшла.
Сестра брата поховала,
Щирямъ сердцемъ заплакала :
— „Дайше менѣ мужа мого,
Я счарила брата мого.“
— „Кедь ты брата счаровала,
Ты бы й ему чары дала . . .“
— „Боже, Боже, красна ружа,
Ани брата, ани мужа.“

(Сесю балладу записавъ изъ устъ народа въ селѣ Раково, ужанска жупа — Туряникъ.)

ВОРОНЫ

Ворона десь украла кость, на котрой еще было мало мяса. Съла зъ нею середъ рѣки на рѣнь, положила кость передъ собою, полюбовалася нею изъ всѣхъ боковъ и закракала:

»Хоть нынѣ наѣмся читаво!«

Въ сей мигъ надлетѣли ще три вороны и сѣли близъ неѣ на рѣнь. Любопытно подивилися на кость, а потомъ одна изъ нихъ сказала:

»Чи ты сама хочешъ цѣлу сю костку пожерти?« »Самособою сама« — отповѣла перша ворона. »Кто хоче ѣсти, най промышляе самъ для себе.«

»Овва« — сказали всѣ три вороны сразу — »чи мы не всѣ однакѣ пролетарѣ, чи мы не всѣ равнѣ? Се у тебе ровность, что ты будешъ набивати собѣ черево мясомъ, а мы будеме на то позерати?«

Зъ симъ всѣ трое скочили на кость и почали еѣ въ три боки тормосити. Перша ворона на се кинулася на нихъ и

старалася у нихъ отбити кость.

Откуда не возьмись — разъ лишь прилетѣло на мѣсто борьбы дасъ двадцать воронѣ

»Что се, что се?« — кричали одна черезъ другу. »Сама хоче пожерти« — хрюпѣла одна ворона. »Овва, чекай мало.«

Всѣ кинулися на кость и почали одна у другой вырывать еѣ. Кость лѣтала сюды-туды, а около неѣ цѣла юрба отчаянно билася. Разъ лишь ворона, котра украла кость, ухопила еѣ въ дзьобъ и полетѣла зъ нею. Вороны пустилися за нею въ догоню, одна скоро догнала еѣ и вышибла у неѣ кость изъ дзьоба. Кость упала въ рѣку и шезла подъ водою.

Вороны послѣ сего удоволено посѣдали котра куда, а одна изъ нихъ закракала:

»Кой не менѣ, такъ никому. Се есть ровность тай справедливость.« И. Б.

Ф. Пошунякъ:

Дозвуки пастырского періоду въ народномъ фольклорѣ

Ловецкій и пастырскій періодъ жи-тя лишили глубокаѣ слѣды въ народ-нихъ сказкахъ, оповѣданяхъ, перека-захъ, пѣсняхъ, колядкахъ, повѣряхъ и т. д. Ловецтво выступаетъ одночашно

изъ пастырствомъ лишь якъ доповняю-чий его элементъ. Кочовое пастырство творить специальну эпоху нашего жита зъ незагертими слѣдами до днесъ. Оно у индоевр. народовъ творить загално

переходний ступень до господарского житя. Тому то колись «и царь пастушили».

Всѣ грецькѣ героѣ были изъ початку пастырями, мирно выпасуючи своѣ стада послѣ старыхъ грецькихъ оповѣдань. Ромула и Рема виховуе пастырѣ... И самъ Аполлонъ выпасуе на збѣгахъ Олимпу божѣ стада, Гелліосъ, выходячи и заходячи, видить своѣ стада на островѣ Тринакрѣѣ. Пань бивъ богомъ пастушого житя, подобно якъ у славянъ Велесъ, якого слѣды лишился у насъ до днесъ по части въ представѣ льсовика, свѣ Юрія и розныхъ звичаевъ.

У насъ майже да 18 столѣтя держався пастуший образъ житя. Пастырѣ корысталися волоскимъ правомъ, подлягали помѣрною данинѣ стронзѣ, або взагалѣ якъ мандровники не подлягали ниякой, хитро еѣ оминаючи. Только по войнахъ Заполѣя упадае въ насъ пастырскій образъ житя и начинаеся перевага земледѣльства.¹⁾

Въ народномъ переданю якъ всюды, такъ и въ насъ являеся онъ геройскимъ вѣкомъ, повнымъ пригодъ и борьбы зъ природою и ворожими реальными и митичными силами.

Нашѣ народнѣ героѣ се передовсѣмъ пастырѣ.

Пинтя за молоду сокотить овцѣ въ богатого газды. Але одного разу подчасъ бурѣ дванадцять разъ свяченою пшеницею встрѣливъ онъ чорта, який глумився Илиєви. За се обдарований бивъ онъ такою силою, что могъ дѣрева выривати зъ корньемъ. (Мотивъ «Иль Муромця»). Пинтя лишивъ овчарство и пошовъ въ «розбойники». Зобравъ хлопцевъ, зробивъ деревяный

канонъ и розбивъ Хустскій замокъ, де сидѣвъ злый пань.²⁾

Добощъ естъ такожь убогимъ пастыремъ, котрый сокотить и любить свое стадо, але, ударивши за кривду пана, утѣкае въ лѣсъ и стае розбойникомъ. Дѣдъ чародѣѣ робить его тѣло такимъ, «что его куля не имае, ани сабля не рубае.»³⁾

Тakoжь славный Матяшь приходитъ до стьку и зъ нашими пастырями.⁴⁾

Въ народныхъ оповѣданяхъ пастырѣ заживають рознѣ пригоды: — Перемагають въ рукопашныхъ бояхъ медведзѣ⁵⁾, ведуть борьбу зъ розбойниками⁶⁾, находять захованѣ скарбы середъ горъ⁷⁾, воюють хитрощами зъ непереможными нечистыми силами. Роблять чародѣѣнѣ заманки на чортовъ, опирьовъ, вѣдмъ и л.⁸⁾ Знають чародѣѣнѣ ростины и рознѣ чары провадити — передовсѣмъ помагати худобѣ¹⁰⁾. «Де який старый овчаръ знае и воду склягати»¹¹⁾. Такожь назвы поодинокихъ селъ, горьковъ, полонинъ и п. суть останками и споминами на пастырскій періодъ. Особливо въ западной Мармарошинѣ назвы мѣсть, горьковъ, полянъ, полонинъ вяжуться вповнѣ зъ присутностю пастырского житя¹²⁾. До поодинокихъ мѣсть вяжуться рознѣ фантастичнѣ и менше фантастичнѣ оповѣданя, та все крѣпко привязанѣ до пастушого житя.

Пастырѣ - овчарѣ выступае тутъ завсѣгды, якъ наданый могутною, тѣлесною силою, перемагающий дикихъ звѣрей, сувору природу и климатъ, опришковъ, «вороговъ». Онъ знае рознѣ чародѣѣнѣ средства лѣчити скоть и себе. Онъ все герой, який побѣдае и котрого спомагають высшѣ силы.

(Продовженя слѣдуе.)

¹⁾ Гляди : М. Лелекачъ : Що и якъ платили давъ нашѣ пастырѣ передъ 400 роками. Календ. Провс. XI. Fr. Gabriel : Pohyb obyvat. v byv. 2. Uz. Nauk. 36. XI.

²⁾ Пор. Пор. Наш Родный Край, роч. II, ч. 6.; К. Заклянский : Оповѣданя про давняму.

³⁾ Пор. Н. Р. К. р. I, ч. 2, ст. 7.

⁴⁾ Пор. П. Линтуръ : Король Матвѣѣ Корвинъ въ угро-рус. трад. Народн. Школа, 1941, Но. 8, ст. 153.

⁵⁾ Загальный родъ зъ розн. варіаціями : «якъ овчаръ зъ медведьемъ бывасъ» Н. Р. К.

⁶⁾ Н. Р. К. 1932., ст. 236.

⁷⁾ Н. Р. К. 1925., ст. 29; 1934., ст. 131.

⁸⁾ Н. Р. К. 1925., ст. 52.

¹⁰⁾ Помагають магичнымъ способомъ, ворожью-чарами, ростинами и пуцають кровъ.

¹¹⁾ Т. зв. зробити зъ воды сыръ.

¹²⁾ Н. Р. К. 1926., ст. 126, 1937., ст. 168.

Чому то такъ?

Спусти Боже зъ неба воды,
Загасиши жажду злобы,
Бо вже гинушь рожѣ, цвѣтши,
Зло надъ добромъ переможе.
Вже не можно такъ шерѣтиши,
Самъ Ты видишь Милый Боже!
Чому то такъ, я не знаю,
Невинно свѣтъ проклиною?

Подай Боже власши, силы,
Чшобъ зловиши громовины,
Я спушивъ бы, де самъ хочу,
Чшобъ розбити серця злобу.
Не дай Боже, щиро прошу,
Добро схвати до хробу.
Чому то такъ, я не знаю,
Невинно свѣтъ проклиною?

Поглянь лише въ людскѣ серця,
Что спиняють лучѣ сонця,
Что всѣхъ шепломъ своимъ грѣ!
Кожда душа на зло склонна . . .
Серце вяне, болишь, млѣе,
Тяжко стогне мрѣя сонна! . . .
Чому то такъ добре знаю,
Невинно свѣтъ проклиною!

Отповѣдь на другу часть „Критики грамматики руського языка“

Наивѣѣ люде вы «настоящіе русскіе». Вы надѣбегаете на то, что вашимъ крутѣйствомъ удасться вамъ дискредитовати и потомъ зовсѣмъ убити нашъ народный языкъ. На чомъ основана ся ваша надія? Просто на томъ, что мадярска общественность зъ великою антипатією относиться къ украинцямъ — и чехамъ, и такъ вы думаете, что на сей основѣ легко можете выгнати нашего народного языка изъ школъ и зъ общественного живота, такъ якъ онъ по вашимъ твердженнямъ не что иное, якъ хитрое подпольное стремлєня продолжать украинизацію и чехизацію на Подкарпатію. «Украинско-чешско-польска и т. д. мѣшанина» (при чомъ наголосъ находится на словахъ: «украинско-чешска»). вы на всѣ боки, а потомъ беретесь за роботу доказываня сего вашего тверженя примѣрами, котрыхъ мадярска общественность — самособою — контроловати не всилѣ, вѣдь она о томъ не знае, что тотъ украинский языкъ и нашъ народный языкъ принадлежить до одного и того

же самостоятельного діалекта русского языка, именно до малорусского самостоятельного діалекта. (См. Шахматовъ.) Не знае, бо нашъ «настоящіе» уже 3 годы закрываютъ передъ не юпужаломъ политичного украинизма сей цѣлымъ научнымъ свѣтомъ признаный несомнѣнный фактъ. Сякъ въ сей вашей критицѣ выбрали вы массу словъ и выразовъ, о котрыхъ твердите, что они украинизмы, чехизмы, полонизмы, а тамъ де о подобномъ и по вашему мнѣнію не може быти слова, твердите, что они «изобрѣтенные» самымъ авторомъ. Але, если ктось думает, что и наведенные примѣры украинизмовъ и чехизмовъ и т. д. дѣйственно суть, тотъ дуже помыляеся. Именю авторъ критики уживаетъ методу сяку: установляет, что якесь слово ци выразъ якъ мае быти по великорусски, а если оно не такъ, слѣдует, что есть то украинизмъ, чехизмъ и т. д. Если бы вы, пане критику, показали, де и въ чомъ грѣшитъ авторъ грамматики противъ духа, противъ грамматики и синтаксиса,

против словотвора нашего народного языка, была бы ваша критика цѣнна и мы бы вамъ за неѣ подяковали. Але сякъ... шкода за папѣръ?! Впрочемъ читателѣ и самѣ могутъ установити изъ нижеслѣдующихъ, яка у автора критики научна приготвленность и объективность.

Говореный языкъ — чехизмъ, бо „mluvný jazyk“ кромѣ того **непростительна грамматическая ошибка**, ибо глаголь **говорить** вообще не имѣетъ страдательной формы....»

Чи выразъ »говореный языкъ« чехизмъ, чи нѣтъ, о томъ судити не могу, бо по чешски не знаю. Але то вижу, что 1) „mluvný“ и »говореный« суть два различнѣ слова; 2) „mluvný“ есть приложникъ, и »говореный« дѣеприкладникъ, что не есть одно и тоже. А теперь перейдемъ на **»непростительную ошибку«**. Беру Митраковъ: »Русско-мадьярскій словарь« (послѣ сего, коли будете отзаватися на сей словарь, наведете его словомъ: »Митраковъ. 1881.) и читаю на 107. сторони 1. стовпъ: »Говориться, mondatni, beszéltetni.« Ба, який се залогъ, пане критику? Беру »Русско-англійскій карманный словарь« Э. Э. Каврайского и С. В. Линдена (Leipzig, Otto Holze's Nachfolger 1909.) и читаю »Говориться вр. (= verbum passivum) »Беру творь »настоящаго русскаго, пр. О. О. Маркова (»Карпаторусскій Сборникъ, 1931.« 246. ст.) и читаю: »Дальше говорится о...« Дальше фразы у насъ: »Было вамъ уже неразъ говорено...«, »Была тамъ говорена рѣчь...« (»говорить рѣчь« въ Туссенъ-Лонгонвелдтовой граматичѣ наведено якъ »русицизмъ«) »Се такъ не говорится...« и т. д.

Я такъ знаю, что теоретично изъ каждого дѣслова дѣяльного дѣйства (залога) може творитися страдальное дѣйство, хотя въ практичѣ изъ дакотрыхъ не звякло творитися, якѣ суть **непереходнѣ**, изъ котрыхъ твориться. »Говорити« — несомнѣнно и дѣяльное дѣство (попри середнѣго,

бо доповнення до него: кого, что? Слѣдовательно....

Если бы вы, пане критику, сказали, что »говореный языкъ« **незвычайна форма** и лучше бы было **уживати »розговорный языкъ«,** возможно, что мы васъ послушали, бо говореный языкъ« не чехизмъ, а пахне мадьяризмомъ „beszélt nyelv“ въ дѣйности германизмомъ „gesprochenes Wort“ У одного изъ вашихъ авторовъ читаю я сею форму: »пища« (пишучи). Сяку форму не видѣвъ я нигде инде въ цѣлой великорусской литературѣ, Есть то форма незвычайна, але иначе цѣлкомъ правильна. (Вы вмѣсто того говорите о »непростительной« грамматичной ошибцѣ и мелете **небылицу**. Уже перебачте...

Верста — чехизмъ. Митраковъ: Верста fn. (t.) sor, réteg, kor, élekor; l. Верста.

Порозумѣня — чехизмъ. Есть то выключно подкарпаторусское слово. Не находится ни въ чешскомъ, ни въ галицко-русьскомъ, ни у великорусскомъ языкахъ. Позвѣдайтеся хоть котрого русина; »Чи порозумѣли сте?« Отвѣтъ: »Порозумѣвъ«.

Якъ то правѣ было выражено — чехизмъ.

Митраковъ: 89. ст. 1. стовпъ: Выразить, kifejezni -ся, kifejezni magát, kifejeztetni.

Знову — чехизмъ. Е. Поповичъ: Ruthenisch-Deutsches Wörterbuch, 1911. 105 ст. 2. стовпъ: знов-а, -у, adv. Wieder, neuerlich.

Витворити — чехизмъ. Поповичъ: 30. ст. 1. стовпъ: витворити, р. v., витворювати, erzeugen.

Сталѣ — чехизмъ. Поповичъ: 273. ст. 2. стовпъ: сталий, adj. (be)ständig, standhaft. (Я сего слова не уживаю, але если ктось уживае, не есть смертельнымъ грѣхомъ.)

Здаеся — чехизмъ. У насъ повсюду уживаный выразъ.

Уживанѣ — чехизмъ. Митраковъ: 764

ст. 2. стовпъ: уживати, ужити. (1.) használni, élni vele; -ся, használatni.

Выдаватися — чехизмъ. Есть то доброе русское слово, ничимъ не горшое, якъ «издавати», а вовсе не чехизмъ. Въ галицько-руськомъ говорѣ вообще уживаное слово (выдати — выдавати книги).

Зрозумѣль — грубый полонизмъ. Поповичъ: 107. ст. 2. стовпъ: зрозумілий, adj, verständlich, begreiflich, fasslich. Поповичъ: 1A7. ст. 2. стовпъ: зрозумѣлый языкъ не якийсь готентотский языкъ, а одинъ изъ найкрасшихъ славянскихъ языковъ.

Треба было — чехизмъ. Что на се отвѣчати, пане критику? Вы ще докажете, что подкарпаторусский языкъ въ дѣйности подкарпаточешский языкъ...

Най буде мнѣ доволено — фальшиво наведено, бо дѣйстно сказано: **дозволено**, Чехизмъ и гунгаризмъ. Дѣйстно мадяризмъ, бо дословно переведено изъ мадярского текста. Впрочемъ: Поповичъ: 63. ст. 2. стовпъ: дозволити, р. v. дозволяти. (v. I. A.) erlauben, be-willigen.

Забороняе — чехизмъ и украинизмъ. Поповичъ: 74. сторона 1. стовпъ: заборо-нити р. v. verbieten. Чехизмъ? Brábek Ferenc, Magyar-cseh házi-szótár, 542. ст. 1. стовпъ: megtiltani, cs. zapověděti, zakázati, zapověditi. „Zabránniti, zabráňovati“ — такого слова въ семь значено нѣтъ. Украинизмъ? На сей накидъ тогда отвѣме, коли дасте намъ ясный и рѣшительный отвѣтъ на то: до которого языка причисляете вы нашъ языкъ, ци до великорусского, ци до бѣлорусско-го, ци до малорусского (по вашому: украинского) языка? Теперь только се: Митракъ, 27. сторона 1. стовпъ: боронити, boronálni, tiltani, védeni, őrizni, oltalmazni. А что до боронити, бороновати, у насъ вообще уживаеся: смычти, засмычтити.

Показати — чехизмъ. Митракъ, 221. сторона, 3. стовпъ: казить (Искажать. Портить. Казитель) (szl.) fn. h. rontó, el-rontó. 213. ст. 1. стовпъ: Искашать, иска-

зять, el-, megrontani, el-, megrongálni, el-csufítani, éktelelné tenni; elferdíteni (értelmet, szót); megcsontítani.

Поповичъ, 110 стор. 2. стовпъ: казити, v. II. A. (prs. 1. s -жу-, ор. -женный), verderben; ся, rasen, wüten. Чехизмъ? Брабекъ, 166. стор. 2. стовпъ: elrontani, č. zkaziti, značiti' roztrhati. А если вы, пане критику, думаете, что у насъ дѣсловно «показати» только въ прямомъ смыслѣ уживаеся, такъ... помыляетеся.

Докладный — чехизмъ. Поповичъ, 64. стор. 1. стовпъ: докладный, adj, aus-führlich, genan.

Але думаю, доста изъ сего, вѣдь уже изъ наведенныхъ кождый объективный човѣкъ може мати ясное понятя о методахъ автора критики. Тутъ только о дасколькихъ т. зв. чехизмахъ и «изобрѣтенихъ» хочу чтьсь сказати.

Нашъ критикъ каже, что **богато** есть то чехизмъ. Бери Брабековъ словарь и глядаю: sok fej, mnohý, přisl. mnoho. Gaz-dagon, přisl. bohaté, hojně, vydatně.

Сотеро — наше «изобрѣтене». Поповичъ, 269. стор. 1. стовпъ: сотеро, нѣм. hundertfach. Др. Омелянъ Огоновский, Грамматика руского языка, §. 240. трое...; двацятеро; **сотеро**. А чому бы не могло быти сотеро, коли есть двацятеро, пятьдесятеро? Противиться оно **духу** руского языка? А если бы и было «изобрѣтене», ци лишь нашъ народный языкъ не може въ своемъ дусѣ дальше розвиватися, коли въ кождомъ языкѣ кождого года сякихъ «изобрѣтений» начисляеся сотками?

Розный — наше «изобрѣтене». Митракъ, 640. сторона 2. стовпъ: розный, num. nem'egyenlő; különböz; páratlan; külön, különített; elvált; elválasztott. Кромъ сего тамже слова: розно, розне-ніе, рознить, розница, розничный, роздыхъ, рознь, розсыпъ, розигрышь, розыскъ и т. д.

Самовластное слово — нерозумительное, Митракъ, 651. сторона, 1. стовпъ: самовластный, korlátlan, önuralkodó; ön-hatalmu.

За стилевъ особенности писателей — розумѣеся — авторъ грамматики не

може отвѣчати. То есть дѣло самого писателя. Але говорити, что »быти труженникомъ народовецкой думки« есть сказано »совершенно неправильно, бо ... и т. д., есть совершенно неправильно изъ вашей стороны, пане критику. Робити, трудитися за якусь думку, за якусь идено, дѣлалося и дѣлаеся на цѣломъ свѣтѣ.

А теперь, пане критику, я буду вась обличати изъ вашего же твора въ чехизмахъ и украинизмахъ.

Языкъ — чехизмъ, *jazyk*.

Мы — *my*.

Привыкли -- „ „ , *přivykli*.

Родъ — „ „ , *rod*.

Было — „ „ , *bylo*.

Простый — „ „ , *prostý*.

Другой — „ „ , *druhý*, и т. д.

Жить — украинизмъ, *жити*.

Десять — украинизмъ, *десять*.

Писать — украинизмъ, *писати*.

Нашъ, вашъ и т. д.

Видите, якъ легко то иде? Але ци есть то наука, есть то объективность?

Такъ »до пріятного свиданія!«

Janus Grammatikus

Полонинко Руна, Руна.

(Народна пісня.)

Полонинко Руна, Руна,
Не всягдысь еднака.
Въ одномъ краю овцы пасушь,
А на другомъ е мяша.
На Руненькой Полонинѣ,
Овечки пасушься,
Перестали шраву пасши,
За овчаремъ рвуться.
Одинъ овчарь на Руненькой
Овцѣ доглядае,
Другий хопивъ пицалочку,
Та йде до милоѣ.
Ой пасеться стадо овцеѣ,
Зѣ двома овчарами,
Одинъ пасшырь вѣрно пасе,
Другий зѣ фрайрками.
Покинувъ онъ овцѣ пасши,
А самъ йде до дому.
„Паси овцѣ камараде,
Я прийду пошому.“
Залешѣла ластовочка,
Низенько, низенько,
Пошовъ овчарь до милоѣ
Въ субошу раненько.
Перелетѣвъ овчарь Плайчыкѣ,*
Надъ Шниотомъ ставъ,
Та шакъ сердце порадило,
Й пісню заспѣвавъ.
„Якъ я собѣ пригадаю
За милоѣ очи,
Не боюся того врага,
Нѣ теменькой ночи.

Не боюся нѣ опришковѣ,
Нѣ паньского суду,
Бо я хлопецъ молоденький,
Безъ милой не буду.“
Иде овчарь зѣ полонини
До Туря-Полянъ,
Буде не ледакий,
Де дѣвчата файнѣ.
Прийшовъ овчарь д'милой хашѣ,
Тай ставъ у ворошахъ,
Тушъ увидѣвъ хлопця въ хашѣ,
Мало, чпо не сплакавъ.
Ой не довго надумавъ,
Тай почавъ свѣвати,
Чшобы мила его вчула,
Выйшла вонъ изъ хаты,
„Не мило мнѣ ничъ на свѣтѣ,
Не мило, не мило,
Же то мое сердце,
Невѣрну любило.
Ой люблю, моя мила,
Вже лѣпше не можу,
Та я въ тебе, моя мила,
Душу не положу.“
Мила стала, подумала,
Выйшла вонъ изъ хаты :
„Отпусти ми мой миленький,
Хочу ся вдавати.“
„Ой Боже мой милостивый,
Не можъ отпущати,
Якъ ты мене покидаешъ,
Будешъ бановати.

— Будь зрадлива, здоровенька,
 Я йду овцѣ пасти,
 А за мою доброшливость,
 Ташкѣ бы ты сирасти.“
 Ой вернувся въ Полонинку,
 Овцѣ завершати,
 При томѣ собѣ подорозѣ,
 Ще почавъ сѣвати.
 „Ясный мѣсяць зъ зореньками,
 Свѣшить тай мигоче,
 Богъ бы мою любку скаравъ,
 Якъ мене не хоче.
 Тота мене погубила,
 Зрадниця Маруся,
 Та най она отдаеся,
 Я не повѣшуся!
 Пришовъ овчарь на Руненьку,
 Кругомъ роздивився,
 Овчарь овцѣ тай загубивъ,
 И самъ десь подѣвся.
 „Ой овчарю, милый браше,
 Бывъ ты не великий,
 Якъ я тебе не послухавъ,
 Пропавъ я на вѣки.“
 Выказавши шотѣ слова,
 Скочивъ въ пропасть зъ скалы.
 Тамъ розбився на кусочки,
 Лиш костки остали.
 Пошовъ овчарь въ сыру землю
 Вѣчно спочиваши,
 Зъ него каждый научився,
 Зъ фраирковъ кохашися.

(Туря-Быстрый, дня 7. VII. 1941. — Записавъ:
 И. Вачеля.)

Закликъ до учителей, священниковъ и студентовъ

Подкарпатское Общество Наукъ намѣре выдати сборникъ народныхъ пѣсень. Просиме вѣхъ прихильниковъ, учителей, священниковъ и студентовъ прислати намъ матеріаль до сего сборника. Пѣснѣ присилайте зъ слѣдующими данными:

Имя и вѣкъ отъ кого пѣсня была записана;

Коли была записана (пр. 5. VIII. 1941);

Мѣсто (и жупа) записана;

Имя записувача;

Текстъ пѣснѣ
 И евентуальнѣ замѣтки (характеръ пѣснѣ: суботка, весновка и т. д.)
 Матеріаль просиме переслати на адресу: Подк. Общество Наукъ, Унгарь, Другетова пл. 21.

Замовляйте и купуйте выдана Подк. Общ. Наукъ:

Др. И. Гарайда: Грамматика руского языка;

А. Маркушъ: Ирину васватали. (оповѣд.)

И. Мураній: Оповѣдания и байки.

Поштова скринька

Валентинъ Загорский: Ваше оповѣданя »Ночь подъ Ивана Купала« появилось друкомъ въ мадыарскомъ перекладѣ въ Карпати Гирадо зъ дня 27. VII. 1941. Грамматику выслали. Гонораръ за оповѣданя перекажеме. Присилайте дальший матеріаль.

О. Карльось. Ваша статья »Якой школы намъ треба« буде помѣщена въ »Литературной Недѣль« або въ »Недѣль«.

Турянникъ, Раково: Подобнѣ матеріаль будеме помѣщовати. Присилайте. Гонораръ познѣйше вышлеме.

Вачеля, Туря-Быстрый: Перечитайте Закликъ въ семь числѣ. Народныхъ пѣсень будеме потребовати дуже много. Книжочки пересилаеме.

В. Сидоръ, Унгарь: Оповѣдания познѣйше выкористаеме.

Снѣжникъ, Колодно: Присланный матеріаль выкористаеме въ слѣдующомъ числѣ.

Литературна Недѣля выходитъ каждого другого тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгарь, Другетова Площа ч. 21.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941. — 1.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 7.

Зъ дня 17. августа 1941.

Р. 1.

Ф. Пастѣчкиъ:

НА СТЕПАХЪ НѢМЫХЪ ВАЛГАЛЫ...

На степахъ нѣмыхъ Валгалы
Догорѣли вже огнѣ,
Зорѣ раннѣ засіяли
У рожевой долинѣ.

Вже мечемъ огненнымъ вдвое
Ангель роздѣливъ востокъ,
Перекинувъ зъ аналоя
Крови у зарю кубокъ...

Жду богиню у величній
Серце рай перенести,
Передъ грознымъ разъ обличемъ
Станути и зновъ цвистн.

Онѣ глядитъ у сходѣ червений
На пустырѣ сѣ земнѣ,
Онѣ незвѣсный, нерожѣный
Въ пламенѣючомъ огнѣ.

Ф. Пастѣчкиъ:

СВЯТѢ.

Въ пустынномъ поли йдуть святѣ,
Идуть у далѣ невѣдомѣ,
Ихъ лица яснѣ, въ забытѣ
У тихой радостной утомѣ...

Нѣмѣ небо, звукъ землѣ
Звенить нечуйнымъ, тихимъ тономъ,
И храмъ бѣлѣ на складѣ,
И линуть птахи надъ выгономъ...

Нечуйнѣ такъ... и гасне крокъ...
Невинность въ серцо, тихо въ поли,
Святѣ звернувшись на востокѣ
Въ дорогу двинулись поволи...

Радѣ небо и земля,
Покорнѣ цвѣты при дорожѣ,
Имъ низько клоняться поля,
Хресты чорнѣють у знеможѣ.

На душахъ ихъ невинный сумъ,
Невиннѣ мыслѣ, мудрѣ речи
У очахъ тайна божихъ думъ,
А бѣлый шляхъ веде въ далечѣ...

Покорно мовкне все кругомъ,
То Онѣ бывае тутъ изъ нами,
Якѣ мудрымъ словомъ, вечеромъ
Напише тайну надъ зорями.

ДВѢ ТОЧНОСТИ

(Анекдотичный эпизодъ изъ часовъ свѣтовой войны.)

Послѣ загальныхъ теперѣшнихъ неуспѣховъ русской арміи, червеныи диктаторъ звернувся до своихъ »вѣрнопопдаиныхъ« зъ радіо-бесѣдою, въ котрой ста-

рався, по своему, пояснити причины неуспѣху. — »Мобилизаціонный аппаратъ Германіи — казавъ Сталинъ — значительно лучше (розумѣи: скорше) подго-

товиль наступленіе, нежели красная армія успѣла организовать оборону...» — недвозначно сконстатовавъ самовладный управитель многоязычной Евразіи. Сеся, здаеса передсмертна сповѣдь современного Джингизхана, пригадала менѣ одинъ анекдотичный эпизодъ изъ часовъ свѣтовой войны. Перекажу вамъ сею анекдоту такъ, якъ я еѣ колисъ почувъ тамъ за горами въ плѣну.

Одному офицеру русской арміи удалось было утечи зъ нѣмецкого плѣну до дому. Послѣ короткого отпочинку онъ опять отправився на фронтъ къ своему полку, где его товарищѣ по-зброѣ приняли зъ великою радостью. Якъ то все бывае, посыпались отъ приятелей вопросы: «где ты сидѣвъ, якъ ты оттуды втѣкъ, что видѣвъ» и проче. Поворотецъ не лѣновався, радо оповѣдавъ про всячину — деколи на фронтѣ часу бывае доста, — але наибольше ему любилоса въ Германіи: дисциплина, точность и порядокъ, котрѣ онъ видѣвъ у жизни своихъ враговъ. Машина — казавъ — николи тамъ не споздит ани на одну минуту, все приѣде на свое мѣсто по розкладу їзды. Войско при походахъ передвигаеся у нихъ по точно-вставленому плану, котрый командантъ получить на передѣ и за всяку цѣну мусит его додержати, инакше буде строго караный... Однимъ словомъ всюды и у всему видѣвъ тамъ офицеръ идеальну чистоту, дисциплину и примѣрный порядокъ. А у насъ — казавъ утѣкачъ — самѣ видите, транспорты позядтъ не на години, а на цѣлу добу, або двѣ, людей везутъ на фронтъ, а зброѣ не естъ. Пошлютъ намъ пару десятковъ набою, выстрѣлиме, а зъ нихъ половина не розорвеса. Коли осаджали Перемышль, намъ мѣсто муницѣй прислали вагоны зъ сухарями... Отъ въ сему, менѣ видитьса, и лежить головна причина того, что мы зъ нѣмцемъ не справляемяся — посужовавъ невинный германофилъ.

Одинъ прапорщикъ, котрый недавно ввійшовъ изъ школы, наслуховаши сихъ оповѣданъ, подумавъ собѣ: «Чекай-но, отъ нынѣ и я заведу въ своей сотнѣ такий порядокъ. Если они сякъ можутъ, то

зачто мы «русскіе богатырѣ» не могли бы быти такими точными? — Сказано, зроблено:

Приходить молодой прапорщикъ на свою квартиру и заразъ же кличе денщика (слугу) до комнаты: «Иване...!»

— Что зволите ваше высокоблагородіе?

— Знаеашъ, где продаются папиросы?

— Такъ, точно ваше высокоблагородіе...

— Такъ туй маешъ грошѣ, возьмешъ двѣ десятки; але чтобы то было зроблено на «одной нозѣ», понимаешъ? Двѣ минуты туда, двѣ на покупку, а двѣ обратно. За шѣсть минутъ мають быти папиросы на столѣ!

— Слушаюсъ ваше высокоблагородіе. Денщикъ обернувся, пристукнувъ запятыми и ввійшовъ изъ комнаты.

Прапорщикъ ходитъ по хатѣ и нетерпеливо позирае на годинникъ. Ровно черезъ шѣсть минутъ, что-то въ сѣняхъ зашелестѣло. — Ага, видишъ — подумавъ собѣ прапорщикъ — треба только подкрутити то, и у насъ буде порядокъ и успѣхъ. — Бѣжить до сѣней. Иванъ якразъ тогда вылазивъ на чотырьохъ изъ подъ постели.

— Ну что, принѣсъ? — звѣдуея офицеръ.

— Да я еще шапки не найшовъ, ваше благородіе, отповѣвъ спокойно слуга, чухаючися у потылицу.

— Ахъ, ты сякой, такой, я тебе въ «кутузку» посажу, шомполами выпорю и...

— Сажайте хоть куда, ваше благородіе, а я безъ кашкета на улицу не пойду! Якъ буду отдавати честь офицерамъ? До пустоѣ головы не свободно прикладати руку, ваше благородѣчко...

Въ сей часъ на сельской площѣ загравъ полковий трубачъ сигналъ: «До зброѣ!» Командантъ полку, очевидно и собѣ хотѣвъ заводити «точнѣйшу точность» и тому приказавъ зробити пробный алармъ своеѣ части. Почувши сигналъ, прапорщикъ и его слуга Иванъ, лишили сваду и якъ стояли въ сѣняхъ, нагло высочили вонъ и что силы побѣгли на площу. Полковникъ изъ своимъ адюнтантомъ чекали уже на площѣ, чтобы лично видѣти, якъ сей пробный алармъ удався. Прапорщикъ

зъ денщикомъ приѣгли на площу першими, але командантъ заразъ же накинувся на прапорщика, зашто онъ пришовъ безъ шапки и зброѣ.

Прапорщикъ хотѣвъ оправдатися, и по звичаю махнувъ рукою на поздоровленя.

— Безъ головного убора руки не прикладають! — закричавъ сердито командантъ. — Идѣть одягнѣться и возмѣть что треба!

Розгнѣванный прапорщикъ вертався на квартиру, а опытный Иванъ, отчуваючи перемогу «своей точности» злорадно шептавъ своему панови: »Видите, ваше благородѣчко, я вамъ точно казавъ, что до пустой головы не свободно прикладати руки. Не забудьте, ваше благородѣчко, купити папирось, а то знова будете на мене задарь гнѣватися!« — потронуковавъ ядовито слуга. **М. Волошка.**

Петро Миговкь-Сивѣжикъ :

КОМУ ТО?

*Кому то рано,
Зорѣ сияють,
И птицѣ въ гаю,
Пѣснѣ спѣвають?
То намъ
Сынамъ,
Того то краю.*

*Кому то лучѣ
Землю огрѣють,
И теплѣ вѣтры
Мраки розвѣють?
То намъ,
Сынамъ,
Что за тьмѣ мрѣють.*

*Кому то воды
Приносять плоду,
Горы, долины,
Красну природу?
То намъ
Сынамъ,
Что люблять згоду.*

Ф. Потушнякъ:

Дозвуки пастырского періоду въ народномъ фолклорѣ

(Доконченя.)

Але зато овчарское жита представлено завсѣгды якъ полное радостей и щасливыхъ хвилинъ, мимо небезпечнѣ пригоды¹³⁾, а деколи якъ щасливый вѣкъ, котрый уже не вернеся.

Розширенный у насъ такожь мотивъ киклопский, (котрый найшовъ свой ясный выразъ въ Гомеровою Одиссею, въ арабскихъ сказкахъ зъ 1001-ой ноци, въ пригодахъ Синдбада моряка.) Розширенный

онъ загално по свѣтѣ, якъ знакъ пастырской добы, до какой спадае и доба Гомера.

Овчаръ въ недобрый часъ »проговорився, что хоче битися зъ чортомъ. Чортъ зявляеся и по змаганю въ їдѣ, яке овчаръ програвъ, забравъ его разомъ зъ овцями въ мѣхъ и понесъ въ пекло«. При нагодѣ вдаряе онъ чорта камѣнемъ въ голову. Чортъ паде въ огонь и выпѣкае собѣ очи. Выходитъ изъ пекла, хитро взявши на себе кожу зъ барана. Чортъ не по-

¹³⁾ Н. Р. К. XI. 1. ст. 27.

знае его и пропускае. Овчарь забирае своѣ овцѣ и вертаеся до дому¹⁴⁾.

Ще больше близша киклонской темѣ друга сказка:

Опѣръ приводит трѣхъ братовъ въ пещеру и пожирае двоухъ изъ нихъ. Молодший выкопает ему очи а самъ въ кожи барана втѣкае зъ пещеры. Тутъ еще долучена и сказка про перстень, який самъ озываеся. Въ иной сказцѣ опѣрѣ заступае песьоголовець, але уже зъ однимъ окомъ.¹⁵⁾

Пастырство яко занятя, отъ якого иде благобыть на племя и край,¹⁶⁾ звелчано такожъ въ народныхъ колядкахъ и народныхъ пѣсняхъ. Тутъ часто нетолько подноситъ и выхваляеся его за благобыть, але его занятя поровнюють яко чьсь священное.¹⁷⁾ „Христосъ и св. Петро“ часто берутъ трембѣты и йдутъ трембѣжаючи по горахъ, якъ постырѣ межъ золотыми овцями-зорями. И якразъ тутъ въ колядкахъ одбываеся овчарство найвыразнѣйше и сутьево.¹⁸⁾

Тутъ прилучаеся такожъ повѣрѣ про «журашку» — купочку зорокъ на небѣ, котрѣ суть овцями.¹⁹⁾

Въ народныхъ пѣсняхъ величаеся жита овчаря, якъ буйрое, веселое жита, повное пригодъ, повное красныхъ переживанъ середъ прекрасной, родной природы, куда еще не проникла культурна сказа — якъ идия середъ турботъ жита.²⁰⁾ Горе овчаря описуеся въ нихъ якъ принагодное вызванное чарами ибо черезъ нещастну любовь.

Перевага овчарского періоду замѣтна такожъ въ деякихъ нашихъ повѣрѣяхъ-праздникахъ, передовѣмъ на Юрія и на Роздо. На новый рокъ еще и теперь по деякихъ нашихъ селахъ рано на зорѣ приводять до комнаты овцю, якъ гостя, пе-

стять еѣ, годуютъ хлѣбцомъ, солью, отавицею и т. д., «чтобы овцѣ хотѣли быти.²¹⁾

Самъ колядники въ многомъ мають пастырский характеръ.²²⁾ Колядники то пастырѣ, якѣ вѣщуютъ новину (не лише нагодна евангелска згода нашої и евангелской традициѣ). Такожъ почасты задержався звычай ходити колядовати зъ баранчикомъ. Ходятъ два коляднички въ пастырской одежи, а третий въ кожи барана. Коли они колядуютъ въ хатѣ, баранчикъ имъ до такту танцюе. Газдыня гоститъ его такъ, якъ и постырѣвъ, даючи ему пити паленку, дають ему грошѣ и т. д. Коли его постырѣ звуть до дому, удае, что не хоче, чтобы господареву у овцяхъ щастило...*)

У вертенныхъ играхъ выступае головною особю пастырь. Хоть вертепъ зайшовъ до насъ изъ западу, та все народный элементъ — перемогу, и се якразъ въ особѣ пастыря, котрый тутъ являеся якъ бы символомъ народного головного благобыту — овчарства. И въ тыхъ мѣстахъ, де пастырство вже не екзистуе, народна игра (а такожъ и театеръ) не одступають отъ овчарской темы.²³⁾

Традициѣ пастырского жита ще не давнѣ, ще и днесъ почасты тревають. Але згадка на «золотый вѣкъ» покрылася розными легендами, якѣ подъ ихъ впливомъ доповнила ще и наша сучасна романтична литература, створивши провидный родъ «папушастухъ литературы» — односно темы изъ идилличнымъ представлемежъ жита.

И такъ овця сталася «божою худобицею» (напроти козы,²⁴⁾ бо «она» и погоуде и приодѣе чоловічка. Она свята, тому еѣ подносятъ на степень фетишу, або идеалу святости, поровнюють изъ звѣздами, символами всего найлѣпшого.²⁵⁾

¹⁴⁾ Н. Р. Кр. 1929. ст. 86., Н. Р. К. 1929. ст. 84—86

¹⁵⁾ Б. Мартинович: Подкар. Кавки ст. 78 (Три брата и лессоголовець).

¹⁶⁾ Головнымъ богатствомъ нашихъ горскихъ жителейвъ есть скотъ.

¹⁷⁾ Н. Р. К. р. 1932. ст. 101.; р. 1930. ст. 139. и др.

¹⁸⁾ Н. Р. К. р. 1927. ст. 189.; Ф. Потушнякъ: Сонце, луна, звѣзды... Нар. Школа, 1941. ст. 177.

¹⁹⁾ Головно въ коломиїахъ, якъ инстинктъ. выбуху почуванъ.

²⁰⁾ Зъ отгѣнкомъ завѣды глыбокой туги и одинокости.

²¹⁾ Напр. въ Осюю, где овчарство майже выжилося.

²²⁾ Е. Н. Вифлеемъ Народя. Школа 1941. ч. в.; Н. Р. К. 1930. ст. 135.

²³⁾ На семъ мѣстѣ треба зазначити, что въ колядкахъ передхристиязский пастырский элементъ поперемишований зъ евангелскимъ эпизодами и религийныхъ пѣсень. (Н. Ледекачъ: Подк. Религийнъ пѣснѣ. Рукопись.)

²⁴⁾ Н. Р. К. 1930. ст. 172.

²⁵⁾ Чортова худоба (по апокрифу.)

²⁶⁾ Важнѣ студіѣ про пастырство у насъ написавъ В. Кубийовичъ: Život pastýřský v. P. R. и др. (зъ антропгеограф. стороны.)

ЯКЪ ТО ДВЪ ЛЮБИТИ?

(Народна баллада изъ Ракова.)

У суботу по полудню
Новина ся стала,
Якась красна дѣвчинонька
Хлопця счаровала.

Якъ го хтѣла счаровати
Кликала до хаты:
„Пой лемъ, пой лемъ бѣлый хлопче
Штось ти маю дати“.

А вунь прийшовъ, а вунь прийшовъ
Та ставъ на порозѣ,
А она му чары дала
Въ пшеничному пирозѣ.

Першій разъ вона му дала
Червену калину,
Другий разъ вона му дала
Ту слѣпу гадину.

Прийшовъ дому, прийшовъ дому
Матка го звѣдае:
„А чомъ тобѣ бѣлый хлопче
Краса погибаетъ?“

Ци ты сыну зъ коня упавъ
Ци ты сыну вбився,
Ци ты сыну отъ милоѣ
Чаромъ поживився?“

„Не я — мамко — зъ коня упавъ,
Не я — мамко — вбився,
Лемъ я мамко отъ милоѣ
Чаромъ поживився.“

Та иди ты бѣлый хлопче
Въ чорну землю гнити“.

Та дайте вы менѣ мамко
Бѣленькое платя,
Та идѣть вы и приведѣть
Моѣ вѣрнѣ брата“.

Прийшли брата, прийшли брата
За порогомъ стали,
„Чомъ вы моѣ вѣрнѣ брата
Дале не ласкавѣ?“

Пойте ближе, пойте ближе
Буду вамъ казати,
Котрой дѣвча вѣрно любивш
Не йди му до хаты“.

Йщи вы менѣ мамко дайте
Бѣленьку перничку,
Та идѣть вы и приведѣть
Марусю душичку“.

Прийшла она, прийшла она
За порогомъ стала,
„Чомъ ты моя Марусечко
Дале не ласкава?“

Ой, пой ближе, ой, пой ближе
Буду ти казати,
Штось вчинила, то и одчинь
Бо мушу вмирати“.

Не отчиню, не отчиню,
Не можъ отчинити,
Абы ты знавъ бѣлый хлопче,
Якъ то двѣ любити.

Подавъ: Туряникъ.

Еще одно письмо до критики „Грамматики руського языка“

Многоповажанный Пане!

Читавъ я Вашу преинтересну критику
»Грамматики руського языка«. Правда —
до сихъ поръ Вы розкритиковали только
»Привѣтъ« и »Вступное слово«, але —
Богу дяковати — здѣлали то основатель-

но. Узнавъ я изъ Вашей Критики многое
такое, на что я дотеперь, хотя занимаюсь
руськимъ языкомъ богато лѣтъ, и въ снѣ
не думавъ.

Сякъ узнавъ я изъ Вашей Критики, что
дѣслово: говорити что нибудь »вообще

не имѣть страдательной формы». (Счастя, что русьскій народъ о семъ не знавъ, бо еслибы знавъ, не вытворивъ бы пословицо: **»Рѣчь говориться, а хлѣбъ ѣться«.**)

Узнавъ я дале, что слова: **верства, здаватися, треба, боронити, богато** и т. д. не русьскѣ слова, а **чешскѣ**. Узнавъ дале, что словъ **сотеро, розный** нѣтъ въ рускомъ языкѣ, а вообще **»нигдѣ въ мирѣ«.** Однимъ словомъ вижу, что Вы высокообразованный чоловікъ и авторитетъ въ филологіи. Але дѣло такъ стоитъ, что суть люде, межи ними и я, котрѣ простѣ тверженя и наибольшихъ авторитетовъ не признають безъ отповѣдныхъ доказательствъ. А Вы кромѣ того, что наводите подобнѣ слова изъ чешского и украинского языковъ, ничимъ иншимъ не доказуете, что Вашѣ тверженя мають якусь научну основу.

Зато я сесимъ приступаю къ Вамъ зъ слѣдуюцюю просьбою: извольте научно пояснити 1. чому не мае переходное дѣе-слово **говорити** страдательного дѣйства и чому не можно вытворити изъ сего дѣе-слова дѣеприкладникъ страдательного дѣйства, коли есть подобнѣ формы отъ дѣесловъ: **видѣти, слышати, пѣти** и т. д. и у великорускомъ языкѣ. А что дѣе-слово **говорити** въ страдательномъ дѣйствѣ только въ третей особѣ уживаеся, то зовѣмъ природно, вѣдь предметъ до сего дѣе-слова може быти только: **слово, рѣчь, бесѣда**, котрѣ слова ледва колись были або будуть персонификованѣ.

2. Извольте пояснити, что Вами наведенѣ слова чому суть **чехизмы** и подайте доказы на то: **якъ и коли** они попали въ малорусьскій языкъ вообще, а въ нашъ подкарпаторусьскій діалектъ въ особенности. Также извольте подати имена тыхъ филологическихъ авторитетовъ, котрѣ тоже установили, что Вами наведенѣ слова въ малоруськомъ языкѣ суть чехизмы.

3. Извольте научно обосновати то Ваше тверженя, что **сотеро, розный** въ сякой формѣ вообще не находятъ ся и не находились въ малоруськомъ языкѣ, а слово **розный** **»нигдѣ въ мирѣ«.**

4. Извольте научно обосновати, чому есть то неправильно: **глупцевъ** (е зъ дво-

ма точками, выговорено: **глупцовѣ**), коли въ малоруськомъ языкѣ ц зъ немногими выимками вообще смягчаеся,

ИВ **Перенаселена** школа вовсе не такой глупый выразъ, якъ ото Вы собѣ представляете. Еслибы я думавъ по Вашому способу, могъ бы сказати, что **переповнятися** може хибя пивникъ, фляшка або коновка, а не школа. Нову школу — по моему — звикли населяти, заселяти учениками, а не наповняти.

И **обробляти культуру** не однозначачо зъ **розвиваньемъ** культуры. Есть **культурный роботникъ**, але нѣтъ **культурного розвивателя**. Наконецъ реченя: **И такъ ся грамматика служить . . . . ., выключивши всякого рода политику — по моему — одно реченя, а не два. Выключивши всякого рода политику** есть просто обстоятельство способа въ реченю. **Служить — якъ? — выключивши** и т. д.

Але если береме, что суть тамъ два реченя, одно изъ нихъ скороченое, и тогда есть то не така глупость, якъ Вамъ представляеся. Именно: **Ся грамматика служить . . . . ., потому что ся грамматика выключает** и т. д. Якъ видно есть то побочное реченя причины зъ тымже подметомъ, якъ въ головномъ реченю. Слѣдовательно всѣ тѣ поученя, котрѣ вы написали въ связи зъ разборомъ сего реченя по моему мнѣнію были зовѣмъ излишнѣ.

Зъ поважаньемъ:

Janus Subcarpaticus.

Тигръ

(Байка.)

Тигръ лежавъ въ гушавинѣ и облизывався. Недавно убивъ кротку лань зъ теляткомъ еѣ, наѣвсь мяса, написвъ крови и теперь отпочивавъ. Сонно дивився около себе и размышлявъ о томъ, якъ мудро есть сей свѣтъ заряженный — для тигровъ. Разъ лишь взоръ его упавъ на муравлиня въ отдаленности дасколько кроковъ передъ нимъ. Муравлиня было ще невеликое, видно было, что маленькѣ чорнѣ муравлѣ лишь недавно почали будо-

вати собѣ новый домъ, новое жилище. Прилѣжно бѣгали муравлѣ сюда-туда, тѣгали огромнѣ до ихъ великости стебла, перекочовали камѣнцѣ, робили дорожки, выношовали на сонце бѣленькѣ куклы, однимъ словомъ цѣлое муравлиня представляло собою образъ мирной и честной роботливости.

Разъ лишь изъ гушавины вырослоя множество великихъ, червонныхъ муравлевъ — всѣ сильнѣ, отважнѣ вонтелѣ зъ великими головами и острыми, твердыми кусалами. Верглися на безборонныхъ чорныхъ муравлевъ, почали ихъ убивати, дѣточокъ ихъ рабовати, гнѣздо ихъ немилосердно робивати. Тигръ вытрѣщивъ

очи и зъ дивованьемъ позеравъ на жестоко зрѣлище. Потомъ розсердився и скозавъ:

»Якое варварство напасти на безборонныхъ!»

Який се свѣтъ, яка се мораль!»

Вскочивъ и своими широкими лабами розмѣсивъ цѣлое поле битвы, такъ напастниковъ, якъ и нападенихъ.

Потомъ успокоився и удоволеный самымъ собою лягъ на свое прежнее мѣсто. Почавъ дрѣмати и уже засыпляючи пробормотавъ: »Дарьмо! Ничого нѣтъ на свѣтѣ такъ вовывшеного, якъ коли у когось суть принципы!»

И. Б.

Петро-Миговкѣ-Сяѣжжикѣ :

Причинки до словаря народного языка

Въ Карпатской Недѣли сего рочника въ двохъ числахъ были помѣщенѣ статѣ: »Кто бы менѣ помагавъ въ помноженою словаря» и »Ци языкъ народа бѣднѣй?» Авторомъ сихъ статъ бывъ Я. Бѣленький. Я на его просьбу въ тыхъ статяхъ зобравъ якийсь матеріалъ и помѣстивъ въ Карпатской Недѣли рочникъ: VIII. ч. 14. ст. 2. Той матеріалъ я не буду туй наводити. Познѣйше я доставъ отъ Вп. автора приватный листъ, въ котромъ просивъ отъ мене даякийсь матеріалъ. Я дачто зобравъ и заславъ Автору.ви. Той матеріалъ туй навожу. Такожъ додамъ еще и такой матеріалъ, котрый я до сего часу не заславъ авторови. Зато одноразово прошу и Вп. Пана Автора словаря, чтобы перебачивъ менѣ, что я не буду окреме посылати матеріалъ и на Его адресу, но най буде ласкавый слѣдити за Литературною Недѣлею подъ симъ самымъ титуломъ, что мае сеся статя, бо буду свой матеріалъ помѣщовати въ сей новинцѣ.

Подаю доповнения до слабоумного:

»Што дурньови по розумѣ.“ — Не въ свое бѣдро тканный.“ (Горбки.) — »Дурный спать, дурно му ся й спать.“ — »Высокий, якъ дубъ, дурный, якъ когушъ“ —

Высокий, якъ тополя, дурный, якъ фасоля.“ (Колодно.)

Наподоблюваня речениями голосъ животныхъ:

Синица: »Лѣто, лѣто кававузъ, кази сани чини вузъ!“ (Гребля.) — Лѣто, лѣто, чѣчѣ день, чѣчѣ день!“ (Горбки.)

Курица: »Коткодакъ, коткодакъ, яйця нѣшу бѣса хѣжу отто шакъ отто шакъ!“ (Колодно.)

Песъ вые: »Авѣ, авѣ, авѣ, изѣли пси траву! — Сякъ глумляться плачучимъ.“ (Горбки.)

Когутъ: Курица коли знесе яйце, когутъ кружиться коло неѣ, розширить одно крыло и струже въ него одною ногою кажучи: »Сякий ти фартухъ куплю, сякий ти фартухъ куплю!“ — Коли пѣе: »Кукурѣку пробшу врѣху!“ (Колодно.)

Свиня: Коли тепло, то каже: Гровфѣ, тровфѣ! А коли студено, каже: »Повисъ бысь, повисъ бысь!“ (Колодно.)

Жаба: »Кѣку ко вмеръ? Братъ нашъ Андрашъ. Плачме люлю, кѣку, кѣку.“ (Гребля.)

Голубъ: »Цѣкккккк, цѣкккккк!“ (Горбки.)

Коли курицю отбиваеме отъ ѣды, она каже: »Ко каже, ко кажа?“ (Колодно.)

Перелиця каже: „Пудь полѣтно пудь побуй!“ (Колодно.) — „Пудь полѣтно, пудь побуй!“ (Горбки.)

Комарь: Коли хоче ссати кровь чоловіка, то каже: „*Кумь, кумь, кумь, кумь!*“ А коли пассеса, то каже: „*Пеннй!*“ (Колодно.)

Котка: „Не кивай мя, бо *марш!*“ (Колодно.)

Коть: „*Пурвѣвъ, пурвѣвъ!* (Отъ слова порвавъ.) — Коли дакто зловить его за хвостъ и звѣдаеса отъ него: „Ци мѣешь маму?“ Коть отвѣдае: *Мѣву, мѣву!*“ (Колодно.)

Соловей: „Горѣ *потокомъ*, долу *пошомъ*, кумъ *клѣць*, кумъ *клѣць!*“ (Колодно.) — „*Чалѣй, чалѣй, прукъ, прукъ, прукъ!*“ (Горбки). Въ горбкахъ соловей называють *кѣкою*. Весною, коли кѣка рано на зорѣ спѣвае, кажутъ: „Вже *кѣка* оре.“

Слова выражають истинный голосъ животныхъ:

Конь ся *ѣрже*, жаба *рѣбкае*, котка *мѣв-кае*, корѣва *рѣче*, коза *бѣвкае*, овця *блѣе*, кўрица *кошкодѣе*, когўть *пѣе* и кукурѣ-че, гўска *тегоче*, кѣчка *рѣпче*, сова *пугу-кае*, лѣстовка *щѣбече*, голубъ *кўркае*, рыба *лопоче*, гадъ *фысѣшь*, пѣсь *брѣше*, вѣе, *гѣвкае* и *гырчѣшь*, щѣвнѣ *скулѣшь*, ѣстрябъ *кѣвкае*, свинѣя *грунчѣшь*, поросѣ *квѣчѣшь*, зозўля *кўкае*, ўдудъ (*попукѣчь*) *попўкае*, ворѣна *кўркае*, сорѣка *скре-гоче*, мышъ и *пѣшя* (кўря) *цѣпоче*, свере-нѣкъ *цѣвринконѣшь*.

Наподоблюваня реченями голосъ животныхъ:

Коли *вовъ* немащений иде въ гору, то каже: „*Рашўйй! Рашўйй!*“ А якъ иде въ долину, то скоро каже: „Хоть *рашуй*, не *ратўй!* Хоть *рашуй* не *ратўй!*“ (Колодно.)

Двонь: *Бомъ, бомъ*, за попѣмъ, а попѣдѣ *вонъ!*“ (Гребля.) — *Бомъ, бомъ, бомъ, бриндза* съ токанѣмъ.“ (Колодно.) — „*Цѣнгѣлингѣ бомъ, цѣнгѣлингѣ бомъ.*“ (Горбки.)

Коса: Коли острять еѣ: „*Косѣ косѣ*, тай я буду! *Косѣ косѣ*, тай я буду!“ (Горбки.) — „*Косѣ косѣ* докѣ *росѣ*. *Косѣ косѣ*, докѣ *росѣ.*“ (Колодно.)

Кипляча вода: „Кипѣть *кѣйка* кн-

поче, варѣть *мама* што хѣче, варѣть *мама* токану, а я тогѣ не *кину.*“ (Колодно.)

Фразы:

Коли ктось заступае въ чимось другого, то кажутъ: „*Въ одно бѣрдо* ткѣнѣ!“ (Горбки.)

Коли ктось сважаеса, на такого кажутъ: „*Молѣтивъ*, якъ *цѣвъ.*“ (Колодно.) — „*Мѣе* языкъ, якъ *жалѣ.*“ (Горбки.)

Чтобы ктось скорше пришовъ: „*Одна ногѣ шуй*, а друга *шамъ.*“ або: „*Берѣ* ногѣ подѣ себе!“ (Горбки.)

Коли ктось уважае въ другу сторону, а не тамъ, де треба: „*Не нѣкай* кудѣ бѣлѣ върѣны лѣтають!“ (Горбки.)

На ряндавий топанокъ (черевикъ) кажутъ: „*Вши* просѣть!“ (Колодно.)

На чоловіка, котрый не мѣшаеся въ нѣчто, кажутъ: „*Нѣ* шѣе, *нѣ* порѣ!“ (Горбки.)

На лѣнивого кажутъ: „*Такъ* робѣть, якъ въ *пошвѣ!*“ (Колодно.) — *Лише* *диину* блѣвить!“ (Горбки.)

На чоловіка, котрый и самый свою роботу порядно не зробить: „*И самъ* собѣ неприятель!“ (Колодно.)

На чоловіка, котрый много думаетъ, числитъ, кажутъ: „*Лише* *гѣлову* сўшить собѣ!“ (Горбки.)

Коли ктось поздить: „Дѣбрый бы за *смѣршовъ!* — „*Вже* й *Богъ* забывъ за ньѣго!“ (Горбки.) — „*Пушовъ* на лѣкѣ, тай не е го й *навѣкѣ!*“ — *Пушовъ* на дѣнѣ, тай не е го й на *нѣлѣ!*“ (Колодно.) (Продовженя слѣдуе.)

Замовляйте и купуйте выданя Подк. Общ. Наукъ:

Др. И. Гарайда: Грамматика руського языка.

А. Маркушъ: Ирину васватали (оповѣд.).

И. Муранй: Оповѣданя и байки.

Ф. Пасѣчникъ: На бѣлыхъ скалахъ.

„Литературна Недѣля“ выходитъ каждого другого тыдня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передилата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрация: Унгваръ Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгварѣ.
Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—32.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 8.

Зъ дня 31. августа 1941.

Р. 1.

Петро Миговъ-Сивжинъ :

НАДЪ ГОРАМИ.

*Покотились чорнѣ хмары
Надъ полониною.
Нуже хлопцѣ, въ кого сила,
Одѣймесь въ зброю,
Идеме до бою!*

*Надъ горами чорнѣ хмары...
На збочи дубровы,
Ревуть кулѣ, б'ють каноны,
Червенють ровы,
Отъ людскоѣ крови.*

*Подъ горою кровь стѣкае,
Куда текли воды.
Смѣло хлопцѣ перебродѣмъ
Тоѣ крови броды,
Бо мы — зъ тоѣ вроды!*

*Надъ горами роз'яснилось...
На збочи дубровы,
Розстуть рознобарвинѣ цвѣты,
Въ свободѣ, на воли,
Изъ людскоѣ крови,*

М. Нижнянскій:

ГОТЕЛЪ „СОЛОМА“

(Уривокъ зъ повѣсти.)

Чоло Юры морщиться. Лице поростае щетиною. Пробуе Юра щастя всюды. Не йде. Здержиться десь на одномъ постоянномъ мѣстѣ? Знае Богъ. И ходитъ онъ изъ тяжкими думками та розбитымъ сердцемъ якъ той сновида. Отчувае, что тѣбе цѣлымъ своимъ ествомъ. А спопелѣти боиться. И бореса Юра... И носитъ въ своему обдертому шатю соломяный пылъ по городѣ. Спитъ въ соломѣ, въ готелѣ „Солома“.

Неразъ вечерами бывае свѣдкомъ незвычайныхъ рѣчей. Зявилася палинка, пиво, паприкована солонина. Ктось принѣсь въ ночи шунку. Крикъ, реготь. Иколи появлялися и дѣвчата зъ улицѣ. Оргѣ... Юра глухий, слѣпый. Его остерѣгаються. Ци оцъ иначе выглядае? Такой бруд-

ный, порослый, обдертый, якъ и всѣ въ серединѣ. Всѣ своѣ! Никто не чужий, и не лѣпший, анѣ не горший!

— На, жери, хотъ разъ май великдень!
— кричитъ Иванъ зъ розсѣчными очима. той, котрый приволѣкъ шунку, тыкаючи нею подъ носа Юрови.

— На, обжериса нею и за маму, котра тебе десь тамъ подъ плотомъ... Може и николи не видѣла шунки... не то, чтобы ѣла... Ха, ха, ха... хотъ я зроблю тобѣ великдень.

Млаонть Юру въ голодномъ жолудку, но отвертаеся зъ огидою и сплювуе:

— Ухъ, и не боиться грѣха — сичить Юра скрозъ зубы.

— Глупакъ, ѣжъ коли дають, бо возьму

— кричить дальше Иванъ, тыкаючи Юрови прямо до носа.

— Не стыдно ему! — зъ розпуки отвѣчае Юра.

— Ха, ха, ха, за что, что накраденое укравъ?

— Стыдайся, такой молодой... — говорит Юра, выплювует соломяный пылъ зъ засохлого рта и сѣдае въ кутокъ на перетерту солому...

— Ха, ха, ха — регочеся той дальше зъ шункою въ рукахъ. — Стыдайся ты, такой молодой, а уже згорбленный, може по паузѣ... Чого ты доробився твоими горбами? Уже згорбленный а въ ротъ не есть что положити! Тобѣ встыдно? Не все одно? —

Юра покивавъ головою, горька усмѣшка зарисовалася на его лицо, соломяный пылъ розчипавъ до крови розчервенѣлъ его очѣ.

— Я хоть злодѣй... А ты что, — продолжавъ Иванъ въ сторону Юры. — Зъ помый будешъ выбирати, а й тамъ собаки не дадутъ. Тогда обернувся Иванъ до ночлежанъ, поднявъ до слабенького свѣтла свѣчки шунку и позвѣдавъ:

— Ъме або несу назадъ?

— Ъсти-и-и-и! Загудѣло въ соломѣ и кинулися присутиѣ зъ ножами на шунку.

Ктось замѣтивъ, что не есть хлѣба. Буде! Скочили и за повъ години принесли. Лѣпше сказати скотили зъ верха дѣрою въ середину стога дасколько теплыхъ ще хлѣбовъ. Появилася палинка, пиво...

Реготъ, выпары невытыхъ тѣлъ, лайки, розложенѣ смердючѣ онучѣ, запахъ пива, паленки... сварки... Се все мѣшаеся въ одинъ згукъ, котрого товстѣ стѣны соломы не выпускають на свѣтъ. Люде забываються, стаються звѣрятами.

Юра чувствуете на своемъ горлѣ тяжку руку, котра зъ дня на день все больше и больше давить его. Чувствуете на собѣ тыжнями невытое бѣля...

Выйшовъ туды, наверхъ стога, де думавъ выдохнути изъ своихъ грудей все то, что давило ихъ и робило тупою каждую думку. Надъ стогами простягалася холодна ночь. Половинный мѣсяць обливавъ слабымъ свѣтломъ сѣрѣ стоги. Въ городѣ блимали жовтѣ электричнѣ свѣтла. Дале-

ко въ поляхъ чорными плямами спали села. Ночна тиша и прохолода успокойовали его.

Наразъ чуе Юра шелестъ соломы изъ середины. Прямо передъ его ногами поднимается купа соломы, перехилилася на бокъ и паде, а изъ подъ неѣ встает Иванъ, Иванъ страшный, нѣчого не каже, лишь приближаеся до Юры. Блѣдный мѣсяць ще прибольше дикий выразъ Ивановаго лица. И видить Юра на Ивановому чолѣ велику рѣзну рану зъ поприльпльованными соломками. Отъ раны розбѣгаються по лицу застиглѣ смуги крови и Юру охоплюе жахъ.

— Ги-ги-ги-ги-ги! — дико зареготався Иванъ, свѣтячи до мѣсяця очима.

— Мовчи, бо ктось почует! — спробовавъ Юра притишити Ивана, але той ще голоснѣйше зареготався.

— Что зъ тобою, хлопче? — звѣдавъ Юра приголомшенный тымъ явищемъ.

— Погрѣються... — просычавъ Иванъ.

— Якъ? — скрикуе здивовано Юра, не розумѣючи того всего.

— Ги-ги-ги! Десять тысячъ!.. — сичить Иванъ. Зо мною не можъ хоть якъ. Я кравъ зъ нимъ разомъ! — давить изъ себе уривано слова Иванъ. — Згорять разомъ изъ грошима! — и скрегоче зубами.

Юра прискочивъ близко до Ивана. Отъ Ивана бухкае паленкою. На головѣ свѣтитъся кровь. Очѣ такожъ, здаеся, заллять кровью и блискають до мѣсяця.

— Зарѣжу, якъ не стулишь пыска — скрегоче Иванъ, выблискуючи ножомъ и кинувся отъ одного рога соломы до другого и начавъ палити.

Юра бѣгае за Ивановомъ и ледвы встигае гасити. Четвертый рогъ уже загоряеся поломѣнею. Юра подбѣгае до Ивана. У того блестять у руцѣ ножъ, розмахуеся нимъ на Юру и кричить:

— Утѣкай, бо зотлѣешь тутъ изъ ними!

— Долу нѣвиннѣ люде, згорять! — выриваеся изъ Юровыхъ грудей.

— Ага... долу... люде... — белькоче Иванъ и спускаеся въ середину стога.

Юра топче ногами на розѣ стога, гасить свитою. Чуе подъ собою якийсь глухий крикъ. Не може розобрати, что то, бо

въ другому розѣ, де погасивъ, розгоряеся знову. Скаче по стогу, пробует ратовати. Та видить, угасити не може. Пробует ратовати людей изъ середины. Прибѣгае до отвора. Зъ отвора валяе чернымъ дымомъ, чути крикъ, стогонъ. Пару постатей пробиваеся на верхъ крозь дымъ. Скачуть изъ стоговъ изъ загорѣлыми одягами, розбѣгаются въ поля, зникають въ темнотѣ блимаючи огниками якъ святоиванськѣ мушки.

Ктось страшно ахнувъ, скачучи изъ стога. Почувся глухий ударъ о чось твердое. О цементовый стовпъ!

— И чтожъ, больше людей не выдобуеся? — блискавкою пролѣтае Юровымъ мозкомъ. Не знае куды дѣтися, ци самому ратоватися, скакати зъ соломы, ци ратовати тыхъ, что еще въ серединѣ.

Та зъ отвору больше людей не показалося. Бухнула зъ него ажъ подъ хмары поломѣнь, закотила краемъ соломы и жбурнула нею разомъ изъ Юромъ на колючий дротъ. Поднимаеся Юра и бѣгае кругомъ горѣющого стога. Зъ огня не выбѣгае никто. Наразъ шпотаеся о чось мягкое и паде. Подъ ногами трупъ. Позирае, Иванъ. Нещасный, скакавъ изъ стога и розколовъ голову о цементовый стовпъ. «Де другъ?» — родиться въ Юры думка. И видить, якъ добываеся изъ соломы чорна постать. Летить изъ соломы изъ загорѣлымъ волосемъ. Ударяеся о дротъ и паде навзнаки въ обоймы поломѣня.

Изъ Юровыхъ грудей выдираеся дикий крикъ. Отвертаеся онъ отъ поломѣни и бѣжить за тыми, что зникли въ поляхъ.

И горѣли стоги ажъ до рана. Якъ бы зъ котла бухало ажъ подъ небо, де догоряли жмуты соломы и сѣна. Небо залляла дрожача червень. Лѣтали искры до неба, а вѣтеръ розносивъ ихъ по дооколишнихъ селахъ.

А коли вышло сонце, пожарники выпорповали изъ попеля гомбицѣ и пряжки, и послѣ нихъ установляли, сколько тамъ людей згорѣло. Далекъ въ поляхъ чувъ Юра, якъ пахне спаленою соломою. И болѣло его сердце и тягло до пожарища поперати, ци не найде десь Ивана. Однакъ

строгѣ лица полицейтовъ и заплаканѣ очѣ женщинъ загнали его назадъ въ поля: Сѣвъ на желѣзничнѣ шины и порпавъ въ своему мозку за думками.

... Дико отворенѣ очѣ... въ грудяхъ дуже великий боль... душа отупѣла... такой то теперъ Юра. А трава, чорна ораниця, сонце, жайворонокъ, небо — все дыхае весною, котру даже нетолько носомъ можно почувствовати, але и сама рука протягаеся намацати, загорнути еѣ до себе, абы розплыстися зъ нею въ синий воздухъ, изъ жайворонкомъ, изъ подыхомъ травъ.

Задивився Юра въ яркъ подъ штрекою. Сонце широко спираеся о Юровѣ плечѣ, поливае ихъ тепломъ и лоскоче. Соломяный пылъ схне въ свитинѣ и лоскоче тѣло.

А у водѣ крункають жабы и вяжутъ жабурия до стебель, .. чтобы жило поколѣня...

И у Юры родиться думка за думкою: Живъ? Не живъ еще? Може ще жити? Въ души обновляеся старое: хашѣ, лѣтна сплека, веснянѣ ранки зъ хрущами, повный потокъ воды зъ кригами на своей поверхности.

«А ктось другой могъ кромѣ Юры такъ добре на кригу скочити? Де тамъ...» Охъ, сильный бывъ Василь тогды и смѣявся... Той пастыръ, что говорилося о немъ въ сказцѣ, бывъ то ктось другой? Василь!.. И были надѣвъ повнымъ розмахомъ...

... А тотѣ верховинськѣ снѣги изъ свистомъ, изъ метелицами!

... Той поцѣлунокъ у снѣгу... Такъ дужѣ дѣвочѣ очѣ Маріѣ!

А теперъ? Ще и той запахъ весны мѣшае вѣтеръ изъ дымомъ отъ пожарища... И чуе Юра, что онъ старый, дуже старый... Видить себе у водѣ подъ штрекомъ, скривленого, изъ сѣдиною за ухами...

Застановляеся пару метровъ за Юровыми плечима поѣздъ. Выскакуе изъ локомотивы желѣзничникъ, гатить колѣномъ Юрови въ хребетъ и Юра цапкомъ летить у воду. Вышкрябуеся изъ воды на насыпь и распозиреуеся, что сталося. Поѣздъ пухкае, рушае дале, а желѣзничники лають Юру и называють пройдисвѣтомъ. Поволи выяснюеся въ Юровой головѣ.

Стоить, долу платъемъ стѣкае у бокачѣ вода.

»Геть одсы, геть одсы!« — вырывается изъ его усть — туды, де сѣрѣють полонины, де дзурчать потоки, туды, де Марія, его Марія!»

Якъ бывъ близько села, здоровкався зъ людьми, а они позерали ему въ слѣдъ. Коло дороги зеленѣли корчѣ, а въ нихъ поскаковала пташка и кричала слѣдомъ за Юрою: Тю-тю пень, тю-тю пень, завтра буде великдень... такъ якъ давно, у тѣ часы, коли Юра изъ другими Юрами та Иванками скакали по хашахъ и отзывалися до пташки: Не завтра, не завтра, бо въ недѣлю... А хлопцѣ говорили, что зато тотта пташка такъ спѣвае и прячеса по корчахъ, бо показовала тымъ, котрѣ ловили Христа, дорогу. То она за кару.

А тотта верба надъ потокомъ, изъ которой хлопцѣ все выбирали зъ еѣ дупла мохнатыхъ воробуцѣвъ, теперъ покивовала Юрови вѣтками, а по еѣ листкахъ переливалося вечернее сонце.

Коли зайшовъ у село, почувъ давний запахъ овецъ и розгнилыхъ соломяныхъ стрѣхъ.

Газды робили по своихъ обыстяхъ, Юра здоровкався, а они:

— До дому вже?

— До дому.

— Назадъ не йдешъ?

— Гмъ, назадъ?... — отвѣчавъ Юра.

— Якъ тамъ свѣтъ?

Юра тогда махавъ рукою и ишовъ дальше. Досѣ думавъ, что иде до дому, а тепоръ передъ уявою стало згарище хаты и бурлянь, что выпихався изъ перегорѣлой глины...

Посередѣ дороги ставъ. Чтось глаумилося надъ нимъ въ его власномъ нутрѣ...

Сонце золотило сѣрѣ вершки полонинъ, въ воздухѣ полѣтовали комашки, изъ надъ потока кричала пташка про великдень, а изза села зачинали жабы хоромъ. Все, что збудилося зъ довгомѣсячного сна, голосилося до жия.

Лѣсы шумѣли: жити!

Въ дѣточихъ выкрикахъ: жити!

У старыхъ, выгаслыхъ очахъ газдовъ свѣтила искра: жити!

У воздухѣ лунало: жити!

Ж-и-и-и-и-т-и! — пахтѣло все кругомъ.

Жити! — залунало въ Юровой душѣ.

Очѣ загорѣли свѣтломъ. Поднявъ Юра высоко голову, сильно затиснувъ пястуки, до болю стиснувъ уста и перестипивъ порогъ старого Рябинця.

НА ВОЙНУ ИДУТЬ...

*Пониже Магуры
Пташечки спѣвають,
Вже мого милого
До войны волають.*

*Волають, волають,
Конечки сѣдлають:
„На кого ня лишашь
Муй милый шугаю?“*

*„Лишу я тя, лишу,
Самъ не знаю кому.
За два, за три рочки
Вернуся до дому.“*

*„Хоть бы васъ ту было,
Якъ пѣску морского,
Не было й не буде,
Якъ мого милого.“*

*Два рочки минули,
Хлопцѣ зъ войны идутъ.
Зъ пудъ мого милого,
Лишь коника ведутъ,*

*Ведутъ они, ведутъ;
Покровцемъ прикрытый.
Ой, вже муй миленький
На войнѣ забитый.*

*„Не жалуй ты мила,
Не жалуй ты його,
Е насъ ту не туюко,
Выбери едного.“*

(Въ селѣ Раково записавъ:
Туряникъ).

ВЪ ПОЖАРАХЪ НОЧИ...

Въ пожарахъ ночи думы тлѣють,
 Погасли горами огнѣ,
 Ще мрѣвъ въ серцю каменѣють
 Ростали искры зорянѣ...

Въ тумановѣ мисцѣ — Главостѣки...
 Кличѣ загорѣвся и погасѣ.
 И де Йоанѣ? Воскресли рѣки,
 А небо — все иконостасѣ.

Падуть, якъ лѣстя думы Божѣ
 У книгѣ премудрыхъ строгий пилѣ,
 — На западѣ розвилѣсь рождѣ
 И яснѣ зарево кадилѣ...

Ф. Потушнякѣ:

Ночникъ въ народномъ вѣрованю

Ночникъ (нучникъ, нучновикъ) належить до ряду дводушниковъ, котрѣ хотѣ и мають другого нечистого духа «ходятъ въ своемъ тѣлѣ», котрое може мѣняти свою форму, або стати невидимымъ, при чомъ нечистый духъ его не опускае.*)

Представа про него розширена передовсѣмъ на всей области межи Боржавою и Тересвою. Инде рѣдко згадуеся про него, або и назва та незнакома, а оповѣданя про него переводятыся на босоркуна або опѣря. Тутъ точно одрозняютъ его отъ босоркуна, вовкуна и другихъ дводушниковъ. (При чомъ представа про босоркуна майже затрачуеся).

Ночникъ бывае въ день звичайнымъ чолвѣкомъ. Поводитѣся и працюе якъ каждый другий, такъ что его и спознати не можно. Лишь коли «тотъ часѣ» прииде, онъ мимо своей волѣ иде ночами, перепадае и мучитѣ, або убивае ихъ на смерть. Наибольшу силу мае онъ въ часѣ слабого мѣсяця и то отъ 9—1 години въ ночи. Може перемѣнитѣся въ что захоче. Отъ звичайного чолвѣка онъ далеко сильнѣйший (черезъ нечистого духа), але можѣ его перемочи або и убити звичайною людскою силою. Але при томъ онъ «цѣлкомъ злый духъ, такий, что отрекся отъ чолвѣчества». По деякимъ злымъ

духъ ходитѣ лише подчасѣ, коли тѣло и чиста душа спитѣ.

Тымъ нагадуе онъ босоркуна и въ деякой мѣрѣ опѣря (подекуды сѣ понятя тождѣ). Звычайно мае онъ двѣ сердца: одно спитѣ, а другое бдитѣ. По смерти въ гробѣ може быти одна половина тѣла свѣжа, а друга мертва, — одна половина лица румяна, а друга синя. Може выходити изъ гроба и шкочити людемъ, (хотѣ се рѣдко сталося).

Звычайно сторожитѣ онъ на разпутяхъ, водныхъ переходахъ, на пустыняхъ и перепадае прохожихъ, котрѣ самѣ ходятѣ. (Зачинае борьбу, въ котрой звичайно онъ перемагае. Жертву лише замучитѣ на смерть и не пожирае).

Рознѣ пригоды оповѣдають про него. Наибольше розширено естѣ оповѣданя про корчмаря-ночника, котрое оповѣданя мае много варіантовъ: «Воякъ повертавъ изъ фронту и мусѣтъ перебрести рѣку. Была сама повночь. Только дойшовъ до середины, якъ передѣ нимъ станувъ чолвѣкъ и начавъ вбляти его у воду. Воякъ боровся, але коли видѣвъ, что погибаетѣ, вынявъ багнетѣ и вдаривъ нимъ своего неприятеля въ тѣмя. Тотъ заразы ослабѣ и втѣкъ. По дорожѣ на смерть перемученый, воякъ вступивъ до знакомого корч-

* Ф. Потушнякѣ: Душа въ нар. пов... Наук. ЗБ. 1937/8. ст.

маря. Тотъ лежавъ окровавленный въ постели и конавъ. Воякъ зараза познавъ у немъ ночника, изъ котрымъ передъ годиною онъ боровся. А убивъ онъ его лише томю, что багнетъ, якъ и всяка збруя, есть спяченый.*). Ииший вариантъ: Два кумове говорили собѣ въ корчмѣ и не творилися на жидя-корчмаря, котрый тихо сидѣвъ и прислуховався ихъ бесѣдѣ. Межи иишимъ зговорилися ити на тычки у хашу въ ночи. Якъ звычайно одинъ бавъ скорше на мѣстѣ, якъ другий. Вылѣвъ на дерево и зачавъ рубати стовпя. Нагло почувъ голосъ, котрый кликавъ его въ долину. Коли злѣвъ, увидѣвъ передъ собою корчмаря, что теперь почавъ добиратися до него. Кумъ въ битцѣ порубавъ его сокирою.**)

Ночникъ дуже злый и жестокий. Онъ може перепасты чоловѣка въ снѣ и замучити. Головно перепастае одного, пр. спячого въ колибѣ, на поли, въ лѣсѣ и т. д. Такожъ рѣдше рушае чоловѣка при худобѣ або двоохъ (якъ и другѣ нечистѣ*) Жертва звычайно мае знаки отъ него на тѣлѣ. Ночникъ ходитъ звычайно въ чоловѣчю подобѣ, хоть може взяти на себе высокого, гонкого чоловѣка, зъ довгимъ обличемъ, чорного, голого и п. Голосъ его, се короткѣ выгуки, грознѣ и подобающѣ лѣсному шуму, — якоесь гу... гу... И худобина боитися его и низа что на него «не выйде». И онъ, якъ и другѣ нечисто-

ты, притворяся хотячи заманути жертву. Одною легѣня выдуривъ голосомъ милою изъ гусокъ, завѣвъ межи хутарѣ и убивъ. Побитое изъ синими знаками тѣло свидѣчило о великой борбѣ межи ними, бо клебаня и чересь лежали далеко отъ тѣла. »Ночники суть и днесъ — и по дасколько въ одномъ селѣ«. Селяне наводятъ ихъ имена и зовсѣмъ не крыються изъ тымъ. Означають и мѣста, де они звыкли обявлятися. Такими мѣстами суть межѣ помежи хutoryями. Наибольше облюбленнымъ мѣстомъ есть, де они сходятся, суть межѣ хотаривъ Вонѣгова, Шаидрова, Урмезіова, а такожъ урмезіовска хаша. Дооколѣшнѣ жителѣ значають село Вонѣгово, яко такое, де водитися наибольше ночниковъ. Та при томъ каждое село мае хоть одного ночника.

Збираються такожъ на раду. Мають и «старшого» надъ собою. Ночникъ родитися ночникомъ и остае такимъ до смерти. Хоронять отъ него магичнѣ рѣчи и ростины, якъ и отъ другихъ двоушковъ троянъ зѣля**), тимянъ***), чистецъ****) и др.

Ночникъ се самостойна представа аналогична до босоркуна, а почасты вовкуна и перевертня.*****) Нагадуе онъ передоувѣмъ долинянского «намѣсячника», подѣ якимъ розуміють они лунатика и гомосексуалиста, зъ якого правдоподобно и розвилася представа о ночнику.

Петро-Миговкѣ-Сиѣжникъ:

Причинки до словаря народного языка

(конецъ).

Чоловѣкъ, что помалы ходитъ; «Идѣ ги качка перевалѣна!» — «Качатся ги бѣчка!» — «Идѣ ги бы айця топтавъ!» (Колодно.)

Голодень каже: «Мухи въ чѣревѣ брѣнать!» — «Голодь дѣшу гонить!» (Колодно.)

* Пор. P. Bogatirev: „Actes magiques rites et croyances en R. S.“ p. 134, 138. Тутъ слуга идучий напамъ на напоѣ на тыхъ самихъ обстоятельствахъ рвантъ корчмаря-ночника. У долинянскихъ оловѣд, воякъ стрѣваемъ наъ „босоркуномъ“ корчмаремъ. Подѣята мала одытиса коло довго.

** Мало одытиса въ Даниловѣ.

На задуманого, что иде спустивши голу и никае на землю: „Слухае, якъ у землѣ звѣнитъ? (Колодно.)

Злый чоловѣкъ: „Проклѣтый, якъ воробѣкъ!“ — „На огни бы не згорѣвъ!“ — Гонихмарникъ!“ (Горбки, Колодно, Гребля.)

* Въ бруструакѣ оповѣдали менѣ, что недавно у нихъ ночникъ залушнѣвъ двоихъ пивнымъ зельносоуъ силичать въ домѣ...

** Cordus nutans.

*** Solanum lycopersicum.

**** Conium maculatum.

***** За гран. строч. рѣдко (Falkowski, Kaindl.)

Коли ктось отъ чогось боиться и потому тѣшать его: „Не *шакій* чортъ, якъ го малюють!“ (Горбки.)

Кориться чоловікъ: „Не *зроблю*, ажъ бы пси *шраву* пасли!“ (Горбки.)

Коли ктось бреше: „Зъ подь *носа* му кúрить!“ (Горбки.)

Дальше подаю, якъ глумляться хлопцѣ одного села хлопцямъ другого села:

Угляне колоднянамъ, або колодняне углянамъ:

„Колодняне, надубляне,
Наѣлися бросту,
Куда котрый попудъ плоты
Лежить на коросту!“

Або горбляне глумляться верячанамъ, а верячане горблянамъ, такъ:

„Веряцькѣ легинѣ
Пудлоѣ натуры,
Поносили мелай
До Ханы, до Суры!“

Провинціональнѣ слова. По возможности на первое мѣсто буду класти слова въ литературѣ уживанѣ.

Вершóкъ, щовóкъ. — (Вершокъ горы. [Горбки.]) — *Вандровнѣкъ, пруйдѣсвѣтъ*, (что по свѣту блудить. [Горбки.]) — *Гóр-дый, кивильный* (Горбки, Колодно), *гóнóрный* (Колодно.) — *Груша* есть скѣплена, а не скѣплена *дѣчка* (Горбки) — *Годѣнка, часунѣкъ* (Горбки, Колодно, Гребля.) — *Дахъ, побуй, верьхъ, покрóвля* (Горбки, Колодно.) — *Джергá, покрóвецъ* (Горбки, Колодно.) — *Дорóга, путь, шѣжка, пѣшáкъ, чинѣникъ*. Желѣзну дорогу называютъ *штрекомъ*. (Горбки.) — *Зашóнъ*, се есть глубокий заливъ рѣки. (Горбки.) — *Зведѣняша*. Се суть нероднѣ братья и сестры. (Горбки.) — *Збѣванка*, де двѣ рѣки або розтоки сходятся. (Горбки.) — *Згáнянка*, се есть фасоля зъ капустою. (Колодно), въ Золотаревѣ кажутъ на ню *мѣшанка*. — *Запопáшли-вый*, се есть змагливый чоловікъ. (Горбки.) — *Збóча, звуръ, звóрина*. (Горбки.) — *Клáка*, въ Колодномъ называютъ такъ вечерницѣ, де пѣря скубуть. Въ Горбкахъ называютъ се *пѣрбóдерами* або *пѣрбóскубами*. — *Крушóвъ*, се есть мѣсто, де вода рѣки крутиться. (Горбки.) — *Косá*, се есть малый заливъ рѣки. (Горбки.) — *Колѣсь, недáвно, áнде*. (Горбки.) —

Канку́лы, се есть найгорячѣйша часть лѣта. (Горбки.) — *Кóновка*, деревяна продовгаста посудина на молоко. (Горбки.) — *Клѣче, кричѣшь, голюкае, гóйкае, рѣвкае*, (Горбки, Колодно.) — *Колотѣха*, чоловікъ, что всюды лише бѣды робить. (Горбки.) — *Лящóкъ*, дика команда. (Горбки.) — *Мешелѣця, фукѣль*. (Горбки.) — *Нагавѣцы, пачмагы*, въ литературномъ штаны, по мадарски *padrag*. (Горбки.) — *Пусликъ, лѣйбликъ*; по мадарски *melény*. (Горбки.) — *Пáсемокъ*, однорочный и то тогорочный прудъ дедева, (Горбки.) — *Пилѣповиць*, се есть постъ передъ Рождествомъ Исуса Христа. (Горбки.) — *Понóры, водомѣвъ*. (Горбки.) — *Пропуй*, се есть коли дѣвка отдаеся, то еѣ родичѣ везуть еще того дня, коли свадьба стоить, якийсь матерѣяль изъ еѣ части и то есть: подушки, платя и т. д. (Колодно.) — *Рушинѣця, пушка, флѣнта*. (Горбки.) — *Рура, цѣвка*. (Горбки, Колодно.) — *Прóповѣдь, казань*, се есть промова священника въ церкви. (Горбки, Колодно.) — *Рóштока*, се есть часть рѣки. (Горбки.) — *Сукъ, тѣрча*, се есть выпуклина на деревѣ. (Горбки, Колодно.) — *Сѣвшѣтися, пиловáши*. (Горбки, Колодно.) — *Сушенѣцѣ, печенѣцѣ*. (Горбки, Колодно.) — *Жмѣня, кривáчка*. (Горбки.) — *Недѣйдавый*, се есть незмагливый, нѣдочого неспособный чоловікъ. (Горбки.) — *Слóша*, дождяна погода. (Горбки, Колодно.) — *Топуръ, пльнkáчъ*, (Горбки), *манарѣнь*. (Колодно.) — *Надбóнтавѣлый, напушнѣвѣлый*, (Горбки, Колодно.) *надбрѣсклый*. (Колодно.) — Въ Колоднѣ хвороту маларѣю называютъ „*Тишóхи*“. Кажуть: „Титюхи го трясутъ.“ — Въ Горбкахъ малу пилу называютъ „*Терпуга*.“ — *Тѣкае, бѣжѣшь, ушѣче*. (Горбки, Колодно.) — *Флѣшка, склѣнка*. (Горбки, Колодно.) — *Хѣтко*, (Колодно,) *скóмина*, (Горбки) се означае, коли чоловікъ видитъ, что другой ѣсть квасное яблоко и ему неприемно стаеся, такъ, якъ бы то онъ самый ѣвъ. — *Чужѣнець, приходнѣкъ*, (Горбки,) *пришлѣкъ*. (Колодно.) — *Чѣбря*, череплинѣ посуды. (Горбки.) *Яблоня* есть скѣплена, а *лѣснѣця* есть дика. (Горбки.)

Дальший матерѣяль подамъ позадѣйше.

О литературѣ

I. Талантъ.

Погляды на талантъ, якъ звичайныхъ людей, такъ и самыхъ талантовъ, суть рознѣ: Однѣ уважають всякій геніяльный творъ выплодомъ таланту, другѣ зновъ выплодомъ случайности, а третѣ допускають пильность и вправы. Ани случайность, ани пильность изъ вправами не можно подцѣньовати, они неразъ заступаютъ або и перевысшаютъ талантъ, та все се ще не есть творомъ таланту...

Талантъ творить безъ пильности, безъ случайности, только прямо зъ душѣ, изъ природы... Оно росте въ душѣ само отъ себе якъ плодъ, дозрѣвае и наконецъ родиться... Душа чуе якийсь беспокой, боль... рука сама хватаетъ пензель, ци перо, коли то тѣ першѣ основы суть и творъ выливается, якъ струмѣнь зъ душѣ. То самое твориться и зъ вынаходникомъ. И тутъ чиста калкуляція ни при чомъ, хотъ лише черезъ неѣ свѣтло духа може осянати незнаиѣ береги. Геніяльнымъ освѣтленьемъ повстали майже всѣ великѣ зако-

ны физики и математики. Теорія гравитаціѣ, кванту, релативности и др. потребовали такое наглое освѣтленя духа, якъ и музыкальный або поетичный творъ. Оно росло въ благородномъ дусѣ, зъ всѣми приготовными условіями (бо де нива не оброблена, тамъ ничъ не росте), дозрѣло и выросло. Другѣ проходили коло него и не видѣли его, хотъ оно такъ простенькое теперь! Ось чому Архимедъ отчувши свой законъ бѣгъ голый городомъ и якъ шаленый кричавъ: »Я найшовъ!« Ось чому дѣколи 20-лѣтний або ще молодший дѣтвакъ напише геніяльный поетичный творъ, даколи и свой найлѣпшии житевый плодъ, котрый творить школу, змѣняе бѣгъ лѣтературного процессу и п. То все робить вроженный талантъ, безъ якого геніяльный творъ немислимый.

Природа роздае привилегіѣ, хотъ и не по заслугамъ. Та ще коли случайно зъ талантомъ сполучить пильность и вправу, то передъ нами являеся доконалии геній.

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

В. Чумаць въ А.: О Вашихъ статяхъ напишемъ Вамъ письмо.

В. С. Синевиръ: Все впорядку. Вершки використаеми въ дѣточомъ журналчику.

А. Гр. Росошка: Информациѣ подаеми Вамъ писемно.

Проф. П. А. Хустъ: Про Вашѣ этнографичнѣ працѣ напишемъ Вамъ обширное письмо.

В. Пипашъ, Кос. Поляна: Дякуеми за книжочки. Вашѣ матеріалъ використаеми въ дѣточомъ журналчику.

И. Вачеля, Тури-Быстрый: Прислайте матеріалъ до дѣточного журнала. »Историчный переказъ про барона Коца« пришлѣть. Книжочку высылаеми.

Лѣтнѣ вакаціѣ подкарпатскихъ художниковъ. Уже зачалася всесторонна работа поодинокихъ секцій Подкарпатского Общества Наукъ. Чтобы сесю всесторонну работу Общество могло якъ найуспѣшнѣй-

ше перевести, веденя Общества дало нашимъ художникамъ грошеву podporу для приготовления матеріалу на Выставу Художниковъ въ Будапештѣ. Малярѣ перебувають въ мальовничой околицѣ Кушницѣ, де интензивно працюють и убольшуюють подкарпатскѣ художнѣ сокровища.

**Замовляйте и купуйте
выданя Подк. Общ. Наукъ:**

Др. И. Гарайда: Грамматика руського явкя.

А. Маркушъ: Ирину васватали (оповѣд.).

И. Мураній: Оповѣданя и байки.

Ф. Пасѣчникъ: На бѣлыхъ скалахъ.

»Литературна Недѣля« выходитъ каждого другого тыжня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгарь Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгарѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—32.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 9.

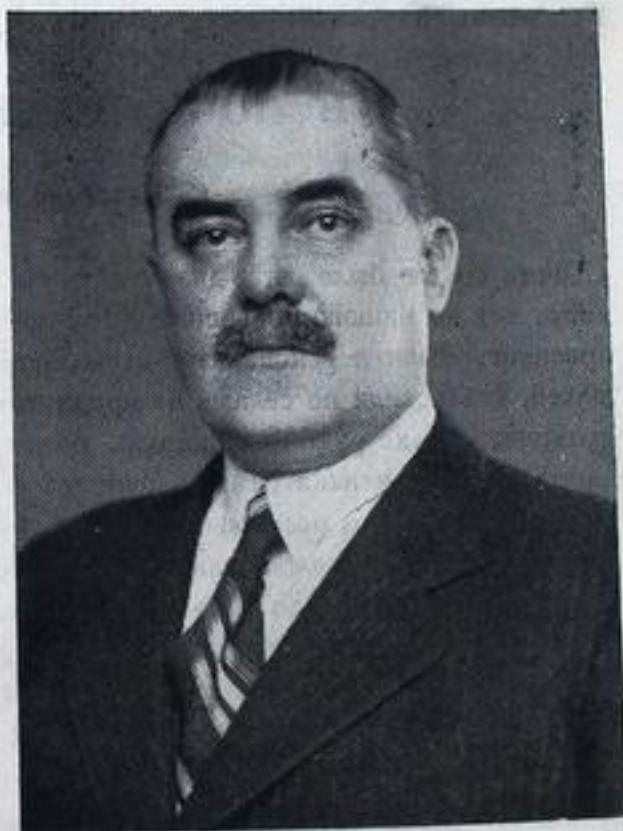
Зъ дня 14. септембра 1941.

Р. 1.

15. IX. 1940. — 15. IX. 1941.

Однорочный юбилей мецената руськой культуры.

Святкуеме юбилей. Дня 15. септембра есть тому одинъ рокъ, якъ Николай Козма, яко регентский комиссаръ, перебравъ веденя уряду Подкарпатского Регентского Комиссаріату. Радостное се свято для цѣлого Подкарпатя. Зъ нагоды сего юбилею Подк. Общество Наукъ въ особѣ Николая Козмы святкуе яко своего основателя и мецената. Такъ, Николай Козма есть основателемъ общества. Онъ порозумѣвъ культурну жажду, прогрессъ и змаганя за чимсь высшимъ въ душѣ лѣпшихъ русиновъ. И своею смѣлостью, душевною силою и своимъ широкимъ культурнымъ свѣтоглядомъ сотворивъ центръ руськой культуры. Сотворивъ сей культурный центръ не словами, але дѣломъ. Подкарпатскому Обществу Наукъ давъ такъ матеріальнѣ средства, якими въ Мадярщинѣ мало котра культурна институція може тѣшитися. Для руськой культуры подавъ такъ можливости и открывъ такъ перспективы, якѣ еще не были въ исторіи русиновъ. Русины мали своихъ знаменитыхъ людей, мали Егана, котрый, идучи за слѣдами великого Сеченія, старався поднести русиновъ экономично. Але до теперъ не было такого, якъ Николай Козма, котрый бы все свои матеріальнѣ и духовнѣ силы давъ до службы культурного, соціального и общественного розвитку русиновъ. Большая часть русиновъ порозумѣла, что достала она отъ Николая Козмы зъ заложеньемъ Подк. Общ. Наукъ. Порозумѣли се и руськѣ писателѣ, бо одиѣ за другими предлагаютъ свои працѣ Обществу Наукъ, котрое Онъ заложивъ. Безъ Николая

Козмы Подкарпатя и подкарпатский руський народъ не мавъ бы свою Наукову Институцію. Каждый сынъ Подкарпатя добре се знае, а особливо добре се знае веденя Общества, котрое у всехъ своихъ починахъ отчувае жертвенну руку своего покровителя. Тому зъ нагоды однорочного юбилею дѣйствования Николая Козмы на Подкарпато веденя Общества благожелае не выбирающими, але староруськими словами: на мнѣ гла и благодѣла.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВО.

ПРОЩАНЯ.

(За народною півнею.)

Кобы ты знала нене:
Любити легко, дуже
Чорнявого въ ремени
Хоть хлопця або мужа.

Кобы ты знала нене:
Кохати легко, дуже
Бвлявую Олену,
Двчиннюку якъ ружу.

Але прощаня, мамо,
Вѣкъ — вѣчная розлука,
Ажъ серце гине — вяне,
Найтяжша, мамо, мука!

Валентинъ Загорскій:

Въ ночь подъ Ивана Купала

(Зъ далекой нашей минушины.)

Менѣ ще не было анѣ дванадцять годовъ, якъ до нашего родынного дому попросились были переночовати дасколько людей, якѣ возили по селахъ на продажъ драницѣ. Нянько радо ихъ принявъ, бо на дворѣ крутила велика снѣжна буря та й морозъ притискавъ безжалю. Верховинцѣ повыпрягали конѣ, поставили въ стайню, обслужили и зайшли до хаты погрѣтися. Мамка погостила ихъ теплою вечерею, зварила чай зъ лимономъ отъ простуды и постлала на подлажу соломы для отпочинку. Подорожниковъ было трое. Одинъ изъ нихъ старый, бородатый, дуже кремезный дѣдо, котрый зъ моимъ отцемъ давно вже познавався и любивъ поговорити. И я его радо слухавъ.

Послѣ чаю молодшѣ драничарѣ лягнули спати, а сѣдый дѣдо набивъ пипу, усѣвся по-турецьки на солонѣ, дечто отповѣвъ нянькови про животь у студеной Верховинѣ, а дале, коли розговорився, зачавъ приказовати про всеякѣ пригоды, якихъ зазнавъ онъ подчасъ своихъ сорокалѣтнихъ подорожовъ по Падкарпатю.

Одно изъ дѣдовыхъ оповѣданъ и хочу вамъ туй переказати такъ, якъ оно переховалося въ моей старечой памяти.

*

»Дѣялось се давно, давно — казавъ дѣдо — мы тогды ходили въ дорогу не коньми а волами. Ыздили по торгахъ и по городахъ. Всюды побывали, де только можъ было продати товаръ. Разъ выправилося насъ въ путь чтось коло двадцятипяти людей. Добре тямлю, что се было передъ Иваномъ Купала. Бывъ емъ тогды керономъ трену и тому на все добре памятаю. Десь передъ Драговомъ надъ дорогою лежала велика толока, пашѣ было по поясъ. Я приказавъ своимъ людямъ звернути изъ дороги, поставити фуры зарядомъ и розпрягти воловъ. Въ мене бывъ тогды взорцевый порядокъ: каждый знавъ свое мѣсто. Однѣ пошли въ поле зъ волами, другѣ на дрова, иншѣ на воду, а останѣ взялися чистити рѣпу. Варили и ѣли мы ворошно, въ работѣ мѣнялися по катунськи. Въ природѣ стояла велика спека, тому по вечерѣ я распорядився, чтобы свободнѣ

люде йшли спати, бо оповночи вирушимо въ дорогу, абы въ день мухи меньше ѣли худобу. Всѣ лягнули, але спати якось не кортѣло, парила духота. Котрийсь изъ братовъ згадавъ, что завтра Ивандень, что тамъ, а тамъ е отпустъ а проче. Пригадалась молодость, легѣнство, свобода, игры та розваги, якими тогды бавились мы спередъ сего традиційного свята. Такъ собѣ приказуючи люде послули, а зъ ними и я здрѣмнувъ. Десь передъ повночи я пробудився, загнавъ посланця до сокотѣльниковъ, чтобы гнали до трену волю. Пастухи скотъ спровадили, але зъ межи стада хибѣла адна пара найлѣпшихъ воловъ. Всѣ перепудилися, кождый судивъ, что маргу вкрадено. На щастя властитель загубленыхъ воловъ самъ въ ту ночь бывъ сокотѣльникомъ. Нарѣкати не было на кого. Мало почекавши, мы вирушили въ дорогу, залишивши одинокого товариша середъ поля зъ тымъ, что перший, кто продасть драницѣ, прииде зъ волами за нимъ. Господаремъ втраченыхъ воловъ бывъ молодой энергичный чоловѣкъ; онъ оглянувъ побѣжно толоку и вдарився въ недалекий лѣсъ. Якъ тамъ пройшовъ колько кроковъ, изъ нимъ случилось незвичайное интересное диво. Онъ почувъ себе ясновидцемъ и всемогучимъ и всемаючимъ. Въ его головѣ зразу представився образъ краины, де паслися спокойно его волю. Видѣвъ онъ, знавъ де въ ту пору рушався тренъ его товаришовъ. Усе, все онъ видѣвъ и знавъ, а въ кешеняхъ звенѣло повно золотыхъ грошей. Наскоро взявъ воловъ, запрягъ ихъ до воза, рушивъ доганяти свой тренъ. Передъ однимъ селомъ, коли вже сонечко зачало сходити, хотѣвъ перезутися, бо бродячи по хашѣ дуже заросилися его онучи. Застановивъ воловъ и сѣвъ собѣ на грунтъ перезувати постолы. Якъ лишъ розметавъ онучи, вся его ясновидность моментально втратилась. Ставъ зновъ такимъ самимъ простымъ чоловѣкомъ, якъ и перше бывъ. Что за диво, — господаръ звѣдуея самъ себе; якъ то могло статися, что я вже ничъ не вижу и не знаю?

Надъ вечеръ чоловѣкъ догнавъ тренъ и

зачавъ товаришамъ приказовати, что зъ нимъ сночи случилось. Всѣ въ одинъ голосъ твердили, что въ него за онучою бывъ папоротный цвѣтъ и что, коли онъ перезувався, косичка выпала и стратилася... Убитый жалемъ «щасливецъ» передавъ товаришамъ воловъ, нанявъ воза и швидко вернувся на того мѣсто, де перезувався; лишъ косыцѣ тамъ не знайшовъ. Щастя было въ рукахъ, але темный чоловѣкъ не знавъ имъ скористати — казавъ дѣдо, набиваючи вдруге свою черепяну пипку. Коли я вернувъ до дому и переказавъ сесю пригуду нашимъ — продовжавъ дѣдо — то бабка моя покойница сказала менѣ, что въ томъ лѣсѣ, де се чудо сталося, давнымъ-давно добывала собѣ челядь папоротного цвѣту. Онъ, примѣромъ Мигаль Византий, розбогатѣвъ лишъ зъ папоротныхъ косиць — сказала бабка. А Марійка Клявчина нигда бы не отдадалася была за такого газду, якъ Коршинский! Ото все чаровне зѣляче поставилъ на ноги. Наслухавшись сихъ бабчиныхъ бесѣдъ, я рѣшився особисто перевѣрити сесе, бо менѣ ся сказка не вѣрилася. Визвѣдавши старушку прото: якъ се все робится, что треба туда брати и т. д., зачавъ я пароватися на отважный крокъ. Чувъ емъ отъ многихъ людей, что папоротный цвѣтъ передъ Ивандневу ночь сокотятъ всѣ злѣ духи и что тогды дѣется въ хашѣ «Страшный судъ», якого негоденъ челядникъ вытримати...

Ци такъ оно вправдѣ было, ци не такъ, я все позеравъ до календаря та нетерпеливо ждавъ Ивана Купала. Треба вамъ знати, казавъ дѣдо, что ити туда мае лишъ одинъ челядникъ, бо иначе чаровный цвѣтъ анѣ не вкажеся. И сесе найбільше чинило менѣ клопоту, але я не здавався задуманого дѣла. Всѣ свои подорожѣ, обчисливъ емъ такъ, чтобы на Ивандень быти дома. Дочекався сего ворожильного вечера, я взявъ зъ собою часовникъ, страстну свѣчку, евангеліе, малитвенникъ, тиміану, свяченой воды и ще не знаю чого тамъ набравъ и тихонько рушивъ въ ту діявольску хашу. Якъ лишъ я ступивъ въ

тотъ зворъ, — знялась страшна буря: блискало та било якъ изъ канонъ. Зо страху ноги зачали менѣ трястись. Хочу йти впередъ, а мене ктось держитъ за петекъ. Перекрещуся, прочитаю молитву, оно мало пустить, а дале зновъ цупить мене до заду. Такъ бывъ намучився, что гадавъ и до папоротника на повночь не дойду. Якъ сесе думавъ, наразъ блиснула въ лице мигавка и я увидѣвъ спередъ собою корчъ папоротника. Зъ сей радости присѣвъ емъ идъ землѣ, розсвѣтивъ свѣчку, розложивъ книги, покротивъ кругомъ себе свяченою водою и читаю: »Да воскреснетъ Богъ и разточатся враги его...« Буря мало притихла, але въ хашѣ знявся пожаръ. Громъ запаливъ десь сухе хамничча и все ймилося горѣти. Позераю, а кругомъ мене пекельный огонь, языки палають онъ до неба. Что туй дѣяти? Хочу тѣкати, нее де; хочу вылѣзти на дерево, а оно вже паде долу, згорѣло. Дивлюсь, а на менѣ вже и шатя горитъ. Боже милостивый будь менѣ грѣшному!... Одоткнувъ скляницю зо свяченою водою, тричѣ ковтнувъ, тричѣ перекрестився и дале молюся: Крестъ на менѣ, крестъ на спиѣ, крестъ въ головахъ, крестъ у ногахъ... Зъ крестомъ въ душѣ родився, зъ крестомъ и упокоюся. Святъ, святъ, святъ Господь... Пожаръ помалу погасъ, але всѣ дерева повалились долу, такъ якъ кобы ктось ихъ великою пилою притявъ. Лишь чую, якъ тоненькѣ вершинки фѣскають мене по ухахъ: фѣсь, фѣсь, фѣсь, швакъ, швакъ, швакъ — по шпанцѣ. Натягнувъ петекъ на голову, згорнувъ мало грани въ громадку и поклавъ туди тиміану. По землѣ покотився пахливый дымъ, чорты не вытримали святыхъ пахошовъ и кинулись тѣкати кто куды могъ. Я изъ сей радости поднявся на ноги, поникавъ на часовникъ. Наближалась повночь, хибѣло лишь три минуты. Такой буде цвѣсти папоротникъ! Теперь най хоть что дѣся, все перетерплю, а чаровного цвѣту дочекаюсь! — гадавъ я собѣ.

Припаровавъ ладчину изъ свяченого кедрового дерева, надѣвъ рукавицѣ пока-

панѣ страшною свѣчкою, тричѣ перекрестився, тричѣ довоккола себе плюнувъ (на чортовъ) и зъ свѣчкою въ рукахъ задивився на той корчикъ. Все было тихо и спокойно, але въ очахъ моихъ чогось почорнѣло. Протеръ очи, ничъ не вижу, питаю кругомъ себе, руками пече въ персти, а тѣло трясется отъ страху, якъ листья на деревѣ. Доки седѣвъ, ничъ мене не кивало, якъ лишь протягнувъ руку попитати корчикъ, то мене по перстахъ трѣсь, трѣсь... Хочу брати въ руки свячену воду, а мене по шиѣ швакъ, швакъ, та такъ боляче, что онъ подскочу. Въ такихъ мукахъ дождався я повночь. Розцвѣла давнождана косиця и, такъ блиснула своимъ чаровнымъ свѣтомъ, якъ громовица на небѣ. Подъ минутою знявся проливный дождь, земля затряслася и изъ внутра еѣ стали швигати огнениѣ языки.

Боже, что я набѣдувався за той дѣвольский цвѣтъ, ледви живой лишився... Коли пришовъ до дому, то такъ радовався, что якъ теперки на свѣтъ народився. Рано вставъ, дивлюся, а мое шатя все въ калу, въ кровѣ, въ пропаленыхъ дѣрахъ, — лишь виверечи вонъ.

Отъ такое бывае на свѣтѣ, Иване, — казавъ Юра идъ моему няньковы — кто не хотѣвъ и не искавъ папоротного цвѣту, тому самъ онъ впавъ за онучу, а я переживъ пекельнѣ муки, сказивъ одѣжъ, подорвавъ здоровья и все лише за то, что менѣ блиснула подъ носомъ папоротна косичка... Кому Богъ милосердный не судивъ быти щастливымъ, тотъ самъ мусыть змагатися и добывати собѣ хлѣбъ насущный чеснымъ трудомъ...

Чортъ задаръ своихъ грошей не роздае, а купуе за нихъ грѣшнѣ душѣ. Мене онъ не могъ звести, бо я пошовъ въ хашу изъ священными рѣчами и божою молитвою. Сесе ихъ розгнѣвало и они тяжко надъ мною позбытковали. И дѣтямъ своимъ закажу вѣровати сказкамъ та ходити по хашахъ искати собѣ щастя! — говоривъ дѣдо, кончаючи оповѣданя изъ далекой минувшины.

НЕВЪРНА.

(Народна баллада.)

Пришли сваты, та до хаты, ялися питати:
„Ци можь бы ти, молоденькуй, старосты прислати?“
„Ой можь бы ми молоденькуй старосты прислати,
Треба бы ти легьнику три зѣля копати.“
Ой якъ свѣъ я на коника, гайда долинами
Та найшовъ я три зѣльчка пудъ полонинами.
Ой лѣзу я изъ коника ставъ зѣля копати
А зазулька прилетѣла зачала кувати:
„Не копи ты легьнику три зѣля, три зѣля,
Бо дѣвчина избрехала, въ дѣвчинѣ вѣстля.“
Ой прийшовъ я до домочку, тай ставъ пудъ дверѣчко,
Подивився у вуконце въ хатѣ веселѣчко.
Ой зайшовъ я та до хаты, ставъ межи одвѣрки,
Силуе ня сѣ няньо: „Пий сину горѣвки.“
„Не треба ми старый дѣду твоєѣ горѣвки,
Лишь ми треба двѣ-три слова удъ твоєѣ дѣвки.“
Выйшла она молоденька та стала смѣятись:
„Яка ти ся бѣда стала, что не йдешь до хаты?“
Якъ у неѣ молодѣѣ косичка лелѣла,
Такъ у мене молодого сабелька звенѣла.
Лѣвовъ ручковъ изъ ремѣня зѣлечко втѣгаю,
Правовъ ручковъ дѣвчиноцѣѣ голову стинаю...
Ой прийшовъ я та до дому, не кажу нѣкому,
Не е моя дѣвчинонька, не буде й другому.
Посѣявъ я пшениченьку по бѣлому всови,
Собѣмъ кохавъ бѣле дѣвча не другому псови...

Записала: А. Руснакъ у Бычковѣ.

Ф. Потушнякъ:

Вовкунъ

Згадки про вовкулановъ (вовкуновъ) сягають въ дуже давнѣ часы. Повѣрѣя о «ликантропѣ» было знаное вже классичнымъ народамъ и не хибить оно ани въ повѣрѣяхъ познѣйшихъ добъ.

Вовкулаки по старымъ славянскимъ повѣрѣямъ спричиняють затмѣня сонця. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ говоритья о Всеславѣ, котрый могъ у вовка обернутися.¹⁾ Такожъ сынъ болгарского князя Симеона по задержавшимся оповѣданямъ обертався у вовка.²⁾ По деякимъ стар. оповѣданямъ славянъ они разомъ зъ другими

подобными нечистотами спричиняли рознѣ зла. Тай до днесъ задержалося повѣрѣя о немъ межи индоевропейцями и иншими народами.¹⁾ У насъ оно поширено загально.

Мотивъ о перемѣнѣ чоловѣка у вовка (а не въ другу звѣрину) вызвала здаея сама природа его (якъ въ горячихъ краяхъ тигръ и п.) — котрый есть небезпечный, загадочный вже своєю появою середъ темной ночи. То и заставило примитива складати о немъ легенды и придавати ему за-

¹⁾ ... самъ въ ночи влѣкомъ рыскаше: въвъ Клева дорыскаше до куръ Тмуторканя...

²⁾ Machál: Slov. bájesloví.

¹⁾ (Нѣм. werwolf, англ. werewolf, франц. loup-garou, рум. vrkolak, грец. vukolakas, тур. vukolak и т. д. русс. „волкулакъ“, укр. „вовкулакъ“, бѣл.-рус. „вавулакъ“, серб. „вукодлакъ“, болг. „връколакъ“, чес. „vikodlak“, рус. вовкунъ, вончуръ.)

гадочное значеня. Зато и досталось ему вызнауного мѣста въ сказкахъ.¹⁾ у митологичи и п.²⁾ Тай взагалѣ звѣрь въ понятю примитивного чоловѣка есть символомъ добрыхъ або злыхъ душевныхъ поривовъ.³⁾ Такожъ взагалѣ примитивный чоловѣкъ мае тенденцію видѣти въ звѣряхъ чтось сильнѣйшого и доконалѣйшого отъ себе (напр. втѣленя предковъ и п.)⁴⁾ або и деякихъ силъ природы.⁵⁾

Вовкъ въ нар. вѣрованіи символизуе таемну и злу силу лѣсной природы. Истрѣча зъ вовкомъ означае зло. Снитися зъ вовкомъ, означае злого чоловѣка, «ворога». У ворожкахъ употребляется вовчье горло для выкликаня загальной ненависти, коли черезъ него подивитися на когось. Грѣтьемъ въ горячей спузѣ вовчой жилы заставляется злодѣя терпѣти. Тай въ народ. оповѣданяхъ зъ правдивымъ подкладомъ выступае вовкъ все чимсь загадочнымъ и таемнымъ.

Вовкунъ въ нар. повѣрїи есть чоловѣкомъ, котрый може перемѣнитися — хотъ и не изъ своей волѣ — у вовка «коли тотъ часть прииде», напр. нагло на постели и п.⁶⁾ Тогда проявляе онъ вовчу злобу, стае небеспечнымъ якъ правдивый вовкъ, нападае на стадо и людей. Его можъ тогда убити або и оборонитися отъ него. Чинность его вяжеся на ночь але може отбыватися и днемъ. Вовкуномъ стаеся онъ подъ впливомъ ворожки, але може такожъ въ таку планету начідатися, а тогда есть онъ вѣчнымъ вовкуномъ. Сутьевой розницѣ межи ними не есть. Зачарованный у вовка буде вовкуномъ напр. 5 лѣтъ а потомъ стае нормальнымъ чоловѣкомъ. Онъ есть дводушникомъ якъ и ночникъ и ходитъ въ своемъ тѣлѣ. (По деякимъ лишъ духъ.) Натуру мае вовчу, але интеллигенцію чоловѣчу. Мае два сердца.

¹⁾ Бѣлый вовкъ, сѣрый вовкъ и п.

²⁾ Феринсь въ герм. мит. Св. Юрій мае власть надъ вовками. Въ старой мит. псы уводятся всюды въ близости изъ смертію (Анубисъ — Звѣрообразный богъ).

³⁾ Напр. вовкъ насильство, ягвя невинность.

⁴⁾ Напр. австралійцѣ и др.; отси и тотемъ деякихъ звѣрятъ (родство).

⁵⁾ Напр. Стратимъ — птица, Индрикъ — звѣрь, (Пѣсья о книгѣ голубинной) Бегемонтъ, Левятанъ.

⁶⁾ Потушнякъ: Душа въ нар. вѣр. Наук. 36. 1937/38 ст. 33—44.

Одного разу пушкарѣ убили вовкуна. Коли его розпоролі, найшли въ немъ два сердца а подъ кожею чересь.

Овчаръ спостерегъ, что въ кошару нагнався скочити великий вовкъ. Перескочивъ городину, запутався и впавъ черезъ голову на землю. При томъ урвався гачникъ на его шею, котрымъ онъ бывъ зачарованный и онъ ставъ знова чоловѣкомъ.⁷⁾

Одинъ пушкаръ замѣтивъ стадо вовковъ середъ поляны и хотѣвъ въ нихъ выстрѣлити. Та тутъ прискочивъ до него одинъ старый вовкъ, вырвавъ ему зубами пушку зъ рукъ и втѣкъ зъ нею. Стрѣлецъ дуже перепудився и не переслѣдовавъ его. Та одного разу, коли выбрався знова на ловы, вступивъ по дорозѣ до хаты одного своего знакомого и увидѣвъ свою пушку у него на стѣнѣ, зачудовався и розказавъ все тому знакомому... «Та бо то ваша и есть, сказавъ той — щастя ваше, что вы не выстрѣлили тогда въ насъ, бо бы вамъ бывъ заразы конецъ наставъ. Се вы трафили были на стадо вовкуновъ а не звычайныхъ вовковъ. Мы мали тогда зборища. Берѣтъ свою пушку, идѣтъ до дому и никому и слова не кажѣтъ». Чоловѣкъ той бывъ вовкуномъ. Вовкуны даколи нападають и сходятся изъ правдивыми вовками.

Одна жона не знала, что оѣ мужъ вовкунъ. Коли одного разу сѣно згрѣбали, пришло на него и каже онъ ей: «Я иду въ тотъ лѣсокъ, а коли бы об'явився тутъ вовкъ и хотѣвъ тебе роздерти, ты боронилъ и прокѣряешь его. Та лишъ онъ отойшовъ, за хвилю изъ лѣса выбѣгъ великий вовкъ и пустився на неѣ. Она боронилася зъ усѣхъ силъ желѣзными вилами и вовкъ наконецъ утѣкъ. За хвилю пришовъ и еѣ чоловѣкъ змученый и побитый. Сѣли ѣсти и межи тымъ спостерегла она ему межи зубами и куски изъ своей сукиѣ, и спознала, что онъ есть вовкуномъ и дуже напудилася. Сказала ему се и онъ признався. Наговорьовавъ еѣ жити зъ нимъ дале, але она не хотѣла и лишила его.⁸⁾ Вовкунъ може роздерти власну жону, або и дѣти, бо тогда онъ мае вовчу натуру и муситъ то робити. Сынъ попасовавъ стадо овецъ. Нагло спостерегъ, якъ до кошары за ов-

⁷⁾ Пор. Ф. Вовкъ: Студіѣ ст. 176.

цями загнавсь вовкъ и почавъ овуѣ дерти. Сынъ захопивъ сокиру, почавъ нею вовка бити и на деякихъ мѣстахъ поранивъ его на кровь. Пришовъ до дому и почавъ оповѣдати, что онъ заживъ. Та коли пришовъ до хижѣ, видить, его няньо порубаный и кровавый. Сынъ заразъ познавъ, что его няньо вовкунъ, бо онъ памятавъ, де вовка сокирою засягнувъ.¹⁾

Вовкуны деколи сходяться изъ правдыми вовками и разомъ зъ ними роблять напады. Якъ и они закусують овуѣ и пють изъ нихъ кровь. Часомъ ночами ходять вовкуны селомъ (своимъ або чужимъ) и выють сумными и устрашающими голосами. Есть ихъ деколи и дасколько въ одномъ селѣ. Заглядають у окна, рвуться въ дверѣ. Дѣти въ колыскахъ прохапуються, худоба реве въ хлѣвахъ. Часто оповѣдаєся, якъ видѣли вовкуна бѣчи селомъ, «бо то заразъ познати по ходѣ и по вытѣ». Якъ бы тогды въ него выстрѣлити, то можно его убити... Есть така ночь, коли они ходять». Мають якъ и всѣ дводушники и старшого, котрого слухають и якому всѣ повинуються.

У Брустурахъ попъ бывъ вовкуномъ. Селянина Х напавъ у зворѣ и почавъ гнати ся на него. Но селянинъ думаячи, что то

правдивый вовкъ, почавъ отганятися камѣнемъ. На послѣдъ вовкъ обернувся (бо вже зоряло) и почавъ утѣкати геть. Селянинъ метавъ за нимъ камѣнемъ, ишовъ за нимъ и увидѣвъ, якъ вовкъ перескочивъ фарску городину и скрився. «То самъ попъ бывъ».

Подобны оповѣданя родяться и забываються. Здаєся, каждое другое поколѣня мае своѣ, бо тутъ навязуєся подѣя на живыхъ людей.

* * *

Якъ видиме, понятя вовкуна майже всюды тѣ самѣ, за выѣмкомъ детальовъ, хотъ оповѣданя о немъ розны. Одночасно видиме, якъ одна и та сама тема може столѣтями жити, а мѣняєся лише фабула.

Другими звѣрятами, въ котрѣ людина може обернутися, суть конь, цапъ, гадъ, песь, жаба, птицѣ и др. В ѣконя обертаєся звичайно опѣръ, босорканя, босоркунъ, чортъ. Въ пса босоркунъ, босорканя, опѣръ, чортъ и другѣ «нечистоты». Въ цапа правильно чортъ, въ жабу вѣдьма. Въ орла, ворону, сову всѣ «нечистоты». Межитымъ майже всѣ птахи се бывшѣ люде. Бо звѣрѣ, послѣ нар. вѣр., суть чистѣ и нечистѣ (демоничнѣ) або такѣ, котрѣ мають чистое и нечистое «дыханіе».¹⁾

Шакаль

(Байка.)

Шакаль горько жаловався другимъ звѣрямъ на тигра.

«Служу ему цѣлымъ сердцемъ, всѣми моими силами. Хотяй мавъ бы я и другой роботы, лишаю еѣ, а хожу за нимъ, выглядую ему добычу. Коли спить, сокочу его, коли недоброй дяки, утѣшаю, коли доброй дяки, прославляю его. А что за се получаю? Презрительныя слова тай лайки. Называє мене вонячимъ псомъ, ничтожнымъ жебракомъ, безчестнымъ сводникомъ, а

даколи такъ рыкне на мене, что онъ фрасъ мя бере».

«Гмъ» — каже медвѣдь — «а кто тебе примуше, чтобы ты тому розбойникови служивъ? Впрочемъ такъ знаю, что за твое подлизунство изъ каждой добычѣ тигра чтось получаєшь».

«Айно» — заквилѣвъ шакаль заливаючись горькими слезами — «кости, самѣ кости! А я бы хотѣвъ мя-я-я-са!»

И. Б.

¹⁾ пор. Панькевичъ: додатки до «Говоровъ Подк. ст. 455.

¹⁾ Дыханіе або дыханя значить только, якъ душа («Всякое дыханіе да хвалить Господа» — м. ф. проти нечистотамъ).

КОШУТЬ.

(Народна пѣсня.)

Добрѣ было добрѣ
Въ мадярской краинѣ,
Доки Кошутъ сидѣвъ
Въ красномъ Дебрецинѣ.

А якъ выйшовъ Кошутъ
Та изъ Дебрецина,
Заплакала за нимъ
Мадярска краина.

(Зъ усть народа въ селѣ Раково записавъ: Туряникъ.)

Сигма:

Матеріальна культура Гуцуловъ

1. Польованя: Якъ цѣлый нашъ родъ, такъ и гуцулы, хотъ и поступили въ способъ своего жита далеко впередъ, завдяки сильного розмаху розвою машиновой техники, приспособили и легшимъ зробили здобываня своихъ житевыхъ припасовъ, — однако и днесъ ще радо, — а даколи зъ розваги, даколи изъ житевой нужды, даколи зъ цѣкавости — пристрасти, — провадятъ то найпримитивнѣйшее, дѣтинское свое занятя; изъ залюбовкою звертаеся до первоначаткового способу здобываня своихъ житевыхъ припасовъ польованя и ловленя рыбъ.

Легальнымъ ловцемъ гуцулъ не естъ, бо ани не може нимъ быти. Всѣ просторы густыхъ лѣсовъ, высокихъ полонинъ, и зворовъ и дебрь, сихъ то улюбленыхъ мѣсть притулку дикого звѣря; де можно бы часомъ здобыти дечто и для своей мизерной кухи. — належать не ему, бо суть або ерарськѣ, або штатнѣ, урбаріальнѣ, сѣльскѣ, або обществениѣ — въ день и въ добру погоду. Та настануть слоты, налягне на готаръ темна ночка, то въ лѣсѣ и на полонинѣ гуцулъ стае паномъ. Тогда ревѣръ его. Значить тыхъ, котрѣ десь-не-десъ тамъ, тайкомъ мають свою пушку.

Межи гуцулами дуже много равбшицеровъ. Подекотрый гуцулъ-равбшицеръ лучше знае, что крыеся въ лѣсѣ, якъ самъ лесмѣстеръ, гайникъ або и вѣсковый легальный ловець.

Говоришь зъ лесмѣстромъ про число медвѣдьевъ въ нашихъ лѣсахъ, лѣсникъ гордо толкуе тобѣ, что въ Черногорѣ естъ ще шѣсть старыхъ, прекрасныхъ примѣрниковъ медвѣдьевъ. Гуцулъ-равбшицеръ, что прислухуеся розмовѣ, здвигне плечима и скаже лише...

— ая...

Ты вѣруешъ лесмистрови и певнимъ въ правдомовности его информаций, та гуцулъ не такъ легко вѣритъ. Онъ знае, что информаций лѣсника неправдивѣ, фальшивѣ, бо не точнѣ. Онъ знае, что въ Черногорѣ естъ ще и тринадцать медвѣдьевъ. Але сесе пошепче лише тобѣ на ухо, якъто мае до тебе довѣря, а лесмѣстеръ о только дѣйсно мае правду, что онъ и ему подобнѣ, будутъ мати, зловлять, застрѣлять справдѣ лише шѣсть медвѣдьевъ, а зъ другихъ шкуру залупить уже онъ самъ. О сихъ другихъ паны не знають, и знати не будутъ, хибя лише тогда, якъ на медведѣ выправляючися его и не увидятъ, та чтобы зъ ганьбою не вертатися до дому, въ него у гуцула, купяты за добрѣ грошѣ шкуру вчора въ ночи зловленного и добитого медвѣдя. Дома пакъ, межи панами мало почванятися, якъ здирали они зъ ними таки самими застрѣленного медвѣдя шкуру.

Та ще и днесъ мало тыхъ гуцуловъ, что ловяты дичину пушкою-рушницею, т. е. оружіемъ. Не много тыхъ отважныхъ, котрѣ безъ жадного страху и боязни передъ

дичиною, та найчастіше передь органами безпеки, подь покрывкою темной ночи, выставляють своє житя рознымъ небезпекамъ, неразъ и неминуемой, менше славной смерти. Тымъ больше есть число тыхъ гуцуловъ, котрѣ безъ того, чтобы колить въ житю видѣвъ патронъ або рушницю, часто їдять мясо дикого звѣря и продають власноручно стягнуену зъ дичины дорогу его скуру. Сесѣ, не зважаючи на сильный розвой машиновой — желѣзной — техники, уживають способъ ловленя звѣрины такихъ, котрыхъ уживавъ ихъ далекий пра-пра-прадѣдъ — прачоловѣкъ. Сеся велика часть гуцуловъ ловить дичину пастками.

Пастки сесѣ рознѣ. Найчастіше уживанѣ такъ:

1. Сѣтка, котру готовлять изъ желѣза. Есть се двѣ сильно загнутѣ желѣза, котрыхъ два концѣ прикованѣ до себе, а середина розтягнута, — розопнута — сильными вагами. Выкопять глубоку яму, круглу, розмѣровъ сѣтки. Сѣтку положить надъ ямою. Яму изъ сѣткою прикрываютъ листемъ и хворостомъ, чтобы дичина идучи туды не запримѣтила пастку. До сѣтки привяжутъ тяжкий кимакъ (бервено до двохъ кубиковъ). Дичина вступивши идъ ямѣ, ловиться въ сѣтку, и разомъ зъ нею паде до глубокой ямы, де мусить пролежати ажъ надойде поставивший сѣтку и забивае звѣрину, або коли тота уже згнула, забирае еѣ изъ собою до дому.

Сѣткою ловлять на Гуцульщинѣ медведя, вовка, лисицю, борсука и иншихъ хижаковъ та не рѣдко и зайця. Передь поставленьемъ сѣтки добре придивляться, розслѣдять, куды яка звѣрюка ходить, и отповѣдно до еѣ великости и силы ставлять и сѣтку и привяжутъ до ней отповѣдное, великое бервено.

2. Западка. Ловець глядае двѣ смереки, отдаленѣ одна отъ одной на одинъ метерь. Межи сесѣ двѣ смереки поставитъ двѣ сильнѣ тички, котрѣ зъ одного боку держаться до купы, а зъ другого отворенѣ на якихъ 20—30 центиметровъ горѣ. Тички розопнуть, подопруть паличкою, а въ отворѣ вложить кусокъ мяса, котрый привя-

жуть до сподной тички и палицѣ. Звѣрка надойде, зачне торгати мясо, палиця, котрою верхня тичка подоперта захитаеся, верхня тичка паде и присоронюе звѣрку. Западкою ловлять кунциѣ и зайцѣ. Для зайцевъ мѣсто кусниковъ мяса, въ отворѣ кладуть листья смачной капусты.

3. Западка (на кабаны). Мѣсто засадженое бараболею (крумплями-рѣпою) обгородиться плотомъ зъ рѣща. Плоть зъ одного боку зроблять низькимъ, чтобы кабанъ могъ его легко перескочити. Напротивъ того низшого боку плота выкопять яму зъ верху широку, зъ споду узьку. Боки ямы вымостять гладкими дошками, чтобы кабанъ по нихъ не могъ выкрутитися. Яму прикрываютъ рѣщемъ, а на верхъ рѣща наложить моху. Кабанъ ходить доокола плоту; любивъ бы достатися до бараболѣ. Найде низший плотъ... хоче скочити... скочить, але просто до ямы. Упаде туды суньголовъ, та одти выкрутитися уже никакъ не може. Рано гуцулъ тамъ его найде и добивае.

4. Западка (на кунциѣ). Ловець глядае двѣ смереки, котрѣ отдаленѣ одна отъ одной не больше, якъ на одинъ метерь. Межи тотѣ смереки положить двѣ сильнѣ тички, котрѣ зъ одного боку держаться до купы, а зъ другого конца (верхнього) отворяються на якихъ 20 центиметровъ. Въ отворѣ положить мясо. Кунциѣ прикрадеся, зачне торгати привязаное мясо, при чемъ верхня тичка упаде на неѣ и присоронить еѣ.

5. Коновка. Коновкою ловлять лисицѣ. Сеся коновка, се звичайна деревляна водоноска, на якихъ 50 центиметровъ глубока. Зверху поновка узша, якъ изъ споду. До дна водоноски-коновки привяжутъ кусень мяса, та передь тымъ коновку сильно примостять до пня дерева. Зверху коновки понабивають зо всѣхъ боковъ напрямомъ до дна на скось деревлянѣ, въ концяхъ острѣ, чопы. Лисиця засягне головою за мясомъ, але вытягнути еѣ уже не може, бо чопики въ семъ ей перешкаджають. Зачинае скавулѣти, а ловець, котрый недалеко схованый, приходитъ и добивае лисицю.

(Продовженя слѣдуе.)

Петро Миговкь-Сивѣжннкъ :

УЧѢМСЯ ОТЪ НЕГО!

Отъ ночи до рана,
Отъ рана до ночи,
Соловей спѣвае,
Коли собѣ схочетъ,

Не спать, не спочине,
Поживу збирае,
Не такъ, якъ лѣнивый.
Онъ на все часъ мае.

Якбы ему треба,
До школы ходити,
Не треба бы его,
За руку водити.

Летѣвъ бы чтосилы,
Уважавъ бы тихо,
Поборовъ бы наше,
Сеземное лихо.

Учѣмся отъ него,
Кончимъ дѣло свое,
Побореме скоро,
Сеземное злое.

СИРОТСТКА.

Чорна земле, чорна земле,
То ми жаль на тебе,
Што ты ми забрала
Мого нянька въ себе.

Сирото небого
Не жалуй на мене,
Пань Бугъ узавъ душу
А я тѣло мушу.

Подавъ: Туряникъ.

Петро Миговкь-Сивѣжннкъ :

ПРО ТЕБЕ МОЙ КРАЮ.

Въ серцю сильно б'ється кровь,
То про найбільшу любовь,
До Тебе мой Краю!
Кто бы Тебе не любивъ?
Въ Тобѣ такъ множество дивъ,
Лишь не всѣ то знаютъ!

О, ты хмаро! Чорна ты,
Надъ симъ Краемъ не лети,
Най сонце загрѣ!
Воды млаки не роби,
Въ ту сторону днесъ поиди,
Де все въ огнѣ тлѣ!

Въ горахъ сосны подростуть,
И молитву понесуть,
Высоко, до неба.
Понесѣть намъ и въ сей часъ,
Чтобъ благословивъ Богъ насъ!
Лишь только намъ треба.

Молимся день и ночь,
О святу Божу помочь,
Для Тебе мой Краю!
Псалмы, пѣснѣ, Акафистъ,
Символь вѣры, святой листъ,
Для Тебе складаю.

О, мой Краю процвѣтай,
Серця крови втѣху дай,
Ты мой Отець вѣчный!
Въ груди своѣ Ты прийми,
Мене вѣчно колыши,
Бо я швой сынъ вѣрный!

ВОИСЬКОВА.

Мамко моя мамко,
Сивенький голубе,
Ты ня годувала
А ко тебе буде?

Ты ня годувала
У мойой малости,
А ко тебе буде
У твоюй старости?

Подавъ: Туряникъ.

ВОЯКЪ И ДѢВЧИНА.

(Народна пѣсня.)

Червена калино чомъ не процвѣтаешъ,
Молода дѣвчино, чомъ думку думаешъ?
Я думку думаю и думати мушу,
Любиламъ воячка а лишити мушу!
У недѣлю рано сонѣчко выходитьъ,
Молодой воячокъ по касарнѣ ходить.
Ходить онъ, ой ходить, тай сабельку носитьъ,
Отъ пана капѣтана на урлопъ ся просить.
— „Пане капѣтане, пустѣть ня до дому,
Лишивъ я тамъ дѣвча, самъ не знаю кому.“
„Пуцу я тя, пуцу, айбо не самого,
Розкажу сѣдлати коня вороного.
Коня вороного, новое сѣдлечко,
Иди до милоѣ розвесель сердечко.“
Иде онъ, иде онъ, на воротахъ стае,
Выйшла стара мати вояка витае.
Витае, витае до хижѣ кликае:

„За тобовъ воячку дѣвча умирае.“

(Зъ устѣ народа въ селѣ Раково записавъ: Туряникъ.)

О литературѣ

2. Поезія.

Поезія въ рядѣ всѣхъ штукъ стоить най-
выше, бо она загортае въ собѣ ритмъ,
звукъ, образъ, почутя, думку и т. д. Тому
она наибольше чоловѣча зъ усѣхъ штукъ,
бо она входитъ въ душу и выходитъ изъ
душѣ, а при томъ совсѣмъ вольна отъ ма-
теріальной залежности. Штука вообще а
поезія передовсѣмъ суть першимъ услови-
емъ культурного развитку людства. —
Она организуе первѣстный хаосъ высшихъ
и низшихъ почуванъ въ души а тымъ и въ
природѣ. Она изъ житевой струѣ выво-
дитъ дѣйствиѣ и правдивѣ формы, показуе
праидею свѣта якъ отчутя великого един-
ства — жита. Такъ само якъ и философія
черезъ понятя веде до злитя зъ общимъ
розумомъ. Та коли философія есть лише
схемою жита, чтось якъ математична фор-

мула, то въ поезіи прямо отражаеся сама
струя жита, яка нигде не починаеся и не
кончаеся. Она приходитъ до формы слова,
якое живе вѣчно и безсмертно, якъ бы
припадково, не найденое середь руинъ,
ци на глиняной таблиці, оно оживае за-
разъ доткнувшись людского духа и ожив-
ляе все довкола себе. Задаръ, что римлянъ
старого Риму не есть уже больше на свѣ-
тѣ, но тому что лишилася ихъ литература
и поезія, они для насъ дальше жиють, мо-
же больше чимъ теперъ жиючѣ многѣ на-
роды. Лишь простудіюйме ихъ языкъ и
вжіймося въ бытъ! Лишь прочитајме собѣ
ихъ поезію, и заразы жиеме въ ихъ свѣтѣ,
бо въ штуцѣ проявляеся душа и сущность
народа. Се душа народу и взагалѣ люд-
ства. Что знали бы мы о среднемъ вѣцѣ,

якъ бы не было поезій зъ тыхъ часоуь.
Ци могли бы мы отчути душу вѣрующего
средновѣчного чолоуька зъ всѣми нюан-
сами безъ средновѣчной литературы?

Поеть творить несвѣдомо. Его поезіѣ
се зъ одноѣ стороны результатъ самого
жизневого процессу а зъ другоѣ стороны

одиницѣ общей цѣлости. Поетична твор-
чость се не есть выслѣдокъ калкулаціѣ,
але певного рода поетичного транзу. Тому
всякий геніальный поетичный творъ по-
вставъ якъ нагодоу — коли подсвѣдо-
мость диктуе писати. Отже сяка есть суть
поезіѣ и сякое значеня поезіѣ.

Н О В Ъ К Н И Ж К И

»Збірничок гуцульських народних пі-
сень коломийок. Зібрав Василь Піпаш в
Косівській Полянї. В Тячевї, 1941, 16°,
ст. 47.« Сей Сборничокъ гуцульських на-
родныхъ пѣсень въ теперѣшной руськой
литературѣ есть великою несподѣванкою.
Сборничокъ авторъ присвятивъ »літера-
турноязыковій секції Підкарпатського Об-
щества Наукъ«. Пѣснї подѣляв на 10 от-
дѣлы: »любовні, вояцькі, сумні повістовї,
спївацькі, історичні, вандрівницькі, висмі-
ваючівїючі, протиалкогольні, жартївлївї і
побутовї«. Якъ видиме, подѣлъ пѣсень есть
дуже смѣлый и оригинальный. Найкрасша
есть исторична пѣсня про короля Ферди-
нанда и турковъ. Зъ якоу любовью и ма-
теріяльными жертвами авторъ ихъ выдавъ,
зъ такимъ горячимъ допорученьемъ реко-
мандуемъ закупити сесю книжочку.

Александръ Маркушъ: »Ирину засва-
тали« и иншѣ оповѣданя. Народна Библіо-
тека ч. 1. 2-гое розширене виданя. Вы-
даня Подк. Общ. Наукъ, 1941, 16°, ст. 64.

Насколько цѣнять у насъ добру книжку,
видно зъ оповѣданъ А. Маркуша. Першое
виданя розойшлося за три мѣсяцѣ. Але по
выпроданю приходило столько замовлень,
что Общество мусяло выдати оповѣданя
другимъ накладомъ.

Сесе виданя есть розширене зъ перед-
нимъ словомъ Н. Л-ача и оповѣданьемъ
»Сватачѣ«. Изъ зовнѣшной стороны кни-
жочка есть большого формату, на лѣп-
шомъ паперѣ, хоть цѣна только 40 фил.

»Руководство для сбора важнѣйшихъ
лѣкарственныхъ растений Карпатской Тер-
риторіи«. Составили: Стефанъ Фодоръ и
Иванъ Мартинъ, проф. гимназіи. Унгварь,
1941, 16, ст. 112.

Якое великое господарское и соціальное
значеніе мае сбирания лѣкарскихъ растений,
видно уже зъ того, что урядъ регентского
комиссаріята zorganizовавъ на Воловщинѣ
дружество для збирания лѣкарскихъ рос-
тинъ. Сесе книжочка дуже послужить
всѣмъ тымъ, котрѣ збирають сесѣ растения.
Въ книжочцѣ много малюнковъ растений и
розныхъ таблицъ. Книга красна и пере-
глядна.

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

П. Сигма. Ваше оповѣданя помѣстиме
въ слѣдующомъ числѣ. Витаемъ Васъ въ
рядахъ нашихъ сповроботниковъ.

П. Звонарь. Матеріалъ выкористаеме.

А. Гр. Росошки. Дякуемъ за присланѣ
поезіѣ. Присилайте больше.

Блудный Сынъ — Унгварь. Вашѣ вер-
шки не можеме помѣстити, бо они дуже
слабѣ.

В. Загорский. Одно Ваше оповѣданя по-
мѣстиме до нашего календаря.

Др. Г. С. Будапештъ. Присилайте статѣ
и до »Лит. Недѣлѣ«.

**Замовляйте и купуйте
выданя Подк. Общ. Наукъ:**

Др. И. Гарайда: Грамматика руського
языка.

А. Маркушъ: Ирину засватали (оповѣд.).

И. Мураній: Оповѣданя и байки.

Ф. Пасѣчникъ. На бѣлыхъ скалахъ.

»Литературна Недѣла« выходитъ каждого другого
тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата:
на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и
администрація: Унгварь Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества
Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság
nyomdájában Ungvárott, 1941.—32.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 10.

Зъ дня 28. септембра 1941.

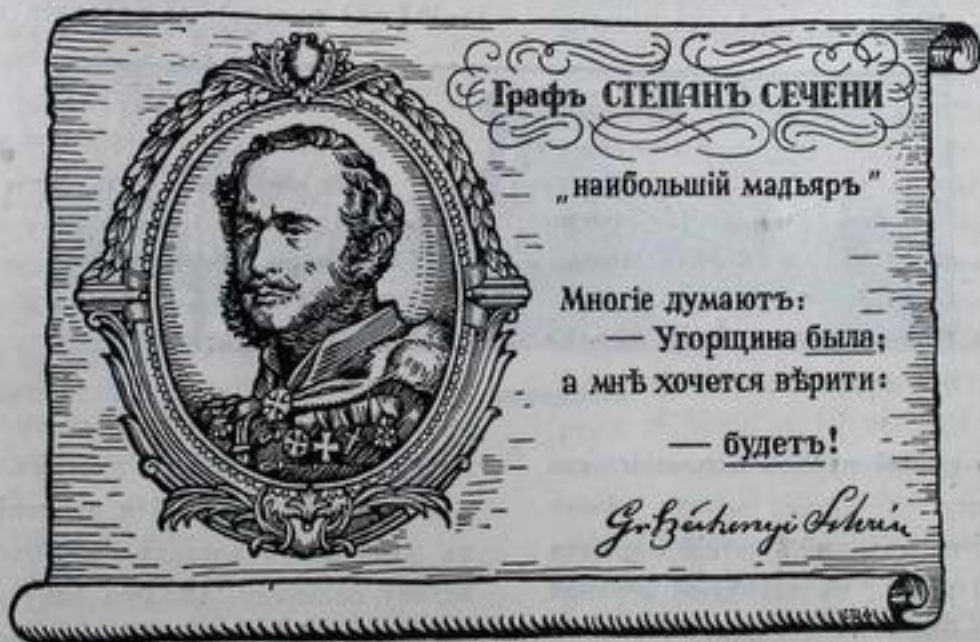
Р. 1.

Графъ Стефанъ Сеченій

(1791—1860.)

Лудвикъ Кошутъ р. 1840, говорячи про господарскѣ и національнѣ обставины въ Мадярщинѣ, графа Стефана Сеченія на-

длярской культуры: заложивъ »Мадярску Национальну Библиотеку« и много культурныхъ товариствъ.¹⁾

звавъ »наибольшимъ мадяромъ« того часу. Анализуячи дѣяльность С. Сеченія на полю культурно-національномъ поднесеніи мадярского народа, сей высьловъ Л. Кошута цѣлкомъ покрывае его дѣяльность.

Стефанъ Сеченій походивъ зъ такого мадярского роду, котрый въ исторіи мадярского народа занимавъ вызначное мѣсто. Отець его на переломѣ XVIII. и XIX. вв. належавъ до передовыхъ людей Мадярщины. Около него згрупповалися всѣ культурнѣ и національнѣ силы мадярского народа и славили его яко мецената ма-

Въ такомъ литературно-культурномъ окруженіи молодой графъ Стефанъ мавъ

¹⁾ Велику культурну дѣяльность Ф. Сеченія оцѣнили не только мадяре, але й русины. До насъ захованъ одинъ вершъ зъ 1805 р., де авторъ верша, Григорій Тарковичъ, прославяе Ф. Сеченія яко »угорского Аполлона«. Для интересу наведу пару рядковъ изъ сего вершика:

*Вкушите: отъ Песта вѣсть радостну пріяхъ.
Что праздникъ строится на Дунайскихъ струяхъ.
Францишкѣ графъ Сечени, угорский Аполло,
Его же имя во Европѣ процвѣло,
Венгерскія библиотеки создатель,
Здѣшнихъ народовъ Музамъ истый пріятель,
На день Обручнику Иосифу святой,
Князю Палатину тезоименитый,
Готовить пиръ и изрядное торжество.
Для того подданнымъ Музамъ разгласилъ соборъ,
Да сберутся на Парнасъ, то есть его дворъ. —*

можливість основно познакомитися зь культурними и літературними проблемами своєї доби. Крім того в своїх молодих роках много їздив по чужині (головно по Німеччині и Італіи, де основно и до глибини перестудіював не только культури але и господарскі вопросы Европы. Якъ вернувся до своєї отчини, увидів тут занедбану господарску культуру, котра была результатом довголітньої політичної боротьби и стопятьдесятьлітнього турецького панованя.

До его часовъ про всякі культури, господарскі и соціалні теми только говорили и дебатовали. Але онъ, зачинаючи отъ 1825 року, чтобы направити господарское положеня своего народа, не только проповідав, але теоріи зачавъ переводити в житя. Его чини и ділани потягну-

Ланцовый мостъ

ли за собою цілий народъ и повели его на нову дорогу.

Рокъ 1825-го молодой Сеченій рѣшився на отважний крокъ: в засѣданю верхней палаты заговоривъ по мадярски. В томъ часѣ сказати рѣчь по мадярски, а еще до того в засѣданю верхней палаты, было нечуваное діло. За Сеченіемъ пошли и инші. Того самого року зложивъ центр мадярской науки Мадярску Академію Наукъ, даючи ей свой однорочний доходокъ.

Чтобы мадярскихъ магнатовъ изза границъ привернути до дому, 1927-го року зложивъ Національное Кассино и уряджавъ конскі змаганя. Але на семь онъ не застановився. Одно за другимъ организуе господарскі підприємства и т-ва. Давъ починъ до заоснованя т-ва «Регуляції Дунай» и «Дунайского паролавства». Рокъ

1832-го зложивъ «Мостовое Т-во», котрое потомъ зачало будовати перший мурований мостъ черезъ Дунай т. зв. «Ланцовый Мостъ». Чтобы для земледѣлства захоронити урожайну землю межи Дунаемъ и Тисою давъ виробити мелораційный планъ и рушивъ «водну коммуникацію на Тисѣ». Для обороны мадярскихъ земледѣлцевъ зложивъ «Мадярское Господарское Т-во» а потомъ пустился до регуляції Тисы.

Якъ уже было выше сказано, работа Сеченія виявлялася не только практично, але и теоретично. Не могъ онъ особисто всюды бити и каждому говорити. Своі господарскі и політичні принципи выложивъ в книжкахъ. Перша его книжка появилась в 1828-омъ роцѣ п. наз. „Lovakgul“ (=О коняхъ), де говорить про плека-

ня коней и про конскі змаганя. Книгу переклали на німецький и данский языки, а в мадярскихъ друзьяхъ выкликала дуже велику полемику. 1832-го року заосновавъ часопись „Jelenkor“ (Сучасность) и выдавъ другу книжку п. наз. „Hitel“ (Кредитъ). В книжцѣ „Hunnia“ (Гуннія), яка появилась в 1858-омъ роцѣ, боронитъ права мадярского языка супроти германизаційной политики правительства Баха. Наконецъ в 1859-омъ роцѣ появляется послѣдня его праця на німецькомъ языкѣ „Eine Blick auf den anonimen Rückblick von einem Ungarn“, в котрой выступае проти похвалъ на бахову добу.

Графъ Стефанъ Сеченій бывъ великимъ державнымъ мужомъ. Если когось характеризують словомъ «державный мужъ», то характеризованный вповні муситъ его за-

служити. Сеченій его заслуживъ, бо онъ працювавъ не только про сучасность, але и про будущность своего народа. Правдивый державный мужъ будущность своей націи видить на пару десятковъ лѣтъ напередъ и працюе въ томъ напрямѣ. Сеченій

своею умкою державного мужа на одинъ поглядъ увидѣвъ и указавъ, что и якъ треба робити: обновили въ першой мѣрѣ одну націю а потомъ цѣлый народъ, чтобы на нихъ заложити народное господарство.

Н. Л-ачъ.

Др. Я. Стрипський:

Что значить слово синетарь?

Въ цѣнной книжѣ Якова Головацкаго «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси» (Москва 1867—1878), томъ III, ст. 244) читаеме сесь прекрасный романсъ:

Ой на горі синета,
Пасло дѣвча ягнята.
Накопало коріня
Зподъ білого каміня.
И ще корінь не скипівъ,
Уже милый пригримівъ.

— «Ой што тебе принесло,
Ци кочія, ци весло?»
— «Принюсъ мене сивый кунь,
Бо я теперъ, душко, твуй!»

Тамже, на ст. 240, есть и друга спѣванка, наведу изъ ней лише частинку:

Ей вувчарю синетарю
Покинь вувцѣ пасти!
— Не покину, бо зачину,
Навчивъ емъ ся красти.

Ей укравъ емъ два баранки
А третю ягницю,
А вже менѣ збудовали
Въ Сиготѣ темницю...

Обѣ спѣванки безперечно нашѣ, именно мараморошскѣ: разъ тому, бо записавъ ихъ Емилъ Талапковичъ, бѣлецкій парохъ въ 60-ыхъ рокахъ; другой разъ, бо упоминаются въ нихъ слова кочія и городъ Сиготъ; третий разъ, бо оба подчеркнутѣ слова — синета и синетарь — знанѣ лише въ Марамороши. Але что они значать? Ци то слова изъ одного корѣня, ци окремѣ? На сей вопросъ никто доси еще не давъ доброй отповѣди, хоть многѣ пробовали уже загадку розлушити. Всѣ толкованя выходили изъ слова «синий», але при томъ каждый толкъ выйшовъ на ише та ише, ажъ на чотыри значеня; сесе уже

само собою указуе на то, что ани одинъ не вгадавъ правду, бо правда може быти лишь одна.

И такъ, что до синеты, словарь Чопей об'ясняе его *szines himzö fonal, kékitő*, ажъ двома понятями: 1) барвистое волокно на вышивки або уставки, 2) синявка або синитка, матерія для синитя полотна. Митракъ каже якобы за Чопеємъ: *lep vagy szörből való kék fonal*, то есть синее волокно изъ лена або шерсти. Желеховського въ *Ruthenisch-deutsches Wörterbuch* догадуея уже инакше, бо толкуе синету яко «темный, изъ далеку синеватый лѣсъ». Я самъ знаю сесе слово изъ усть народа, але въ значеню обручки подъ окомъ. Прошу не мѣшати сего зъ словами синякъ або синецъ, бо се значить чтось ише: пляма отъ удару, а то хоть де на тѣлѣ, а окремъ того синякомъ называе народъ и певный камѣнь.

Что до синетаря, Чопей змагаея и сесе пояснити двома словами: *vászonfestő, kékfestő*, то есть майстеръ-барварь и матерія для синитя полотна; Митракъ его не знае, а Гринченко лишь цитуе изъ Головацкаго, але безъ ниякого поясненя. Се значить только, что на перший поглядъ оба слова якось сплѣтаются зъ барвою, зъ синьюстью, и толкуются такъ, что походятъ изъ одного тогоже корѣня — синьности.

Я на то не могу пристати, бо толкованя самѣ собѣ противляться, а се вже явный знакъ того, что они самовольнѣ, изъ пальця ссатѣ. Я толкую оба слова яко окремѣ, не залежнѣ, а выводжую ихъ изъ румунського языка, де найдеме успокоюющее поясненя, хоть тутъ ничъ они не мають

до чиненя зъ синію барвою, а то изъ слѣдующихъ причинъ.

Русины и румыны живутъ въ Марамороши непосредно коло себе, отже и языково вplyвають на себе обопольно; особливо такъ было се, коли власть унгарского владыки сягала и на Сукмаршину, Бестерце-Насодъ. Женилися межи собою, чога явнымъ знакомъ есть Гуцулщина наша и буковинска: чорнявость, бесѣда и полевѣ назвы Менчуль, Піетросъ, Кукуль и т. д., та и прозвиска Шорбанъ, Молдованъ, Молдавчукъ и т. д. Не безъ причины маеме только Волошиновъ, Волощуконъ, Бляховъ, Бляшиновъ. Изъ другой стороны и румыны русинизовалися, де въ меншости были, напр. въ Угочи, коло Мукачова, ба и въ Унгарщинѣ (Корытняны). Наведу интересный до сего докладъ изъ чисто руського села **Копашно** въ Марамороши; ораницѣ его называются и теперъ такъ, якъ ихъ давниенко прозвали першѣ осадники-румыны: Лазу маре, Регорестъ, Туртеллы, Алча міка, Плопетъ, Формоза, Косто маре и т. д. — всѣ румунскѣ!

Але русины уживають румунскѣ слова и въ каждоденной бесѣдѣ, а то не лишъ въ Марамороши, айбо и дальше, на Западъ въ Земплинщинѣ-Шаришинѣ, ба остались румунскѣ слѣды и на Словаччинѣ ажъ до Моравіѣ на обохъ склонахъ Карпаты, и въ Польщѣ. Всягды сюда занесли румыны-пастухи своѣ назвы на верхи Мунчель, Шесуль, Руптуль, Гропа. Русины—поляки—словаки—мораване однако уживають румунскѣ слова гелета, струнга, урда, жинтиця, бриндза и т. д. Занесенѣ сюда въ середнѣмъ вѣку майстрами молочарства-овчарства. Розумѣся, найсильнѣйшимъ есть сей вplyвъ въ Марамороши. Тутъ характерный для румунского языка звукъ, той глубокий *ы*, заподѣявъ и грамматичну змѣну въ языцѣ русиновъ, напр. въ формѣ «по рускы говорыты коло Сыгота».

Коли отже вшитко сесе розважимо, думаю, ани не треба дальшихъ доказовъ до того, абымъ подперъ свое твердженье: **слово синета есть изъ румунского корѣня**, лише народна етимологія маленько змѣнила его. Именно зѣлье, званное въ ботаницѣ *Hypericum*, по малярски *orbáncfű*, зове-

ся по румунски *sânetă*, колективно *sânetoare*, кириллицею переписано *сынета*, *сыне-тоаре*. *Saineanu L: Dictionar universal limbei române, 1908* та иншѣ словарѣ). Русины перебрали отъ сусѣдовъ, якъ и много иншихъ, также и сесе слово, але якъ то часто бывае зъ позычеными чужотами, приспособилося на ихъ устахъ до русчины такимъ способомъ, что чужое слово переробилося на розумнѣйшу для нихъ синету, приподобняючи собѣ незнаное слово до знаной имъ синьости. Не треба тутъ намъ глядати ниякого волокна синього, ба и барвистого, ани матерію до синеня полотна, бо сама сплѣванка наглядно розвязуе намъ загадку. Вѣдь тамъ выразно стоять, что на горѣ росте якась трава, звана синета; дѣвчина выкопала зподъ сей травы корѣня, а сихъ зварила въ окопѣ, бо готовила чары, абы ей побратимъ чимъ скорше становився отъ чаровной силы киплины до ней на полонину! Значить, слово синета не мае ничъ спольного изъ синьостью. Хибнѣ поясненя словаровъ треба поправити на траву *Hypericum*, котра не безъ причины дала назву и высокой полонинѣ въ Унгарщинѣ, званой **Синаторія**. И сесе походить отъ румуновъ, а не осамотена стоять тутъ она, бо въ околицѣ Синаторіѣ находиме цѣлый рядъ румунскихъ поименовань горъ и сѣлъ: Пекуй, Трункуль, Плай, Лукшоръ, Скерішора, Лекіцаръ. Сесе послѣдня назва мае свою пару въ Марамороши въ осадѣ Бовцара коло Колочавы: *bovis + цара =* для воловъ городина. Маеме оттуда и слово *царина =* загородженое поле, та и *царокъ =* загородженный отдѣлъ у хлѣвѣ для теляти, пацяты. Се вшитко явный слѣдъ румуновъ до руськой колонизациѣ.

А что буде зъ синетарѣмъ? Се вже дуже простое дѣло. И тутъ не треба намъ глядати ниякихъ майстровъ-барвяровъ, бо и сесе слово румунское: *sunător* кириллицею *суныторъ*. Кто знае по латински, заразы спознасть въ немъ латинского *сонатора*, то есть граючого на сопѣльцѣ або флуярѣ овчаря. Се й зовсѣмъ природно, что пастухъ пицалуе. Русины обыйшлися симъ словомъ акурать такъ, якъ изъ синитою, приспособили чужоту до своего языка та-

кожъ народною етимологією: изъ сонатора зробили собѣ синетаря ровно такъ, якъ малярска прощава изъ имени жида Berghoffer вытворила собѣ розумѣйшее слово Börkoffer. Выходить отже, что синета и синетарь походятъ изъ румунщины, и окреми два понятя, лише стягнули

ся на устахъ русиновъ на спольное копыто — синьости. Изъ словаровъ треба намъ вымазати усякѣ самовольнѣ майстры и волокна, але при томъ треба задержати руську «синету» яко окремое отъ нихъ слово въ розумѣню подочной обручки, бо сесе уже наше и поправдѣ синьость означае.

Константинъ Яроцкий:

„Звонъ, а не черепля“

Было то по свѣтовой войнѣ. На цѣломъ свѣтѣ была велика бѣда, але наибольша на Верховинѣ. Довго держало, поки люде выбралися изъ сей бѣды и окреми своего тѣлесного блага почали старатися такожъ о блага душевнѣ. Такъ было и на Верховинѣ.

Въ нашомъ селѣ С. подчасъ свѣтовой войны згорѣла деревляна церковь и люде ходили на службу ажъ до третьего села. Треба было збудовати нову церковь и просити нового священника, бо старого, послѣ того, якъ згорѣла церковь, перемѣстили. Межи селянами почалася збирка на будову новоѣ церкви. Писалися прошенія до урядовъ о субвенци и письма о помочъ до братовъ въ Америцѣ. Послѣ двохъ лѣтъ зобралася красна сумма грошей и збудовалася невелика мурована церковь. Высвятивъ еѣ самъ преосвященный зъ великимъ торжествомъ и запровадивъ нового священника. Церковь красенька, чистенька: образы всѣ въ срѣблѣ и золотѣ, стѣны помальованѣ. — все якъ въ раю. Лишь одна бѣда: не есть порядочного звона. Старѣ звоны зреквировали у войнѣ на каноны, а новѣ не было изъ чого купити, бо грошѣ треба было на церковь. И такъ послѣ посвяченя церкви, почалася нова збирка на звоны. Писалися прошеня и письма до братовъ до Америки, бо безъ звоновъ не можъ быти.

Черезъ якийсь часъ назбиралося около 10.000 коронъ. Зойшлася церковна рада и послѣ короткоѣ порады рѣшили выслати до Гейовець депутацію, чтобы купила звоны, въ особѣ священника, дяка и старосты. Депутація прибыла до Ужгороду, а

одты до Гейовець, але звоновъ не купила, бо на порядочнѣ звоны треба было больше грошей. Въ Ужгородѣ депутація зайшла до гостинницѣ пообѣдати а радилася, де бы можъ купити дешевше звоны. Коло сусѣдного стола сидѣвъ якийсь молодой панчукъ, подобный на жида, хотя познѣйше признався и божився, что онъ не жидъ, але чехъ. Выслушавши ихъ бесѣду, онъ подошовъ до стола, де сидѣла депутація и представився еѣ членамъ. Мѣшаючи чеськѣ и руськѣ слова, просивъ перебачити что безпокоить, але чувъ, что купують звонми и хотѣвъ бы имъ быти на помочъ. Его занята: купно-продавчий агентъ. Въ его селѣ на Морави якразъ продаеся 20.000 а тяжкий звонъ за 10.000 коронъ и онъ есть повѣренный его продажею. Депутаціи полюбилися его лестнѣ слова, а ще больше низька цѣна звону. Довго не роздумуючи всѣ члены згодилися на его планъ, хотя, якъ звичайно, напередъ начали токмитися. Послѣ довгоѣ кладки «панъ чехъ» згодився продати звонъ за 8.000 коронъ. Староста мавъ ѣхати попозирати звонъ, але «чехъ» божився, что звонъ добрый, что шкода грошей на подорожъ, бо якъ бы ся имъ не любивъ, можуть его вернути назадъ, бо має на него уже другого купця. Депутація згодилася. Дали «пану чехови» 3000 коронъ завдатку и выпили «алдомашъ». Приѣхавши до дому, депутація хвалилася на цѣлу околицю, який добрый торгъ удалося зробити.

Минули два тыжднѣ. На третий священникъ доставъ повѣдомления, что на станцію въ Волосянцѣ прибывъ для села звонъ. Староста скликавъ людеи, котрѣ

запрягли возы, приготовили колени и ланцухи и поѣхали у Волосянку. Зѣ ними поѣхавъ священникъ, учитель и два кураторы, бо всѣ дуже хотѣли видѣти новый звонъ. — Звонъ имъ дуже полюбился. — »Айбо файный звонъ исъте купили« — сказавъ одинъ селянинъ до старосты, кладучи руку на звонъ. — »Но еще не знати який буде мати голосъ« — сказавъ учитель. — »Та то не абы який звонъ! То видно доразъ позвонку, что мае мати добрый голосъ« — сказавъ староста и поцоркавъ по звонѣ кресаломъ. — Потомъ зѣ великимъ одушевленьемъ наложили звонъ на возъ, у котрый запрягли чотыри волы и повезли до С. Въ селѣ дѣти и старшѣ люде, а головно жоны лишили роботу и всѣ ишли позирати звонъ. Вышла и сама попадя, зѣ дѣтинкою на рукахъ. Звонъ помѣстили подъ церквою и зѣ напередъ навезенныхъ беревенъ начали будовати звонницу. Священникъ ще того самого дня одославъ прошеня до Владыки о позволеня высвятити звонъ, бо приближаеся праздникъ — »друга Свята Марья« — и при томъ случаю хотѣли бы его высвятити.

Передъ праздникомъ у селѣ кипѣла работа. Газдынѣ пекли и варили, газды прибирали хозяйство и замѣтали дворы и улицы, чтобы передъ Владыкою и гостями показатися порядочными людьми. Отъ епископа пришло позволеня святити звонъ, но самъ Преосвященный не могъ быти присутнымъ на празднику, на котрый его запросили, тому попросивъ священника изъ недалекого села, вуйка писателя сихъ строкъ, чтобы онъ посвятить звонъ.

Мой вуйко бывъ самъ ще молодымъ священникомъ въ селѣ: Верховина Быстра, але при своемъ отцѣ, такожъ священникомъ, научився всякой житейской мудрости и разумѣвса до всего. Подобно, якъ бѣда научила цигана густы, такъ само и мой вуйко попавши у такое село, де кромѣ одного skleпу и корчмы не было иншоѣ торговлѣ, анѣ майстернѣ, а до города было далеко, вуйко научився самъ робити перший разъ меншѣ предметы, потребнѣ у домовствѣ, потомъ зробивъ плоты, ворота, прессъ на малины и мангель на шатя. Познѣйше, коли купивъ конѣ, шивъ для нихъ

самъ ремѣня и зробивъ самъ возикъ и санки. Всѣ газды дивовалися его зручности и ходили до него учитися. Але мой вуйко бывъ не лишь добрый газда, але и добрый священникъ. Мавъ дуже красный голосъ и знавъ говорити краснѣ проповѣди. За то, якъ и задля того, что до всего разумѣвса и знавъ каждому порадити, селяне его дуже полюбили.

Вуйко радо принявъ на себе обовязокъ посвятити звонъ, бо и самъ хотѣвъ его уже видѣти. Въ день праздника Рождества Богородицѣ, котрый у насъ называютъ: »Друга Свята Марья«, поѣхали зѣ дякомъ на коняхъ до С., бо ѣздити по полонинахъ зѣ возомъ дуже тяжко. Жителѣ села С. завидѣвши издалека мого вуйка, начали звонити на его почестъ въ новый звонъ. Передъ церквою, помежи шатрами зѣ медовниками, зобралоса много народу изъ самого С. и сусѣдныхъ селѣ. С.-ский священникъ зѣ дякомъ и кураторами привитали моего вуйка. Они были цѣкавъ на его критику, якъ фаховця у всѣхъ дѣлахъ и тому повели его заразъ до звонницѣ, де легинѣ ще все звонили у звонъ, обвѣичанный вѣнцемъ изъ колоса, цвѣтами и вышиваными ручниками. Вуйко прислухався до звону и по его лицу было видно, что онъ не задоволенный его голосомъ. Священникъ первый перервавъ мовчания, звѣдуючи: »Но, что скажешъ до нашего звону?«

Вуйко покрутивъ головою, шию затыгъ у туловище, лице его продовжилося и сказавъ:

»Правду кажучи, звонъ дуже красный, але голосъ его менѣ не любиться«.

»Але де! Голосъ добрый, познѣйше буде ще лѣпший!« — вступився священникъ, а за нимъ и селяне.

»Воля ваша«, сказавъ вуйко »але кажу вамъ, что вы зѣ нимъ не довго будете звонити!«

Тымъ и закончили споръ, бо вуйко видѣвъ, что воодушевленныхъ людей тяжко пересвѣдчити. Однакъ ще разъ оглянувъ звонъ и подчасъ Службы Божоѣ роздумався надъ причиною его дивного звука. На одномъ мѣстѣ онъ запримѣтивъ якусь пляму и зѣ неѣ догадався, что звонъ на томъ мѣстѣ бывъ пукнутый, але не хо-

тѣвъ про се уже говорити. Послѣ Службы Божой, коли высвячовавъ звонъ, не выдержавъ и сказавъ: »Освящается и благословляется звонъ сей, аще еси звонъ, а не черепля, во имя Отца и Сына и Святаго Духа — Амѣнь«.

Селяне обидилися. Така ганьба на село! Ихъ звонъ назвали череплѣмъ! Подекотрѣ начали покашльовати, позираючи одинъ на другого. Иншѣ стиснули зубы и кулаки, иншѣ шептали чтьсь одинъ другому, а были и такѣ, котрѣ начали ламати колики изъ цвынтарного плоту. Увидѣвши се дякъ моего вуйка, котрый бывъ дуже боязливый, скочивъ у корчѣ, а одты черезъ полонины до дому. На щастя все скончилось безъ катастрофы, але праздничный настрой бывъ погубленный. Люде розходилися до домовъ якъ обпаренѣ. Самъ священникъ, котрый бывъ инакше дуже веселовъ

вдачѣ, теперь бывъ сумный. Вуйко, видячи яку бѣду наробишь, отказався отъ гостини, хотя священникъ его задержовавъ; поѣхавъ до дому, для большоѣ безопасности въ супроводѣ священниковаго слуги.

Отъ того часу жителѣ села С. стали ненавидѣти мого вуйка и де лишъ завидѣли, оминали его и не кланялися ему. Черезъ священника и жителѣ обохъ сель стали между собою ворогами. — Такъ минула зима. На слѣдующий рокъ, весною, вуйко стрѣтився зъ жителями села С. въ великомъ Березномъ на ярмарку. Та якъ бывъ здивованный, коли они ему поклонилися: »Слава Исусу Христу!«

»Слава на вѣки Богу!« — сказавъ вуйко. — »Та уже не гнѣвається на мене?«

»Ой нѣтъ пане, бо они правду мали! Звонъ пукнувъ а за агентомъ, котрый намъ его продавъ, и слѣдъ застывъ«.

Сигма:

Матеріальна культура гуцуловъ

(Конецъ.)

6. Сило. Силомъ ловлять медведя. На самъ передъ довго слѣдкують за медведемъ и такъ постанавлять дорогу медведя, куды онъ звикъ ходити. До земли, по обохъ бокахъ дороги, куды медвѣдь ходитъ, закопляютъ глубоко въ двѣ противоположнѣ ямы сильнѣ стовпы зъ бервень. Сесѣ два стовпы, въ долини на перехрестѣ задовбанѣ и мощно присиленѣ поперечными штинглями. Надъ землею, между двома стовпами зроблять журавля споднього и верхнього (вышнього), котрѣ выповнять желѣзными зубками. Одинъ конецъ журавля обтерхають вагами (камѣнями). Верхний журавель подопруть драицями. На конецъ верхнього журавля, котрый стырчить идъ горѣ, привяжутъ живе ярча (ягня), котрое своимъ бляеньемъ скоро прикличе медведя. Медвѣдь надойде, головою сягае между двома отворами журавля за баранчикомъ, при чомъ выбивае драицю и присоронюеся. Зачинаеся концертъ ревѣння медведя; торгае собою, та сильнѣ бервена не попускають; ревериче и тымъ

дае знати ловцямъ, что звычайно не суть далеко. Тотѣ прибѣгають и добивають медведя.

7. Самострѣль (на вепря). Самострѣломъ ловлять кабана-дикуна. Самострѣль зготовляють такимъ оригинальнымъ способомъ: На самъ передъ и туй выслѣдяться, куды ходитъ кабанъ, то есть точно постановиться его каждоденна звычайна дорога. Тутъ выгладають отъ себе двѣ на 6—10 метровъ отдаленѣ дерева — смереки. Обѣ сесѣ смереки розколють. До розколу одного зъ деревъ вложить набиту пушку — рушницю. До когутика рушниці привяжутъ сильну шпаргу и перетягнуть еѣ у отповѣдной высотѣ черезъ дорогу, котрою тягне веперь. На другомъ — противномъ боцѣ присилеме шпаргу до розколу другого дерева. Веперь переходитъ своею звычайною дорогою, замотаеся въ шпаргу, шпарга натягне когутикъ рушниці, пушка выстрѣлитъ и просто въ дикуна, котрого рано чоловѣкъ, что поставивъ самострѣль, знаходить на мѣстѣ забитого.

Есть се цѣлкомъ примитивный способъ ловленя, при якомъ однако уживаеся и здобутки техники — пушку. Однако люде залюбки уживають сей способъ, особливо такѣ равбшицеры — аматоры, котрѣ не радо люблять довго высиджувати, або котрѣ не радо стрѣчаються очи въ очи изъ самымъ гайникомъ, властителемъ ци тамъ доглядачомъ ревіру.

Та дикунъ найчастѣйше ловиться хитрощами ловця. Кабанъ звичайно лежить у жлацѣ — ямѣ. Коли его что сполошае, тѣкае на шпѣнь (грудникъ), бо одтамъ мае найкрасшого розгляду. Ловцѣ на кабана ходять звичайно у двое — навѣтъ дикѣ ловцѣ. Одинъ зъ нихъ сховавшись на груннику въ корчахъ вартуе кабана, а другий зъ противной стороны иде до млаки полонити дикуна. Дикунъ сполошенный выбѣгае зъ леговища на груникъ, чтобы розглянутися, при чомъ другий ловець бере его на мушку въ цѣль... и выстрѣлюе.

8. Сило (на куницѣ). Межи двома-трыма деревами — смереками поставиться на поперекъ жердина. Другу коротшу жердину, котра мае сягати до половини першой припевини до одного зъ деревъ, а другий конецъ подопреме третою жердкою, котра стоить на земли. Друга жердка, межи деревомъ и третою жердиною подперта драицями, такъ званою ключкою. На ней спочивае легонько камѣнчиками приперта дощечка. Межи дошкою и ключкою наложиме мало поपालеной солонины, котра присилена камѣнчиками. Куницю запахъ поपालеной солонины привабить, она лапкою або головкою запахеся въ ключку; драиця упаде, верхня жердина присоронить куницю, котру ловець або ще живою, або уже здохлою найде въ силѣ.

9. Самострѣль (на птахи). Выслѣдиться мѣсто, куды звичайно тягне орябка и инше благородне птацтво. Зробиться такой самый самострѣль, якъ на кабана зъ тою лише розницею, что вытягнесь большѣ рядовъ шпарги, а въ концахъ шпарги, не звичайна порохова ци рушниця зъ кулею, але звичайна деревляна стрѣла, на тонко заострена, котра коли птахъ замотаеся до шпарги, выстрѣлюе и забивае его.

10. Сило (на сою). Широку дошку повертима на многихъ мѣстахъ, а въ дошки понасиламе, все наохрестъ, конськой шерсти, роблячи зъ неѣ такимъ способомъ ключки. На дошку насыпаеме много дробной тенгерицѣ. Соя надойде, зачне ѣстидзѣобати тенгерицю, при чомъ заплутаеся до конской шерсти, ключки одна за другою стягнуться и зловяють сою. Такимъ способомъ ловяють такожъ косы и дрозды.

11. Яма (на вовки). Выкопается глубока яма и обгородиться плотомъ. Черезъ отворъ ямы поставиться попережно бервено, на котрое примонтуеся гойдаючѣся на бѣгунѣ (оси) дверѣ. До споду ямы положиться ярча (ягня), котрое своимъ блеяньемъ привабить вовка. Вовкъ надбѣжитъ, скочить на одно крыло гойдаючихся дверей, зважить того и зразу паде до ямы, зъ якою уже лише ловець его выбере — та добитымъ.

12. Сило (на вовки). Изъ кѣля зробиться два вузкѣ круги. На виѣшномъ крузѣ зробляться дверѣ, котрѣ запираються лише до внутра. До зовнѣ не отворяються. Въ серединѣ внутрѣшного круга положиться ярча (ягня), котрое постоянно блее. Вовкъ приде до круга, крутиться-вертиться, ажъ найде дверѣ, котрѣ отворяються до внутрѣ. Зайде ними до узкого круга, обернутися не може, зато бѣжитъ докола. При томъ запирае дверѣ и ловиться въ кругу. Люде приходять и добивають его.

**Замовляйте и купуйте
выдана Подк. Общ. Наукъ:**

Др. И. Гарайда: Грамматика руського
явья.

А. Маркушъ: Ирину васватали (оповѣд.).

И. Мураній: Оповѣдана и байки.

Ф. Пасѣчникъ: На бѣлыхъ скалахъ.

„Литературна Недѣля“ выходить каждого другого
тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передилата:
на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакция и
администрация: Унгарь Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества
Наукъ въ Унгарѣ.
Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság
nyomdájában Ungvárott. 1941.—101.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДЪЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 11.

Зъ дня 12. октобра 1941.

Р. 1.

ТРОЯКОЕ ЗЪЛЯ

На тумъ боцѣ, при потоцѣ
Камѣнь муку меле,
Зазвѣдався легинь дѣвку:
„Ци прийдешъ за мене“?

— „Треба бы ти, легинику
Трое зѣля мати,
Вбы хотѣли нянько й мамка
Мене за тя дати“.

Ой сѣвъ собѣ на коника,
Та пушовъ горами,
Та найшовъ унѣ трое зѣля
Межи берегами.

Ой найшовъ унѣ трое зѣля,
Тай зачавъ копати,
Прилетѣла ластовочка,
Яла му казати:

„На што тобѣ легинику
Троякое зѣля?
Тебе дѣвка счаловала,
Бо въ дѣвки весѣля!“

Ой сѣвъ собѣ на коника,
Тай пушовъ до дому,
Та не казавъ ни словечко,
Ни мамцѣ, никому.

Та най иде, цимборику,
Въ сыру землю гнити,
Абы знала бѣла дѣвка,
Якъ то двоухъ любити!!!“

Силують го медокъ ѣсти,
Паленочку пити,
А вунъ бы йшовъ до милоѣ
Мало говорити.

Ой пушовъ унѣ до милоѣ,
Та ставъ межи двѣрки,
Силують го чеснѣ люде:
„Пий, хлопче, горѣвки!“

„Дякую вамъ, чеснѣ люде,
За вашу горѣвку,
Бо я прийшовъ говориши
Два, три слова зѣ дѣвковъ“.

Ой выйшла его дѣвчина,
Яла му казати:
— „На што стоишь, не говоришь,
Што не йдешъ играти?“

А вунъ винявъ сабеленьку,
Та лишъ замахнувся...
А косиця долу зѣ плечей
И вѣнокъ минувся.

„Та не буде, цѣмборику,
Ни тобѣ ни менѣ,
Та най иде она гнити
До сирѣвъ землѣ!“

Записавъ въ Хустѣ: Н. Кухаревъ.

Якъ збирати и упорядковати народнѣ пѣснѣ?

Изъ властнаго досвѣду знаю, что многѣ у насъ збирають народнѣ пѣснѣ. Декотрѣ изъ моихъ словарныхъ сповпрацьовниковъ прислали менѣ попри словныхъ матеріаловъ также и спѣванки; иншѣ зась звѣдалися отъ мене о способахъ ихъ збирания и упорядкованія. Сесѣ стараня нашихъ молодыхъ труженниковъ на литературномъ полю я цѣню дуже высоко, бо вижу въ нихъ здорову протиакцію проти нездорового учинкованія декотрыхъ заблудѣлыхъ «общероссовъ», котрѣ насилчну силу хотѣли бы намъ навязати чужий для Подкарпатя маскальскій языкъ. Въ такомъ положенію есть зовсѣмъ природнымъ, что протиакція хапаєся природной зброѣ: народнаго языка. То есть языка большости народа. Айно, того народа, котрый теперъ уже другой разъ примушенный боротися зъ меньшостью, числячою пару сто головъ заблудѣлыхъ молодцовъ, хотя сєся меньшость и сама добре знає, что нездорова ихъ течія разъ уже бухнула у насъ по 40 лѣтнѣмъ нидѣню отъ 1850 до 1890 роковъ, та и другой разъ бухнути мусить.

Есть то безперечно добрымъ способомъ боротьбы удаватися о помочъ до вытворовъ народной поезіѣ, бо въ ней указуєся найчистѣйше правдивый духъ народа, отже и выбрусеный многими поколѣнями поетичный — литературный языкъ тогожъ народа. Есть бо онъ единою здоровою основою славянскихъ литературъ, якъ сєсе доказують приклады сербовъ, словинцѣвъ, словаковъ, болгаровъ, ба и самыхъ маскальовъ, сюда зачисляючи и румуновъ. О заграничныхъ русинахъ уже и не говорю. Литература всягда на свѣтѣ почивалася народною поезією, бо писана доба сама собою еще не литература. Такто и мы маємо свою устну литературу уже отъ давна!

Простый народъ — отже большость народа — бывъ держителемъ и самого народа черезъ тысячь роковъ, отже и удержуючимъ чинникомъ народнаго языка. Безъ нашихъ селянъ по руськи ани говорити бысьме не знали, ани литературы своей бы-

сьме не мали. Основою нашего литературнаго языка есть отже отъ 17. столѣтія — зъ перервами — ажъ до днесъ той языкъ, котрымъ говорить велика большость русиновъ угорскихъ: языкъ мужика. Инший ани не може быти, а де тому закону противилося, горенько побановалося. Передъ 17-ымъ столѣтьемъ, что и писалося, для насъ пропало, прото и зачинаємо исторію письменной литературы звычайно отъ 17. столѣтія.

Смутный прикладъ недодержаня сєго закона видиме не лишъ у насъ. Туй покликуєся лише на двѣ литературы, намъ географично дуже близькѣ, на сербску и малярску. Сербы довго-довго писали т. зв. славено-русскимъ языкомъ, мѣшаниною, котру кромѣ пановъ никто въ Сербіи не розумѣвъ. Была се поправдѣ панска литература. Тому и такъ довго мучилася, нидѣла и не могла розвиватися, доки не прийшовъ Вукъ Караджичъ. Сей ученый запровадивъ до книжокъ языкъ мужика и что ся стало? Сербска культура отъ 1818. року почала нагло рости и высоко розрослася! Дуже интересно, ожъ другой голузь сєго языка, хорватскій, не бывъ въ культурной спольности зъ сербами, прото сей здоровый, бо природный, ходъ розвитку, указався у хорватской литературѣ о много скорше, бо початки его сягають ажъ до 16-го столѣтія!

Але чось такого видиме и въ малярской литературѣ. Дарьмо понаписали предки 16-го столѣтія чудово красною малярщиною своѣ кодексы, дарьмо усталила и выбрусила мужицький языкъ доба Пазманя въ 17. столѣтїю — нѣтъ, сєсе вшитко было не до смаку литераторамъ 18. столѣтія; имъ забাগлося окремого, панскаго языка, бо Пазманьова рѣчь здавалася имъ языкомъ гуняниковъ. Зачали ганпати за границу и пересадили собѣ нѣмецкій языкъ малярскими словами. Але еще якими словами! Доба Барцафалвія и Казинція не хотѣла на паперѣ положити вонячое слово *csizma*, та писала *stifli*; вино пила

изъ glázi, а коли зойшлися дамы на Fauze та тамъ buterbrod хрупкали. Сесѣ заблудѣль письменники позапаскудили малярский литературный языкъ на тысячки германизмами въ словахъ, зворотахъ и синтаксѣ, а утворили таку блѣду, неприродну литературу, что потомки и теперъ ганьбляться за ню. Довго тревала сеся доба, бо еще и въ 19. столѣтїю найшовся оборонецъ сей панской забавы въ особѣ Толдія Ференца. Сей панъ прилюдно, въ Академіи Наукъ, проголосивъ, что «языкъ малярского мужика смердитъ цибулею и баговомъ. треба выступити проти него въ имени чистоты и красоты литературы». Та всетаки прийшовъ конецъ и сему панскому языку, бо на щастье настала здорова реакція добы Чоконая, Петефія и Араня, котрѣ привернулися до здорового, каждому малярюви зрозумѣлого языка кодексовъ и Пазманя и зачали писати тымъ погордженымъ мужицькимъ языкомъ. Отъ тогды зачала рости малярска литература, а росте высоко!

Такто мусить быти, хотя въ меньшихъ розмѣрахъ, также и у насъ!

Видите, такъ треба учитися изъ прикладу другихъ народовъ.

Але учитися маеме отъ нихъ и оглядомъ збирания скарбовъ народной поезіи, котра и для насъ буде учителькою. Въ томъ дѣлѣ маеме руководитися трѣма засадами: 1. выборомъ матеріалу, 2. вѣрностью записанія, 3. систематикою упорядкованія.

Что до першой засады, треба vybrати, ба перебирати въ скарбахъ. Не всѣ спѣванки годяться до того, абысьме ихъ друковали. Бо что надрукуеме, тото мусить служити не лишь одной забавѣ, але такожъ мае учити читача на поетичный тонъ, на правила поетичныхъ талантовъ межи молодыми, але они не оріентуются. Я зновъ сильно пересвѣдченый, что народна поезія научити ихъ, якъ треба стихи писати. Збирати треба отже лишь такъ пѣснѣ, котрѣ представляютъ высокую эстетичну стоимость. Всякѣ корчемнѣ галалайки най лишь остають и надале въ корчмѣ.

Записати маеме вѣрно, безъ выкривленія и змѣны тексту. Не забывайме, что и нашъ языкъ есть литературнымъ. Не можъ его поставити въ протиположенье до «ли-

тературного» русскаво языка (якъ то доси хибно говориться!), отже не свободно слова руськой народной поезіи и взагалѣ бесѣды натягати на копыто того другого, русскаво языка, также литературного. Словаки не выкривляютъ своихъ пѣсень на копыто родственного языка чешского, але у насъ робити сего не ганьбляться люде и теперъ. Въ зборнику Врabelя (Мараморошскѣ спѣванки, 1900) сотками читаю сякѣ неможливости:

Хлопцѣ мои та молоды

Вставайте швытко скорѣ.

Въ дѣйствости звучитъ се на устахъ народа сякъ: Хлопцѣ моѣ та молоді, Уставайте швытко скорі; але Врabelь «поправивъ» мужицький языкъ «по литературному» а вышло изъ того ось что: 1) попсовався римъ: молоды — скорі, 2) показився ритмъ, бо въ другомъ рядку вылишилася одна силаба: уставайте, 3) записавъ слово «швытко» фонетично, хотя старався писати «по литературному».

Въ К. Голосѣ р. 1940. печаталося (зъ похвальнымъ инакъ намѣромъ) въ народной пѣснѣ отсесе: «Приходи ко мнѣ съ тремя брычками... Въ другой брычкѣ перепелицы». Записовачъ и тутъ поправивъ слова на свой смакъ и запропастилъ миловзвучный внутрѣшний римъ: Въ другой брычкѣ — перепелицы! А до того изъ брычки зробивъ брычку.

Тамже читаю въ народной балладѣ, ожъ «Легінь Хаю бросилъ до Дунаю, а на другомъ мѣстѣ: «Лучше тьебѣе въ землье спаты, чьемъ барщину зароботати». Тутъ общеруситель показивъ не лише ритмъ (почислѣть лишь силабы въ другой половинѣ!), але заразомъ закрадае до насъ абсолютно незнаиѣ чужѣ слова. Выкрученіями тексту дае видъ тому, якобы нашъ русинъ не верже, але бросить; не каже панщину, але барщину. Незадовго буде мати русинъ въ своѣхъ спѣванкахъ и барышиѣ и сударинѣ та всякѣ квѣтки изъ чужого поля на подобу тыхъ, что ихъ уже для него «паны» пересадили.

Нѣ, панове! народнѣ пѣснѣ такъ записати, се не лишь компромѣтованье русскаво языка, але попросту фалсификація нашой руськой рѣчи!

(Продовженія слѣдуе.)

ВДАРЬМЕ ВЪ СТРУНЫ!

Вдарю въ струны, чтобъ звонили
Звонко всяды, на весь свѣтъ,
И понесли правымъ душамъ,
Мой найщирѣйшій привѣтъ.

Вдарьме въ струны, уже разомъ,
Чтобъ золляли гуртъ пѣсень,
Чтобы въ мрацѣ, о повночи,
Блиснувъ найяснѣйшій день.

Вдарьме въ струны наймилѣйшѣ,
Чшобъ заграли для всѣхъ насъ,
И принесли всѣмъ намъ щастя,
Всѣмъ наймилѣйшій весь часъ!

Ф. Потушнякъ:

ГАДЪ

въ народномъ вѣрованію

Почитаня змій (офилатрія) было загально и розширено на цѣлу земну кулю — почасти якъ божество, почасти якъ фетишь. Бо являеся она чимсь грознымъ, могучимъ черезъ способность принести смерть, а своимъ поведеньемъ и формою тѣла есть она до крайности загадочна а тымъ вызываюча ужась и почитаня.¹⁾ Такожъ въ митології стала змія образомъ божества. передовсѣмъ божествъ лѣчивыхъ (Асклепіусъ, Гермесъ якъ ихъ знакъ), божествъ огня и воды, боговъ домашнѣго огнища и п. Останки колишнѣго почитаня.

Такожъ его останки задержалися до днесъ въ фолклорѣ якъ интензивный слѣдъ давного культурного періоду, якъ явище вызваное передовсѣмъ психичнымъ и интеллектуальнымъ розположеньемъ примитивной людини. Звѣрь для примитивной менталиты зъ чоловѣкомъ — одно.

Змія въ народномъ вѣрованію се не звычайна звѣрина, але чось загадочного, належаца до свѣта таемного, чоловѣку ворожого, повъ демоничного, повъ реального. Образъ звѣринный се лише маска, лише оболоня того загадочного, что подъ нимъ скрываеся. Тутъ бересея подъ увагу суть, значеня... Все природное, смысловое подчиняеся реальному, акція заступае форму, тѣло се неначе тѣнь, все находится въ

станѣ стальныхъ флуидичныхъ перемѣнъ и т. д.¹⁾

Ясный примѣръ того анимизму — переносно кажучи — находиме до днесъ въ сказкахъ.

Въ нашихъ нар. сказкахъ гадъ часто выступае якъ звычайный гадъ або якъ великъ-змій. Десь жие могучий змій «шаркань», Змій-Веремій, зъ сѣмома головами, котрый воду не дае, дѣтокъ пожирае, держить царевну въ неволѣ и п.²⁾ Зъ нимъ воюе св. Юрій.³⁾ Або заклятый змій держить царевну въ себе и прилѣтае до ней. Може прилѣтати и пожирати людей. Принцъ або принцезна можуть проживати подъ впливомъ чаровъ въ кожѣ змія. Гадъ хлопцеві, який его освободивъ, дае великое богатство, завѣвши его въ свою печеру.⁴⁾ За заслуги може проказати рознѣ службы и т. д. Але мимо того она неприятель и чось не належащее до свѣту чоловѣка (зъ етичной стороны).⁵⁾ Така сама представа, въ основѣ, якъ и въ сказкахъ есть о гадахъ и въ народныхъ нашихъ вѣрованяхъ.

Гады жиють звычайно на поляхъ, въ лѣсахъ и тягаются «по земли», бо имъ

¹⁾ Пор. К. Th. Preus: Das Irrationale in der Magie Z. f. Ethn. 1939. s. 272—286.

²⁾ Пор. Казку про св. Юрія и Змія-Веремія.
³⁾ св. Юрій и Змій Шаркань: (апокрифъ) С. Теловецького.

⁴⁾ «Кавка про змійку въ зол. коронѣ».

⁵⁾ Пор. Ф. П.: Демоны III. Русс. Слово 1940. Межи чортомъ и гадамъ есть узка зависимость.

¹⁾ Пор. Lubboch The origin of civilisation; В. Клинггеръ: Животное въ античн. и соврем. суевѣрїяхъ. Богдановъ: Древн. и совр. спос. погреб. животныхъ... Етногр. Обзор. XXVIII. ст. 86.

такъ сужено. Але ихъ жита тамъ таемни-
 чое и загадочное. »Кто знае, якъ тамъ
 есть и что они тамъ роблять. Чоловѣкъ то
 видѣти не може«. Всякий гадъ мае »жалое«,
 котрымъ, вжаливши когось, приноситъ ему
 смерть, хоть ему се не все дозволено ро-
 бити. Вкусити ему дозволено такого, на
 якого есть допустить Божий. Но онъ по сво-
 ей злобѣ вкрадуѣ и самъ то зробитъ. За
 кару онъ муситъ по Здвигахъ остати надъ
 землею. Иде на чоловѣка, чтобы его уби-
 ти. »Якъ бы они могли поступати по своей
 волѣ, то погубили бы и свѣтъ«. Тому они
 мають и своего розказу »того, что гадамъ
 розказуе«. Онъ дводушникъ. Передъ
 тымъ, якъ перебере свой урядъ отъ своего
 попередника, всѣ гады мають перелѣзти
 черезъ его тѣло. А потомъ всѣ слушають
 его розказовъ. На его приказъ выбираютъ
 жала зъ ранъ (коли онъ дознаеся), з'явля-
 ються на его свистъ и п.¹⁾ Всякий гадъ на
 благовѣщеня або на »живый четверг« вы-
 ходитъ изъ землѣ²⁾ и мае право жита на
 свѣтѣ ажъ до Здвига або Иля. На Иля
 залѣзають въ землю. Котрый не додер-
 житъ часъ, за кару мае загинути. Гады
 каждой яри збираються въ большому числѣ
 на якоесь отаглаго мѣсто середъ лѣ-
 са, середъ поляны и т. д. Выбирають собѣ
 старшого и дують для него камѣнь, якимъ
 онъ собѣ свѣтитъ (пацворки). »Збере ся
 ихъ дуже много, складуть головы до гро-
 мады и дують тотъ камѣнь«. Тогда они
 дуже залѣ и небезпечнѣ. По другимъ оповѣ-
 данямъ камѣнцѣ тѣ можъ имъ отобрати.
 Коли они его дують, то вытворюеся до-
 вкола ихъ жаловиня тонка пѣна въ формѣ
 колесця. Коли они его лишать, або ихъ
 розогнати, а его отобрати, то оно самое
 ствердие все больше и больше малѣючи и
 образуеся зъ него плесковатый круглый
 камѣнець зъ ямкою по серединѣ, де жала
 были. Бывають звычайно двоякѣ: одинъ
 менший зеленявой, синявой барвы, або си-
 нявый зъ бѣлыми прутиками. Другий та-
 кой самой формы, лишъ больший, чорный
 и бурый. Коли ихъ знайти оба два — звы-
 чайно на розныхъ мѣстахъ — хоть ихъ

можуть гадъ разомъ оба два дути: двѣ
 купки коло себе звязати шовковымъ шнур-
 комъ, то можна ихъ ужити до магичного
 акту якъ талисманъ, головни до обчираня
 проти »рожѣ« и опухленинъ. Долучають
 до нихъ ще и свадебнѣ перстенѣ паристѣ
 (по парахъ, что померли). Обчираеся ни-
 ми передъ сходомъ сонця, коли субъектъ
 магичного чину ще низскимъ не стрѣчав-
 ся и не проговоривъ слово. Суть то звы-
 чайно лише жоны. Она бере камѣнцѣ въ
 руки, плае тричѣ на рану и три разъ об-
 чирае еѣ промовляючи: »Такъ бы ся ро-
 зойшло, якъ тѣ, что сей камѣнь дули«. От-
 же певный родъ каддуцей.³⁾

Взагалѣ гадъ мае лѣвичу силу — напр.
 сало зъ гада служить лѣкомъ проти само-
 го укушеня гада и проти другихъ опухле-
 нинъ якъ у чоловѣка, такъ у звѣрѣвъ. Та-
 кожъ для другихъ лѣкованъ уживають
 его. Гадъ есть одночасно великимъ магич-
 нымъ посередникомъ. Голова змиѣ отру-
 бана и закопана изъ зубкомъ або головкою
 чеснока, пѣря такъ изъ неѣ выросшее по-
 ложити за шапку, дае можность видѣти
 выходячѣ зъ церкви босорканѣ.⁴⁾ Палич-
 кою, якою розгнато было борючѣся два
 гады або оборонено жабу, можна потомъ
 розогнати бурю або любовниковъ. Такожъ
 до суду можъ изъ нимъ ити. Розганяе пра-
 вотячихся, имитация.⁵⁾ Такожъ кость изъ
 тѣла змиѣ мае надприроднѣ прикметы: ко-
 ли она достанеся до людского тѣла, то не
 стоитъ, но вертится дале. Спричиняе тяж-
 кѣ болѣ и такъ довго вертится, доки не
 провертитъ наскрозъ, по чемъ звычайно
 людина помирае. Но еѣ можно такожъ за-
 клясти и она перестане дале вертѣтисъ въ
 тѣлѣ, але обернеся назадъ (якъ и »во-
 лось«). Тому селяне тѣло забитого гада
 старанно мечуть въ густый корчъ, бо то и
 худобинѣ може пошкодити або на недо-

¹⁾ Гадъ загально есть споеный зъ лѣвичи-
 ствомъ (каддуцей). Стрѣчаеся его на вавѣ Гудея,
 на палицѣ Зога Нингшвида, палица Акслейя,
 б. Гермесъ вынахъ каддуцей. Есть згадка о кадд.
 у Мойсея. Знанѣ были ще въ XV. вѣку »жѣнѣ
 луны« проти хворотъ (на одной сторонѣ образъ
 святого на другомъ амія).

²⁾ Пор. Н. Р. К. р. 1932. Тутъ сключаються
 два магичнѣ посередникъ: чеснокъ и змиѣнѣ уста
 (вер. лубъ-псало)

³⁾ Мотивъ загально поширений (пор. Kaindl:
 Zaub. bei den Nuz. и др.).

¹⁾ Гл. Ф. Потушнякъ: Душа зв. в. Н. зб.
 1937/38, ст. 33—44.

²⁾ початокъ весны.

ступное мѣсто або ховають. Худобина спаша »лѣнь« (лѣношѣ) зъ гада, похворѣе. проти чого лише чародѣй («тотъ, что гадамъ розказуе»), знае помочи. Таку гадину онъ покарае, начто метала своѣ лѣношѣ на неотповѣдное мѣсто. Переходъ гада есть нещасливимъ. Снити гада означае злого чоловѣка, ворога и п. По другимъ

зновъ снити гада означае снити грошѣ. (Что гадъ зъ одной стороны означае щастя, насвѣдчуе уже екзистенція предствы о газдовникови и гадъ приносячий богатство въ сказкахъ.) Въ фантазиі народной есть дасколько гадовъ, тогды коли реальныхъ загально знаеся зовсѣмъ мало.

(Продовженя слѣдуе.)

1914.

14-го года сталася неволя,
Вбила царя Фердинанта
Сербiянска зброя.
Вбила царя Фердинанта
Тай его царицю
Стало войско въ Мадярщинѣ
По саму границу.
Стало войско въ Мадярщинѣ,
Бубны забубнили,
Нищасливѣ сербiяне
А шо наробили.
Нищасливѣ сербiяне
А шо наробили,
Нащо царя Фердинанта
Въ Сараевѣ вбили?
Та въ пятницу выбубнили,
Въ субботу читали,
А въ недѣлю на ту войну
Видмашировали.
Але котра ни газдиня,
А вна заплакала,
Якъ свѣвъ газда у машину,
А вна заспѣвала.
Якъ свѣвъ газда у машину,
А вна заспѣвала:
Слава Богу Небесному
Шо го бѣда взяла.
Але котра бо газдиня
Выправила газду,
Та вна знала, шо безъ него
Не буде горазду.
Плачуть мамы за сынами,
Жоны за мужами,
А дѣвчата молоденькѣ
За легиниками.

Подавъ: Дудчукъ Раховскій, Рахово.

КОЛЫСКОВА.

Дѣти моѣ, дѣти
Якъ у полю цвѣты,
Обкладуся вами
Якъ ружа цвѣтами.

Дѣти моѣ, дѣти
Дробнѣ, якъ полова,
То я межи вами
Нигда не здорова.

Изъ села Ракова подавъ: Туряникъ.

СПѢВАНОЧКИ МОѢ...

Спѣваночки моѣ
Де я васъ подѣю,
На цвѣткѣ недѣлькѣ
По горахъ розсѣю.

Спѣвайте дѣвочки,
Спѣвайте весело,
Бы ся веселило
Турянское село.

Изъ села Ракова подавъ: Туряникъ.

Полева блощица

(Байка.)

„Что ты, блощицѣ, такъ смердишь, что онъ обомлѣваю“ — сказала рожа, якъ полева блощица непевно лѣтаючи шлепнула собою на одинъ изъ листовъ рожѣ.

Блощица поправила на собѣ крыла, маленько подумала, потомъ отповѣла: „Видишь, мила рожо, дѣло стоитъ сякъ. Ты обороняешься бодаками, мухи и мотылѣ умѣють быстро лѣтати, пчолы тай чмѣлѣ мають жало, муравлѣ кусала. Каждый

чимъ обороняется. А менѣ чимъ обороняться? Бодаковъ нѣтъ у мене, лѣтаю нешиковно, жала, кусала не маю. Такъ я смерджу. Мой смрадъ есть моя оборона и кажу ти, что онъ лѣпше обороняетъ мене, якъ тебе твоѣ бодаки. Твоѣ бодаки можъ зломити, а мой смрадъ ничимъ на семь свѣтѣ не переможешъ. И хоть каждый мерзится мене, але зато живу безопасно“.

И. Б.

М. Дроздъ:

ВСТАВАЙ НАРОДЕ!

Горѣ, горѣ, вставай народе,
Встрѣчай священнѣ днѣ.
Тобѣ, тобѣ, тобѣ народе,
Горять генъ, тамъ огнѣ.

Спѣши, спѣши, спѣши народе,
Свое своимъ возьми
И сонця, сонця мой народе,
Руками досягни.

Горѣ, горѣ вставай народе,
Встрѣчай священнѣ днѣ.
Тобѣ, тобѣ, тобѣ народе,
Горять генъ тамъ огнѣ.

Н О В Ъ К Н И Ж К И

Александръ Маркушъ: «Ирину засватали...» и иншѣ оповѣданя. Народна библиотека ч. 1. Другое розширенное выданя Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгдаѣ.

✓ Что «Ирину засватали» за короткий часть выдано другимъ накладомъ, сей самъ фактъ много говоритъ про Маркушовѣ оповѣданя. Есть се книжочка, яку не выпускается зъ рукъ, доки еѣ чоловікъ не перечитае и жалуе, чомъ она не грубша. Бо такими легкими мазками схоплювати акціѣ и класти на папѣрь, се характерное для Маркуша.

Але намъ хотѣлося бы близше заняться самою особою Маркуша. Не якъ чоловіка, а якъ письменника. Бо отъ «Вымѣряли землю» до «Ирину засватали» прошло больше, якъ пятнадцать роковъ. И каждый чекае, коли по оповѣданяхъ появиться Маркушова повѣсть. Маркушъ знае душу нашего народа, Маркушъ мавъ случай зобрати добрый матеріалъ для широкой повѣсти. Але такъ не сталося.

Якъ поровняеме першу книжку и сесю послѣдну, каждый мусить сказати, что Маркушъ, якъ письменникъ, стоитъ майже на тому самому мѣстѣ. Читаючи его оповѣданя, чоловікъ отчувае, якъ «легко» они ему «пришли». Безъ жадныхъ литературныхъ «комплікацій». А намъ хотѣлося бы, чтобы Маркушъ разомъ зъ своими книжками «росъ».

Въ оповѣданяхъ не отчуваеся непосредности его до оповѣданя, до героевъ своихъ. Въ найлѣпшомъ случаи авторъ обсерваторъ, сторонний обсерваторъ. Не вливає въ своихъ героевъ жита, ци лѣпше кажучи не жие ними, лише схоплюе ходъ подѣѣй. На герояхъ просто видно, якъ ними авторъ граеся, заставляе ихъ робити то, ци иншое. Особливо то видно въ малыхъ Маркушовыхъ герояхъ. Правда, что не такъ легко схопити вѣрно акціѣ малой дѣтины и тому они дуже часто въ Маркуша выходятъ зарозумиѣ. Особливо се видно въ оповѣданю Чудо, Ирину засватали.

Все се згадуеся лише тому, бо вѣрме, что Маркушъ, якъ бы попрацьовавъ около своей музы, всѣмъ намъ звѣстною его пильностью, перевысшивъ бы скоро всѣ свои дотеперѣшнѣ творы, лише вглубитися въ себе, въ таемницю литературной творчости и въ жита своихъ героевъ. Пр. такое оповѣданя якъ «Баламута изъ заяцями», яке и безъ того есть найлѣпшое у сборцѣ, розширити въ повѣсть. То бы вышла оригинална и природна повѣсть.

Але иначе Маркушовѣ оповѣданя суть прекрасною лектурою нашимъ народнымъ массамъ и дай Боже, чтобы ихъ чимъ больше вышло въ свѣтъ. Ст.

Евгеній Недзѣльскій: «Угро-русскій театр». Ужгородъ, 1941, 8°, ст. 112 + 53 фото-клише.

Евгеній Недзѣльскій, авторъ «Очерковъ карпаторусской литературы», есть однимъ зъ найлѣпшихъ знавцѣвъ нашей литературы и культуры. Теперь выдавъ нову книжку про «Угро-русскій театр», котрою книжкою выповнивъ велику прогалину въ нашей культурной минувшинѣ. Въ книжцѣ зъ одной стороны показавъ авторъ цѣль и задачу нашего театру, а зъ другой стороны театральнѣ змаганя русиновъ отъ найдавнѣйшихъ часовъ ажъ до днесъ. Красно показавъ авторъ на тотѣ первнѣ театрального художества, якѣ находятся въ народныхъ обрядахъ, а особливо въ обрядовыхъ забавахъ. Оттуды черезъ вертепнѣ (вифлеемъ) и пастырскѣ игры иде дорога до нового театру, котрый свой перший зародокъ мае въ театральномъ кружку ужгородской гимназіѣ. Другий періодъ театрального художества у русиновъ зачинаеся по 1920 роцѣ. Сему періоду присвячена больше якъ половина цѣлой книжки. Основнѣйше занимаеся дѣяльностью «Угроського Национального Театра».

Леми Мишилко.

«Литературна Недѣля» выходитъ каждого другого тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передилата на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгарь Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгдаѣ.

Nyomatott a Kárpátjai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—129.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДЪЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 12.

Зъ дня 26. октобра 1941.

Р. 1.

А. Петефи:

РОВІЯНЫЙ ПЛАНЪ

По дорожъ къ дому йдучи
Такъ собѣ гадаю,
Что сказати родной мамѣ
Я теперька маю.

Уста моѣ солоденько
Чтось сказати-бѣ мали.
Якъ протягне къ менѣ руки
Что и колысали...

Линуть думы за думками
Безъ числа лѣтають.
Чась здаеся ставъ на мѣстѣ
Возикъ утѣкае.

У комнатку тихо вхожу,
Выйшла мама въ тузѣ,
Звиснувъ въ рамахъ я... безъ слова
Якъ плодъ на галузѣ.

Переклавъ: Ф. П-икъ.

Гергардъ Шуманъ:

ЧУДО.

*Се знову чудо освѣтило мой узоръ,
Оцима твоими я вижу Божий кругозоръ.*

*А образъ тотъ, что твоего духа тягне въ высь,
Въ менѣ росте сіяючо. Жие, дивись.*

*И звукъ и подихи твоего почутя,
Ведуть мене лише до свѣтлого бутя.*

*Что сердце твое въ смутку, гнѣвъ попелить,
Мене уб'е. Одно мы есме въ тую мить.*

Зъ нѣмецкого переклавъ: Ф. П.-икъ.

ТАКЪ

*Крозъ понурую ночь
Свѣтла зоря зойшла.*

*Изъ тернистого ния
Мила цвѣтка росте.*

*Зъ весняноѣ тишѣ
Б'е духовное Такъ.*

Зъ нѣмецкого переклавъ: Ф. П.-икъ.

ТРАГЕДІЯ

«Не будь свѣдкомъ фальшивымъ
противъ ближняго твоего».

Якъ бы вдову Клепачку треба змалѣвати такъ, абы зъ образа можъ вычитати, что она за одна, дати бы еѣ змальовати зъ языкомъ, что звисавъ бы зъ еѣ рота и телемпавъ бы собою долъ нею досягаючи ажъ по колѣна. Або ще лѣпше. Змальовати еѣ зъ гадинячою головою а зъ роздертого пыска жало абы лише шуркало на всѣ боки, кого лише досягне, абы покусати.

Такъ. Сякъ бы еѣ дати змальовати. Заслужила бы на се. Бо доки ще живъ еѣ чоловікъ, была веселою, жартовливою, говорливою невѣсткою. Але на еѣ нещастя, та на нещастя цѣлого села, еѣ чоловікъ въ молодыхъ лѣтахъ померъ. Вдовою осталася ще въ такихъ рокахъ, коли якъ бы бывъ еѣ лице ктось пробивъ иглоу, кровь сикнула была бы зъ него, якъ зъ сикавки, только ъ мала.

А кровь — кровь — жадае свое. Якъ бывъ бы трафився другий чоловікъ, все было бы добре. Але чоловікъ не трафлявся и въ Клепачцѣ зачала закорѣнюватися якась тайна, глуха зависть та ненависть до всѣхъ жѣнокъ, котрѣ мали мужовъ. Коли вже она не мае, най не мае й друга. А коли вже такъ не може быти, чтобы всѣ не мали мужовъ, то зъ солодощами най покушають и мало жовчку.

Приблизно сякое мудрованя было выходною точкою Клепаччиного дѣланя. И де лише могла, сѣяла сѣмя незгоды. О, не одна жѣнка зносила безпричиннѣ сѣницѣ отъ свого мужа черезъ языкъ Клепачки, не одна дѣвчина noci проплакала, доки отдалася черезъ Клепаччинѣ брехнѣ, не одинѣ окна лише издзвенѣли, такъ зсыпалися черезъ Клепаччины наклепы.

Вже жоны были и въ попа, най чтось робить зъ нею, най еѣ наминае.

Закликавъ еѣ духовникъ до себе:

— Марійко, грѣхъ маете... Бога бойтеса, что робите? Якъ каже заповѣдь: не будь свѣдкомъ фальшивымъ... Марійко...

Егъ, что ей говорити. Не краде, не палить, не розбивае а ще й зафиглѣвати не можъ? Начто еѣ, дуриѣ, слухають...

И разъ муѣло дойти до нещастя.

Была Цвѣтна недѣля. Ехъ, кто не знае, якъ въ насъ подеколи звыкли быти цвѣтнѣ недѣлѣ, Потята спѣвають въ садахъ, дѣти босѣ бѣгають на выгонахъ и весело граються. Сонце помѣшаное зъ вѣтромъ вже всѣ обличчя выцѣловало начервено... А ще якъ подумати, что черезъ тыждень Великдень, сердце выскакуе зъ груди, такъ радостно.

А сей Цвѣтної недѣлѣ все се было подвоено, потроено. Уже только полонины бѣлѣли здалека. Вербы здовжъ поточка вбиралися въ ясно-зеленяву корону, луги далеко бѣлѣлись покрытѣ множествомъ сколоздриковъ. А сонѣчко? Но, просто не можъ и сказати, якъ прекрасно грѣло.

По Вечерни люде ще довго стояли купками около деревляной церкви. Курили, розмовляли. Кому теперь хочеса йти до дому?

Жѣноцтво, молодь, розсыпалася отъ церкви по селу якъ овицѣ зъ кошары. О ихъ чекае великий тыждень. На сей тыждень абы й не вѣсти, не спати, и такъ работа-на-роботу. Але кто бы жалѣвъ той работы. Хиба не до Великодня ладиться чоловікъ? Ахъ, той Великдень, той Великдень! Кто его въ нашихъ горахъ не чекае?...

Та никто теперѣшного Великодня такъ не чекавъ, якъ Микола Смереччукъ и Василина Грицюкъ. Ще пару дней и Великдень, потомъ Фтомина недѣля, весѣля, повѣнчаються и вже никто не розлучить ихъ отъ себе, никто не розорве ихъ любовь, никто не помѣшае нерозрывного щастя...

Зъ Вечернѣ йшли парою горѣ селомъ. Обылянѣ сяевомъ любви, щастя и сонця. Сонце, якъ кобы на нихъ и свѣтило днесъ такъ лагодно, такъ красно — на сильного и напятого, якъ тятива гуцула Миколу и на русяву, струнку, все усмѣхнену гуцулку Василину зъ розгорѣлыми очима.

Може тамъ, на долинахъ сонце ще грѣло, але тутъ межи горами вже сѣдали передвечернѣ мраки на село, коли Микола допровадивъ Василину до лѣса. Просила его зайти до хаты, але казавъ не заходити. бо мае еще дѣло на селѣ.

Але змерку таки тутъ на лѣсѣ дочекали. Нагло злѣтае вечеръ на села въ карпатскихъ горахъ. А на него они тутъ и чекають. Не говорятъ чому, але обое знаютъ, что чекають: чтобы въ скритю вечера спити жаръ довгихъ поцѣлунокъ и такъ розойтися.

И коли се сталося, Микола вертавъ до дому заспокоюною ходою свого щастя. Лише одностайнѣ рухи цигаркового свѣтла въ его руцѣ вказують въ темнотѣ, куды иде Микола. Але его думки далеко лѣтають въ близкому свѣтѣ щастя.

— А який щастливый спѣшити отъ любки — наразъ озвався до него голосъ зъ краю улицѣ.

— А той — отповѣвъ Микола голосомъ, наче сказавъ — а тобѣ якое дѣло мѣшатися въ несвоѣ дѣла?

Зъ голосу спознавъ, что то была Клепачка. А зъ нею онъ теперъ не хотѣвъ мати ниякѣ бесѣды. Не заставлявся, але йшовъ далѣ.

— Га, а якъ бы знавъ, что его любка й другого любить — заслала Клепачка за Миколомъ слова повнѣ отравливой злобы.

— Брехня Клепачко! — отповѣвъ Микола стримуючи але не заставляючи кроки.

— Брехня? Ану засядь вечеромъ у Василины въ саду, увидишь, ци брехня — сычала обертаючися въ сторону, куды Микола пошовъ. Послѣднѣ слова зъ натискомъ протягла. А якъ бы се бывъ день, въ еѣ очахъ видно было бы искру, яка желала спалити все, что охопила своимъ зоромъ.

— Брешете Клепачко! — гримнувъ Микола голосомъ, за якимъ, якъ бы се не Клепачцѣ казано, мавъ летѣти его скокъ и ударъ пястука. Але сякъ задоволився тымъ, что се сказавъ особѣ, яка могла быти его мамою. Доста ей и сего.

Вернувъ до дому, вечерявъ, выходявъ на дворъ, стоявъ, дивився, якъ небо затяглося на дождь, але голосъ словъ «его любка и другого любить» еще все звучалъ въ его ухахъ.

— Брехня, брехня, брехня — дасколько разъ впеvнявъ себе. — Се одна брехня. — Та старався не думати на се. Думавъ на Великдень. Цѣлое село коло церкви. Молодь, дѣтвора, старѣ. Граються, оббѣгають церковь, цѣцкаються. А онъ лише зъ Василиною. Ходить зъ нею докола церкви. Тихо, спокойно проходжуються. Народъ дивиться, многѣ завидять, якъ и Клепачка... — и думка «и другого любить» перебила всѣ его иншѣ думки та выбивалася на верхъ, якъ гидка гадина зъ межи буряну, ци зъ сухого торочного листа въ лѣсѣ.

Ще пару разъ пересвѣдчовавъ себе, что то не може быти, что то брехня але на конецъ таки запаковала надъ нимъ непевность. — А кто знае. Але тогды!! — погрозивъ Микола и рѣшився.

Зайшовъ у дриутню, взявъ сокиру, завѣсивъ на руку и пропавъ у темрявѣ вже не ламаючи собѣ голову: сякъ ци не сякъ. Онъ вже горѣвъ рѣшучюстю постановленого дѣла. Гуцулы звывали застановлятися «робити, ци не робити», але коли вже впало амѣнь, гуцуль уже далѣ не думает а робити. Тогды вже ваганю не есть мѣста.

Сю прикмету гуцульского характера сама природа выплекала въ грудяхъ сего племени. Одинъ клѣпъ ока и ты розорванный, пораненый медведемъ, розлюченою поросячкою — дикою свинею. Одна часть секунды нерѣшучости и ты тѣстомъ размашеный по скалахъ. Качулкою сорокъ — пятьдесятъ метровой смереки; одинъ недобрый тягъ опайчиною и дарабъ галушкою кини тобою обѣ скалистый берегъ Тисы, отъ котрого вже лише кусникомъ мяса упадешъ въ летячѣ филѣ пушеного става.

Тутъ природа застановляе людину рѣшати нагло а ще скорше рѣшеня выконувати. Тому гуцулы такѣ горячѣ, такѣ порывистѣ, такѣ рѣшучѣ, такѣ наглѣ въ своихъ чинахъ. Думати буде часъ, якъ небезпека пройде, але коли треба чину — думка на бокъ.

И коли се бывае при ловахъ, при рубаню лѣса, спускаю дерева и зворовъ ци дарабовъ долѣ водою — се добре. Але сякъ бывае и въ корчмѣ, и въ танцю, и за образу, и за «любку». И тогда такъ нагло рѣшае гуцуль и тогда такъ раптово блисне ножъ, топорецъ, паде выстрѣль, гатить мускулистый пястукъ.

Сею натурою впало и рѣшеня Микола.

Обережно перелѣзъ плотъ и ставъ за товстою смерекою. Впяливъ въ темряву очи и не спускавъ зѣ огляду свѣтло, якое прерывалося въ темряву зѣ Грицюковой хаты.

Ночь была темна и тиха, немовъ и она чатовала на когось. Только недалекій шумъ потоку золотый зѣ шумомъ Тисы за селомъ доносилися сюды. Зѣ далека доношвалося лиховѣще пугуканя пугача.

Микола стоявъ схвильований, напруженный въ нетерпеливому очѣкуваню. Найменший рухъ нащпановувавъ его въ рѣшучое поготовля.

Вже и свѣтло въ хатѣ погасло, запановавъ холодъ весняныхъ горскихъ ночей а Микола переносовавъ тягаръ тѣла зѣ ноги на ногу и чекавъ. Даже жажда курити не брала его, такъ нетерпеливо чатовавъ.

Не думавъ теперь надъ тымъ, ци се можливо, ци не можливо, чтобы тутъ когось «переловивъ». Его задачею теперь было выстояти тутъ до зорь и сказати завтра Клепацѣ, най творитья иншими дѣлами а не его, бо буде зле. Вдова-не-вдова а оиъ не буде дивитися ей хрещика...

Нагло Миколѣ думки урвалися. Скрипнула лѣса и горѣ городомъ вчулися вымѣрянѣ мужескѣ кроки. Сокира звѣшена на локти наче сама скочила въ Миколовѣ руки. Нагнувся попри смереки и впяливъ поглядъ въ темряву, але та не позволяла познати ему особу. Доста тогѣ, что се якийсь легинь и прямуе просто на дворъ. На что ему впознавати, котрый то. Прийде и на то часъ.

Рознеслися стуки объ шибу окна... того окна, за котрымъ спала его Василина. Съ стуки Микола отчувъ, якъ удары молота въ своей головѣ. Ще чувъ, якъ отчи-

нилося окно, ще й то чувъ, якъ рознесся радостный голосъ Василины: — А се ты? Иду, йду отчиняти дверѣ. Чекай... По сему ночь пановала не лише около Микола але залягла, затемнила его внутри, его память. Сила помсты отобрала его розумъ и заставила его кинути собою въ сторону хаты розлюченымъ тигромъ.

На инше вже не памятае.

Пару хижачькихъ скоковъ и рознеслося страшное розсѣкненя сокирою чогось твердого. Майже одночасно рознесся якийсь несамовитый, нелюдський короткий крикъ и чось повалилося на землю передъ Миколовыми ногами.

Опамятався Микола ажъ тогда, коли Василина впала на трупа и зарыдала надъ братомъ, який повернувъ зѣ войска на святки и на ихъ весѣля такъ жалостно, ажъ земля затряслася.

Василининѣ слова, якъ громовиця въ темну ночь прорѣзали и освѣтили жахливу дѣйствость Миколови.

— Клепа-а-чко-о, чось наробила!? — заревѣвъ Микола голосомъ дикого звѣря, ажъ ночь стрепенулася и зникъ въ темрявѣ.

Городами, черезъ межѣ, черезъ потокъ и въ гору, въ долину, знова въ гору гнавъ Микола збѣшенымъ вовкомъ.

Летѣвъ въ безтямѣ, перемѣненный въ звѣря гнався черезъ всѣ перешкоды прямою линією несеный силою инстинкту на точку, де скрытый его ворогъ.

Добѣгъ на дворъ Клепачки и всюю силою и вагою своего тѣла вдаривъ о дверѣ. Тѣ розломился, лише скаля затрѣщало и впустили его до сѣней. Микола копнувъ у другѣ дверѣ и ставъ середъ хаты, наче хотѣвъ отдыхнути, набрати силы до нового чину.

На постелѣ знялася настрашена Клепачка. Еѣ постать въ бѣлой сорочцѣ зарисовалася настолько въ темрявѣ, что Микола й тяжко могъ розпознати, де она есть. И слѣдующой минуты сокира такою силою втяла въ саму середину бѣлого кубла, что протяла все, что было надъ лѣжкомъ а сперлася лише въ заголовкови.

Зѣ хаты Микола выбѣгъ уже безъ со-

киры. Збѣгъ долу дворомъ и просто на
межу, де стоявъ высоко обцемброванный
глубокий колодезь. Перегнувъ черезъ об-
рубины и лише згучало за нимъ, потомъ
бехнуло собою его тѣло у воду и все за-
тихло...

Лише гавканя зполошенихъ псовъ роз-
носилося на околицѣ.

А зъ недалекого смерекового лѣса роз-
неслося перестрашающее и лиховѣщее: —
Пу-гу, пу-у-гу...

ЛАДКАНЯ.

I.

Ой до насъ, Боже до насъ,
Бо у насъ тилпирь гораздъ,
Помагай Божа мати,
Вѣночокъ зачинати...

Ой ты зимонько, ты студененька
Як рано западаешъ!

Ой ты дѣвчино, ты молоденька

Д кому ся привертаешъ?

Привертаюся д' своему нянькови,

Нянько мене не хоче,

Нѣ годувати, кѣ одѣвати,

Нѣ въ своемъ домѣ мати.

Ай иду я, йду, ай иду я йду,

Та въ гору, та въ долину,

Ай урву я рву, ай урву я рву,

Та ружу, та калину.

Ци ружу рвати, ци ружу рвати,

Ци калиноньку вѣсти?

Ци за мужа ити, ци за мужа ити,
Ци ему удповѣсти?

За мужа ити, за мужа ити

Болишь ня головонька,

Дѣвковъ сидѣти, дѣвковъ сидѣти

Люцька обсудонька.

Ай ты легѣнецъ, ай ты легѣнецъ

Я дѣвчинонька красна,

Ай ты ся успавъ, ай ты ся успавъ

Я тобѣ коня пасла.

Упала роса зъ темного лѣса

На мою жовту косу,

Судяць вороги, близькѣ сусѣды,

Що вѣнокъ не доношу.

А я свуй вѣничкъ, а я свуй вѣничкъ

Вѣрненько доносила,

Тяжкѣ вороги, близькѣ сусѣды

На весѣля просила.

СИРОТѢ.

II.

На горѣ бочка вина,

Въ дѣвчинѣ няньки нема.

Еѣ нянько въ гробѣ лежить

Та наухрестъ ручки держить,

Тай у Бога ся просить:

„Пусти ня Боже дома

Ний уражаю дитя,

Най уражають сестрички,

Бо я держу навхрестъ ручечки,

Ай муть тамъ добрѣ люде

Тай порядочокъ буде...”

Ой зацвили фіялочки, зацвили
 Та лишь одну дорожечку спишили,
 Щоби нею молодята ходили.
 Ишла туды дівчинонька стихенька
 За невь, за невь сь нянько зблизенька.
 Не за мною родный няньку, не за мновь,
 Не маю я порядочку изь тобовь.
 (и такъ лали мамь, братови и сестрь.)
 Ой за мною муй 'миленький, ой за мновь
 Бо я маю порядоньку изь тобовь.
 Ой чомужь ти дівчинонько не тужнишь
 Та вже бѣльше дівчиноньковь не будешь,
 Та на пунѣ вечернички не пуйдешь,
 За хорошѣ бой танчики забудешь.
 Та уплѣтай рудна мамко клиночки,
 Де стояли Марусинѣ вѣночки.
 Та уплѣтай рудна мамко полнички,
 Де стояли Марусинѣ косички.
 Та жаль менѣ рудна мамко на тебе
 Щось казала, що на не дашь удь себе.

Записала у Бочковѣ: Анна Руснакъ.

Само сердце знае, кого оно кохае...

(Новела)

Ночь. Тепленький вѣтрикъ повѣвавь. А зь хвилястыхъ хмарь круглый мѣсяць мовь колесо то выринавь, то зновь ховавсь. Така была ночь.

— Говори, говори далѣ; якъ то, что ты его лишила?

— «Лишила...» Знаешь, мила приятелько — корьба и нерозумь... Такъ, такъ... Ще й теперь передь моима очами той послѣдний поглядь... А тѣ очи... Охъ! А той милаый усмѣхъ! Нѣ, николи я его не забуду! Не можу... За одинь нерозважный учинокъ и навѣки терпѣти буду. О, тѣ чаровнѣ хвилины, якѣ мы двое пережили сидячи въ дубовому гаю... А потомь, потомь...

Чому я отказала ему згodu? И онь, мой Данко, глянувъ на мене своима очами, зь яникъ покотились ряснѣ краплѣ... И пошовь. Ахъ, тѣ моирѣ очи, той послѣдний поглядь; онь буде мучити мене навѣки.

— И чому вышла замужь за сего?

— Родичѣ... Нянько каже: — «Ты дѣвчино дивись на будущину; у сего мае токь, нова хата, млинѣ — что ты загадала?»

А мати собѣ: Зь любощовь насытишься скоро, а потомь будешь бѣдкаться. И наговорили, и примусѣли. И то якразь тодѣ сталося, коли Данко отойшовь...

— Але ты, Калино, сему присягала, и то у церкви межѣ Богомъ и людьми... И мусишь мати се на увазѣ. Знаешь який великий грѣхъ робишь зь тымъ усѣмъ, коли бы зрадила своего мужа...

— Нѣ, нѣ! Я не присягала сему, я Данкови. Ахъ, что зо мною тогда ставалося... Представь собѣ приятелько... Тажъ ты и сама въ церкви была и видѣла все...

— Видѣла и добре было.

— А правда, ты не розумѣла мене и никто мене не розумѣвь, хиба Богъ. И онь отпустить менѣ. Ще памятаю, коли сей сказавь, что «люблю», а коли приходивъ рядь на мене, менѣ у очахъ потемнѣло, а

далѣ зновѣ якъ бы чтось ясного видѣла и въ томѣ свого Данка, який стоить такъ, а зѣ очей тѣ слезы лишь каплють... И я сказала «люблю...» Далѣ вывели зѣ церкви. Такъ... Я присягнула Данкови... Я не винна.

Далѣ замовкли обѣ приятельки. Довкола не чути было ничѣ. Обѣ якбы чтось важного думали и переживали. Лишь разѣ-поразѣ сесю мертву тишину нарушило тяжкое зотханя зѣ чифѣ грудей. А коло нихъ, якъ кобы нарокомѣ, гучавѣ безжурно поточокъ и гнавѣ быстро, якъ бы запоздивѣ туда, де ему призначено течи. У водѣ плюцнула рыба. И обѣ якбы настрашенѣ подняли головы. Одна еще якбы напоследѣ зотхнула и потомѣ встала.

— Что то? И тобѣ чтось тяжело? Ты можешѣ быти щастливою; ты еще вольна и любишь Петра. Але я, я...

— Але, роздумуючи надѣ симѣ всемѣ, что зѣ тобою сталося — думаю: якразѣ и я при такому. И мене дома примушують. Кажуть, что Петро бѣднякъ, а у Ивана Хрѣнюка пять кобликовѣ землѣ; а пять не три... Такъ кажуть менѣ.

— Щастлива ты, бо ты еще вольна.

— И, что маю робити, порадь менѣ?

— Само сердце знае, кого оно кохае... и слухай его. Тогда будешь щастлива. Бо я не послушала его и... А нашѣ старѣ родичѣ все еще по старому. Они щастя видятъ у кобланкахъ, але мы — я не знаю: але роздумуючи надѣ усѣмѣ кажу: они старый свѣтъ, а мы новый...

И опять затихло кругомѣ. Поточокъ далѣ гучавѣ. А мѣсяць вымотавѣ изѣ тыхъ хмарѣ и стоявѣ такъ пышно якъ кобы онѣ самый на свѣтѣ. Але самый и есть...

— Ходѣмѣ, Калино, спати, вже и когуты пѣють.

— Я зостану еще мало, такъ приємно тутѣ сидѣти коло свого поточка.

*

— Ци вы чули кумо?

— Что? Что такого?

— Калина Лопухова изникла безѣ слѣду...

— Якъ то? Та лишь недавно выйшла замужъ...

— Айно, але она любила Данка...

Др. Ядоръ Стрипський:

Якъ збирати и упорядковати народнѣ пѣснѣ?

(Конецъ.)

Третью засадою есть систематика. Что она wymagaе, сего выучився я изѣ властного труда. Тягомѣ сорокъ лѣтнего филологизованя именно назбиралося у Біленького дасть тысячѣ балладѣ, романсовѣ, спѣванокѣ эпическихъ и лирическихъ и т. д. Занимався я уже давнѣйше думкою выдати ихъ сборникомѣ, а для сей цѣли простудіювавѣ сборники народной поезіи въ литературахъ малярской, сербской, словацкой, украинско-руськой. Изѣ сихъ набрався я такой науки, что найлѣпшимѣ способомѣ упорядкованя сей поезіи есть той, котрый дае систематично повный образѣ духового и материального жита народа. Сесе пакъ wymagaе, абы сборникѣ представивѣ усѣ версты громадянства; отже не лишь одного селянина, але и малоремесельника, жидка,

циганина, та и школованныхъ, словомѣ абы тамѣ были попы зѣ дяками и церковниками: жоны и дѣвки, мужи и легниѣ, старѣ и молодѣ — цѣлый народѣ. Материаль протоме розбити на группы такъ, якъ я робивѣ зѣ своимѣ сборникомѣ, абы и нашѣ и чужѣ могли легко ориентоватися, коли якийсь предметѣ глядають въ спѣванкахъ для своего поученя. Раджу отже каждому роздѣлити своѣ спѣванки ось якимѣ порядкомѣ:

А) ЭПИКА, Б) ЛИРИКА, В) ГУМОРИСТИКА, Г) ЗАГАДКИ, Д) ИНЫШѣ.

Каждый головный отдѣлѣ мае подотдѣлы.

ЭПИКА. 1. Старосвѣтскѣ памятки; 2. колядки поганско-религийнѣ; 3. колядки зѣ мотивами апокрифично-христианскими

(малый Исусъ, Матка Божя, Петро и т. д.); 3. обрядовѣ пѣснѣ: колядки бытового жита, щедровки, маланки, соботки-купало, Русальнѣ пѣснѣ въ жнивяхъ, гавѣнки.

II. Историчѣскіе памятники: Татары, Турки, крѣпости, панщина, куруцщина, Раковцѣй, Кошуть, опришки-розбойники, Америка, Бразилія, свѣтова война.

III. Бытовѣ баллады то есть трагедіи одилицы: зачарованный, потопленникъ, убитый и т. д. на тѣхъ любви и фактичныхъ подлѣй.

IV. Романы понаибольше на темы любви. Сякими ажъ обилуеся наша устна литература.

ЛИРИКА. V. Родинное жите: 1. пѣснѣ колысковѣ; 2. свадьбовѣ; 3. голосѣня надъ мерцемъ; 4. вдова; 5. сирота; 6. староба.

VI. Дѣтинскій языкъ и забавки: 1. до 5-го року; 2. повывше 5 роковы.

VII. Господарское жите: роля, жнива, винобранье, молотьба, млинѣ, хлѣбѣ, ѣжа, одежда.

VIII. Заняте: 1. овчарѣ, чередарѣ и т. д.; 2. ремесельники; 3. паны; 4. жебраки.

IX. Любовь, радость и горе: 1. дѣвки; 2. жоны; 3. легиѣ; 4. мужи.

X. Гулятика: 1. пѣятка; 2. танечнѣ выкрики (коломыйки).

XI. Войско: 1. бранка; 2. рекрутчина, касарня.

ГУМОРИСТИКА. XII. Гуморъ люду: 1. жартѣ, веселость; 2. небылиця; 3. прозыванки на села (стихомъ и прозою); 4. прозыванки на особы; 5. наподобивованье церковныхъ гласовъ и т. д.; 6. наподобивованье говору животныхъ; 7. лайка; 8. русинѣ и иншѣ народы 9. анекдоты широрускѣ (прозою).

XIII. 1. Загадки; 2. скороговорки; 3. скорочисленье.

XIV. Иншѣ: 1. пословица; 2. поговорка; 3. казка; 4. назва коровы, вола, пса, коня и т. д.

Сякимъ способомъ упорядкованный материалъ хосенный буде не лишъ цѣлямы за-

бавы, але мати буде и наукову вартость. Варуйтеся противного. Такѣ зборники якѣ Врабеля, де спѣванки надрукованѣ черезъ чуръ безъ жадного порядку — то сѣно и солома помѣшана сѣчкою. Постна и дуже тяжка страва! Друкованѣ уже кусники треба навести поданьемъ жерела.

Вконци напоминаю еще на одно. Коли записуеме стиховѣ и прозовѣ творы устной литературы для **научныхъ цѣлей**, тогды треба буквально-вѣрно записати каждый звукъ слова; если але хочеме мати зборникъ для **литературно-эстетическихъ цѣлей**, тогды треба додержати правопись грамматики, але слова не змѣнити! При каждой пѣснѣ треба зазначити **мѣстность** запису, а въ прозовыхъ кусникахъ зазначити **наголосъ** слова похильною протинкою. Умственныхъ, зподъ пера школованого интеллигента походячихъ пѣсень варуйтеся — сесѣ даються спознати заразы изъ першого реченя. Творы народнѣ мають колоритъ, чось такого, якѣ быстрицька сливка, дозрѣваюча на деревѣ, мае на собѣ тоненький фаненький гейбы порошокъ; навпаки умственнѣ або попсованѣ пѣснѣ то чось такого, якбы изъ сливокъ розмацалося того порошокъ — видко по нихъ слѣды пальцевъ!

Кто и теперь, 1941. року, важиться говорить, что народный языкъ бѣдный, тому отповѣмъ словами великого знавця мадярского языка Сарвашъ Габоръ: »В. Гумбольдт, Яков Грим, Авг. Шлайхер, Гердер и т. д. не можуть ся нахвалити богатствомъ народной рѣчи. Что языкъ народа въ поровнаню до литературного, лише богатшимъ можно назвати, то можеме хотябы и априорѣ сказати, бо литература числитъ нанайвышъ пару сто чоловѣка, тымчасомъ народъ складаеся изъ миллионовъ головъ. Але бѣда въ томъ, ожъ школованнѣ люде не знаютъ языка народа. Английскѣ филологи выраховали, что языково найбогатшій писатель цѣлого свѣта. Шекспиръ, мае лишь 15.000 словъ английскихъ, тымчасомъ языкъ английского простака числитъ выше стотысяча!«

Указки изъ моего зборника подамъ найближе.

ГАДЪ

ВЪ НАРОДНОМЪ ВѢРОВАНЮ

Послѣ повѣря вужь (ужь, ужица) може такожъ «пустити жало» и есть одночасно небезпечнымъ якъ и каждый другой гадъ. Та наибольше небезпечною есть «слѣпачка».¹⁾ Кого она укуситъ, тому тяжко лѣкъ найти. Лише великѣ ворожѣльники знаютъ лѣкъ отъ него. Та найчастѣйше онъ лише «поцѣлае» чоловіка або скотину. Такое мѣсто опухае. Чародѣй, узнавши магичнымъ способомъ причину, дае лѣкъ проти сему — звычайно сало зъ гада.²⁾ Та вже далеко небезпечнѣйше есть еѣ укушеня. Помочи може «тотъ, кто гадамъ розказуе» (звычайно молитвою и постомъ може про се дознатися и звычайный чародѣй). Онъ заставляе еѣ ночью прийти и vybrати жало отруѣ зъ укушеного мѣста. А якъ бы не послушала, муситъ здохнути. Проти звычайныхъ гадовъ помагае и просте заклинаня,³⁾ постъ, молитва и п., бо вкушеня гада есть загадочнымъ якъ всякий магичный актъ.

Наибольше загадочнымъ изъ усѣхъ гадовъ есть «полосъ».⁴⁾ По народнымъ оповѣданямъ есть онъ дуже быстрымъ и звиннымъ. Лѣзе на дерева. Звиваеся въ «колчачъ» и мече собою за скотиною або чоловікомъ. Свище пострашающимъ голосомъ. Доростае до значной величины (6 м.) и товщины якъ «павзина». Барвы може быти всякой, але звычайно свѣтлый. Его вкушеня есть смертельное и помочи проти нему не есть. Такожъ небезпечнымъ есть его поцѣлунокъ або и просто переходъ. Наслѣдкомъ его поцѣлунокъ есть невѣдома

¹⁾ Vipera (?)

²⁾ Напр. оди гъ способъ узнания: Чародѣй (звуч. «розказецъ») залѣзе подъ столъ прогов. заклинаня або просту молитву и загляне въ зеркало. Такожъ отвѣрають псавтирю.

³⁾ Коли когось укуситъ гадина, ворожка стане передъ нимъ и говорить «однымъ дыхомъ»: «

Чи волякъ, чи война

Чи бѣла, чи чорна

Якъ не маешъ силы на быстрой водѣ гнѣздо звити

такъ бисъ не мала силы жаръ пустити,

якъ не маешъ силы на сонцѣ гнѣздо звити,

такъ бисъ не мала силы жаръ пустити, тфу! тфу!

(Трячѣ плюе назѣвае) Поровн. Н. Р. К. 1931. ст.

216., такожъ Онишукъ.

⁴⁾ Когрого зъ гадовъ селяне розумють тяжко отгадати.

внутрѣшня хворота (у другихъ лише пухлина.¹⁾ Деколи «имаеся» и до худобы въ хлѣвѣ — лѣзе въ хлѣвѣ и ссе худобину. Така худобина скоро загибае. Коли его тогда подстеречи и вбити, зъ него тече молоко. Довелося менѣ чути, что и жону приходивъ у ночи и ссавъ полосъ, хотъ она не могла знати коли. Выблѣдла, ослабла и наконецъ померла.²⁾ Полосъ може поселитися подъ домомъ, хлѣвомъ и т. д. и тогда горе такому хлѣвови, кошарѣ, домови и т. д. Люде хворіють, худоба гине, газдовство розпадаеся... Полосовъ что до ступнѣвъ и силы есть дасколько родовъ. Есть и такой полосъ, котрый, якъ иде, то земля подъ нимъ горитъ. Онъ може, якъ хоче и лѣсъ, хату, кошару запалити и п.³⁾ Оповѣдають про него рознѣ пригоды и чуда. Онъ въ повѣрю больше мистичный якъ реальное бутя, де реальность есть лише подложкою. Въ нар. повѣряхъ, пѣсняхъ и п. выступае ще бѣлый полосъ, червеный (огняный) и др.

Въ нар. магіи знаный есть еще «червеный гадъ».⁴⁾ Коли таку гадину найти (звычайно подъ мокрою колодою) и дати ей выпити въ палинцѣ або зѣсти зъ чимсь, то можъ щерити любого. До сего служить такожъ «слѣпа гадина».⁵⁾ Межи иншимъ першое ужитя ихъ есть зъ цѣлю приворожити.⁶⁾

Гады подлягають кромѣ свѣтской власти («тому, кто гадамъ розказуе») ще и своей власти змінной власти — то есть ихъ цареви. Гадячий царъ жие десь межи

¹⁾ Про одну жовту и блѣду лицею дѣвичину загально говорилося въ селѣ, что еѣ сплочу въ стежарѣ перелѣзъ полосъ. — наслѣдк. чого есть и хворота.

²⁾ Такъ ссутъ своихъ матерей «збѣсцата» т. е. нехещенѣ дѣти.

³⁾ Пор. Р. Bogatyrev. Actes mag. rit. et croyances en R. S. p. 150.

⁴⁾ Гл. нар. балл. «ани брата ани мужа» Лит. Недѣля ч. 6. ст. 41.

⁵⁾ Гл. нар. балл. «Якъ то дѣѣ любити». Лит. Недѣля ч. 7. ст. 63.

⁶⁾ До сего служатъ такожъ «Salamandra maculosa», звуч. жаба, ластовка, горлиця (серце) диликъ.

скалами або и въ очеретахъ середь болотъ. Есть дуже великий тѣломъ зъ блискуючою якъ сонце короною на головѣ. — Жие онъ наприкладь коло Бужоры, подь «Бѣлымъ каменемъ» а по переказахъ живъ колись и въ барбовскихъ болотахъ. Бывъ такой сильный, что худобу пожиравъ. Люде мусѣли спалити очереты, чтобы гадь разъ не напали на людей. Царь «зъ подь бѣлого камѣня» звыкъ выгрѣватися на сонцѣ обвинившись довоккола того камня. Свище зміннимъ голосомъ, что ажъ луна иде и все страхаеся. Коли зловивъ бы людину, то заразы пожерь бы. Гадь збираются довоккола него два разы до року на раду, де и радятся про своѣ гадячѣ дѣла. Кто потрафить на нихъ въ такой часъ, то заразы его з'ѣдають, бо на чоловіка они дуже лютѣ. Подь тымъ каменемъ мае онъ и цѣлу палату, зъ розными дороговѣнностями, мае царицю и царятъ, котрѣ такожь мають короны на головахъ.

Якъ бы ктось якимсь способомъ доставъ гадячу корону, то носачи еѣ на шеѣ на шнурку (амулетъ), зъ усякой бѣды вырагуеся, передовсѣмъ на судѣ. Такожь хвороты будутъ его оминати, такъ само якъ бурѣ, градъ будутъ оминати его сіяня (отношеня гада до атмосферныхъ явищ).

Кромѣ того въ фантазиі нашего народу живутъ страшнѣ, гадообразнѣ чудовища, въ екзистенцію котрыхъ строго вѣрится (якъ вѣрится напр. въ дѣву рыбу). Бо для розума, для котрого все мае надыхъ загадочности, и сама звычайна рѣчь не есть звычайною. Тымъ больше, что онъ не знае другого способу познаня свѣта якъ сей.

Шаркань¹⁾ есть такожь гадомъ. Онъ вырастае звычайно изъ гада-полоса, за сѣмъ лѣтъ на пустынѣ, де его никто пристрѣтити не може. Коли его ктось пристрѣтитъ, онъ перестаетъ рости. Шаркань великий крылатый, але при томъ слѣпый. Онъ несе бурѣ и градъ, та веде его вѣтряникъ, бо онъ не знае куды вести бурѣ и градъ.²⁾ На ужанщинѣ а почасті на сва-

¹⁾ Походить правдоподобно отъ мадярскаго «sárkány». У Стеф. Теслозця есть шарьманъ (зъ нимъ воюе св. Юрій³⁾.)

²⁾ Ф. Потушнякъ: Душа въ нар. повір... Н. 36. 1938.

лявщинѣ загально розширена представа, что онъ выросши прилѣтае и поселюеся десь въ лѣсѣ въ печерѣ. «Такой великий, что може и барана з'ѣсти.»⁴⁾ Чернокижники его зловлять, дадутъ на него кантаръ и женуть его куда хотять, чтобы градъ падавъ. Они на немъ несуться и летять. Шаркань мае велику силу и хмары може гнати а такожь бурѣ. Коли онъ летить, запре ногою напр. въ лѣсѣ то дерева перевертаються. Онъ на велику помочъ чернокижникамъ. Шаркань выступае и въ нашихъ народныхъ казкахъ и есть одночасно означенемъ для представления о казковомъ драконѣ. Напр. Змій-Веремій есть такожь шаркань. (Шарканей есть много и каждый есть иншой формы.)

Веселка мае такожь змінну форму. Она показуеся на небѣ, якъ гадъ велетенъ и п'е воду зъ керницъ, потоковъ, рѣкъ и т. д. Коли ктось трафитьсѣ еѣ подь ротъ, то она его вып'е. — Такъ разъ выпила хлопця разомъ изъ худобую. Тою водою наповняються такожь хмары.⁵⁾ Она якъ, каждое другое ество, може розсердиться, погонити, зловити або и помиловати. Кромѣ того вѣрится въ много другихъ потворъ гадячей подобы, котрыхъ можливість лишь допускаеся, котрымъ фантазиі найшовши сяку таку подпору въ дѣйности заразы може придати послѣ обставинъ отповѣдну форму.

Наведу одинъ прикладъ характеризующий загальное отношеня народа до повѣрь о змїяхъ, котрый удалося менѣ самому видѣти и по сторонѣ соц.-психологичной розглянути.

Въ селѣ О. 1938. селянинъ повертающий дорожкой середь пралѣса, якразъ передъ заходомъ сонця ведучи конѣ за рудъ спостерегъ, что дорогу ему заступило гадообразное чудовище. Онъ перестрашився и почавъ его бити зъ усѣхъ силъ коломъ, но оно не давалося. Повъ живого привезли

¹⁾ Пор. Ф. Вонкъ: Студ. зъ антр. октобер ст. 169. Вихоръ интворное дяволъ что 7. лѣтъ бывъ звыч. гадомъ 7. лѣтъ половомъ а третѣ 7. лѣтъ у него вырастають крыла. „Шухевичъ зазначае у гуцуловъ крил. смока и н. „жеретва“, что бурѣ спричиняе.

²⁾ Подобное повѣри есть и у мадяръ. Пор. Beke Ödön: Allittólagos ember földtiti erők az Ormánságban és Gőcsejben. Népelet LII. 2. o. 140-143.

его до дому, наслѣдкомъ какой пригоды снѣ стративъ на довшій часъ рѣчь и мало не лишився ума. Загально принялося, что се онъ стрѣтивъ не дорослого шарканя, котрый намѣривъ его зѣсти... Занедовго потомъ одному 38 р. селянинови обѣявився на поли, коли тотъ худобу попасовавъ, велетенскій гадъ. Обѣявився доврола березы, ажъ цѣлу обѣявъ до вершка и ужасно свиснувъ. Селянинъ ломляголовъ утѣкавъ безъ клѣбана въ село. Въ селѣ настала паника и всѣ оглядали подозрѣлое мѣсто зъ великимъ страхомъ. Обѣкть подававъ такъ справы: «Коли пришло полудне, а то было коло жидовского цвинтаря, — нагло чтось свисло и онъ увидѣвъ того гада. Товстый якъ рудина, голова ги дыня, очи якъ дийжѣ, бивъ порослым шерстю а скочивъ напослѣдъ въ ямку. Но ямка была не велика». За перше нелогичность сю можеме обѣяснити способомъ говореня про загадочное въ гиперболяхъ (якѣ часто дословно берутся), по другое сильное зависимость думаня на враженяхъ, по третье митичнымъ спосрбомъ думаня, де головна увага звертаеся на авторитетъ досвѣду группы а тымъ упадокъ причинности, яку заступае аналогія. Такожъ не малу важну роль грае тутъ природа чоловѣка; склонность до жажды чуда, чтось незвычайное въ потоцѣ будней и доповняти досвѣдъ фантазією.¹⁾ Та притомъ не треба забывати на традицію. Она може быти вѣками жива, умирати, ороджуватися и знову умирати та при томъ не тратити свое я и суть, — доки жива на личность ментальности, яка еѣ способна живити и принимати. А лишь еѣ не есть, все обертаеся въ короткомъ часѣ въ небытя. Бо менталита примитивно рознитися въ многомъ отъ менталиты сучасного культурного чоловѣка, передовсѣмъ по сторонѣ логичной.²⁾

¹⁾ Якъ вдалося часто ментъ замѣчати, звѣч. необр. чоловѣкъ видить (дѣйсно) чтось тамъ, де образов. чоловѣкъ николи ничего не найшовбы. Тутъ грае ролю перед. духовный устрой раввившийся въ одну сторону (перевага почув. а тымъ и фантазія) якъ такожъ груповый свѣтоглядъ (пор. Levy Bruhl: La myth. primitif.)

²⁾ Н. О. Лосскій „Интеллектъ первобытнаго человѣка и просвѣщеннаго европейца“. Соврем. вѣст. XXVIII, ст. 276-298.

Н О В Ъ К Н И Ж К И

РУСЬКА МОЛОДЕЖЬ. Часопись для подкарпатской молодежи. Выдания Подк. Общества Наукъ. Редагуе др. Иванъ Гайрайд. Унгварь, 1941, роч. I. Ч. 1, ст. 16.

Подк. Общество Наукъ въ дотеперѣшной своей дѣяльности показало, что желеа захопити всестороннее духовное житя руського народа. Посередництвомъ «Народной библиотекы» глядае дорогу до души народа, а двотыждневикомъ «Литературна Недѣля» стараеся заспокоити духовное требованя интеллигенціи.

Теперь зъ радостью можеме сконстатовати, что веденя Общества навязуе контактъ зъ душею подкарпатской молодежи. Появилося першое число дѣточого журналу «Руська Молодежь», котрый редагуе дѣл. директоръ Общества др. Иванъ Гайрайд Сесе починъ Общества каждый свѣдомый русинъ належно мае оцѣнити.

Дуже правильно зачинае редакція «Руська Молодежь» свою роботу на полю выхованя нашей молодежи, коли вже въ першомъ числѣ сего часопису закликуе молодежь до сповпрацѣ и захоочуе ихъ до збираня и посиланя народныхъ пѣсень, переказовъ, казокъ, легендъ и т. д.

Така сповпраця редакціи зъ руською молодежью научить молоду руську генерацію любити все свое: своѣ народнѣ звѣчаѣ, пѣснѣ, горы, рѣчки, полонины и все то, что ихъ привязуе до родной земли. Сесе работа заскѣпитъ въ молодежи руську свѣдомость, любовь до своего народа и своего языка. Кромѣ того при помочи журналчика Подк. Общество Наукъ выховае нову гарду письменниковъ. Треба признати, что зъ симъ Общество зробишь великое культурное дѣло кля русиновъ, бо поможе въ выхованю нового руського поколѣня: новой генераціи.

Инакше сесе першое число зредагованое старанно. Зъ нагоды юбилею великого малярского мужа Сейченія редакція помѣстила поучаючу статейку зъ двома малюнками про ювиланта. Каждого молодого читача заинтересуе статья «Татарѣ въ Марамороши», «Перелетъ птицъ», «Домашнѣ звѣрята», дале казки и вершики. Хоть мо-

людежь звичайно не любятъ вершки и не-
радо читае ихъ, однакъ въ семь журналь-
чику помѣщеніе вершки набизовно дуже
радо перечитають, бо цѣлкомъ отповѣда-
ють дѣточому смаку.

Обгортка и малюнокъ «Ластовка» ти-
пичнѣ руськѣ околицѣ и частини села.
Часопись можно заказати въ Обществѣ
Наукъ. Передплата на рокъ 1.50 П., одно
число только 15 фил.

Марта Ильницька.

Ф. Пасѣчникъ: «На бѣлыхъ скалахъ».
(Поезіѣ.) «Народна бібліотека», ч. 3. Вы-
даня Подк. Общ. Наукъ. Унгварь, 1941..
16°, 82.

Авторъ сихъ поезій написавъ до те-
перь три книжочки вершовъ и досить
пильно выступавъ въ журналахъ, котрѣ у
насъ друковали такожь литературнѣ тво-
ры. Скромный, николи не бився за славу,
выступавъ все подь псевдонимами, але
зато задержавъ и свою линію, яку собѣ на
початку призначивъ, уже якъ ученикъ гим-
назіѣ. Коли у насъ вся поезія въ тѣ часы
не знала иншой темы, якъ патріотичнѣ,
авторъ взявъ собѣ до головы завести у
насъ тематику, яку въ современныхъ литера-
турахъ иншихъ народовъ напр. францу-
зовъ, нѣмцевъ, англичанъ и др. а при томъ
быти оригинальнымъ, самостоятельнымъ въ
темахъ и формѣ и языку. Се замѣчаеме
отъ першихъ его поезій вже въ Нашомъ
Роди. Краю. Школьнѣ его товаришѣ най-
лѣпше знаютъ, зъ якою пильностью вже въ
гимназіи студіювавъ онъ литературу и
одушевлявся свѣтовою литературою, а та-
кожь подь часъ философичныхъ студій въ
Празѣ. Тому не опустивъ авторъ и такую
загадку современной поезіѣ якъ сирреализмъ.
Цикль «Можливости» бывъ почасті пере-
ложеный на чешскій языкъ (поетизмъ, но-
воромантизмъ и др.). Въ сборничку на
«Бѣлыхъ скалахъ» авторъ робить поступъ
впередъ въ своихъ поетичныхъ замѣрахъ,
доходить вершка и находить свой поетич-
ный выразъ. Се рядъ прекрасныхъ поетич-
ныхъ перлинъ, де каждый стишокъ, каж-
дое слово жевріе глубокою силою почутя
и думки. Се одночасно и есть призывомъ
до новой дороги въ поетичной творчости

русъ. литературы. Старое слово «не розу-
мію» вже днесъ не подходящее намъ.
Одинъ мадярскій поетъ переводить сей
сборничокъ на мадярскій языкъ.

Лемн Мишиако.

Звертаеме увагу нашимъ читателямъ,
что у издавництва Подк. Общества На-
укъ только Обществомъ выданѣ книги
можно купити и лише такѣ продаются.
Словарь Е. Бокшая: «Мадярско-русьскій
словарь» въ книгарняхъ еще тутъ-тамъ
можно достати. За всѣми иншими изда-
ниями (пр. «Цвѣты») звертайтеся до изда-
вательства тыхъ книжокъ.

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

Б. Б. Унгварь: Маєте правду, что Пі-
пашъ опубликовавъ гуцульскѣ народнѣ
пѣснѣ гуцульскимъ діалектомъ. Етногра-
фичный матеріаль треба друковати вѣрно
на основѣ народного выслову. Але зновъ
мы есьме проти того, чтобы ктось, примѣ-
ромъ якъ и Піпашъ, діалектомъ подававъ
свѣ замѣчания або передное слово.

Ю. Лакатошъ. Збуна: Дуже дякуеме
Вамъ за присланѣ цѣниѣ народнѣ пѣснѣ.
Помалѣ будеме публиковати. Если бы Вы
мали еще больше эпичныхъ пѣсень, про-
симе намъ ихъ переслати. Збирайте этно-
граф. матеріаль на Вашей околицѣ. Тамъ
не есть еще выкористаный.

И. К. Росвигово: Гуморескъ поїде въ
слѣдующомъ числѣ. Приготовуйте дальший
матеріаль.

Ю. Станчукъ: Оповѣданя прекрасное.
Приготовуйте сборничокъ. «Чиста правда»
може поїде. Больше перекрутити еѣ не
можно.

Д. Р. Бичковъ: Матеріаль по можливо-
сти выкористаеме. Дякуеме.

Звертаеме увагу нашимъ читателямъ,
что уже появилъ журналъ «Зоря». Зака-
зуйте его въ нашей канцеларіи. Сторонъ
200. Цѣна 3.— П.

«Литературна Недѣля» выходитъ каждого другого
тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата:
на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и
администрація: Унгварь Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества
Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság
nyomdájában Ungvárott. 1941.—157.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДЪЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 13.

Зъ дня 9. новембра 1941.

Р. 1.

РОЗСУДЖЕНЫЙ

(Народна баллада.)

Ой ходила по садочку,
По зеленомъ барвиночку,
Ой ходила, говорила,
Не е того, что-мъ любила.

Не е того тай не буде,
Взяли его чужѣ люде,
Взяли его, розсудили,
Обы мы-ся не любили.

Не плачь мила, не журися,
Я щи легинь, не вженився,
А якъ буду женитися,
Дамъ ти пива напитися.

Скочу въ воду, утоплюся,
На каменци розобюся,
Тѣло страчу, душу згублю,
Черезъ тебе, бо тя люблю.

Мнѣ твое пиво не диво,
Мнѣ твое вино не диво,
Лишь дивуе твоя мати,
Что не дае мене взяти.

Твоя мати чаровница,
Превелика розлучница.
Розлучила рыбку зъ водовъ,
Розлучила любка зъ любковъ.

Твоѣ братья мене кляли,
Чтобы мы ся не побрали,
Твоѣ сестры, мене били,
Обы мы-ся не любили.

Записавъ: И. Попадюкъ.

НЕ НАЗВЕШЬ МЕНЕ СОКОЛОМЪ.

Не назвешь мене соколомъ
Зъ сизыми крылами,
Чтобъ зъ вѣтрами боротися
Ще й полонинами.

И орломъ мене не назвешь
Въ гнѣздохку на скалѣ,
Чтобъ изъ моря я доносивъ
До тебе коралѣ.

И бузькомъ мене не назвешь
Зъ довгими ногами,
Чтобъ долѣтавъ и доходивъ
До тебе багнами.

И соловейкомъ не назовешь
Въ зеленому гаю,
Чтобъ пѣснями сказовати
Кого якъ кохаю.

И зозулею не посмѣешь
Мене называти,
Бо не знаю, сколько маю
Я кому кувати.

Межи птахами не вышукуй
Про мене назвиско,
Бо я уже межи людьми
Проходжуюся низько.

Николай Гуштакъ Тура-Пасѣка.

ОБРАЗЧИКЪ

Сонце пекло зъ усѣхъ силъ: пекло ажъ розкальовало желѣзнѣ дахи палаты. Трогуары и дороги розогрѣлися такъ, что выдавали изъ себе дразнячій запахъ смолы.

Воякъ въ чоботахъ и теплой гусарской униформѣ, не уважаючи на горячь, прохожовався изъ своею знакомою, яка служила въ городского лѣкаря. Притиснувши саблю до ноги, дзенькаючи острогами ходивъ онъ зъ нею горѣ, долѣ по безлюдной улици и смѣшивъ еѣ невдалыми вояцькими фиглями.

Наконецъ гусарю надоѣло стояти на сонци. Пойти не есть де, бо грошей не есть. Глядѣти на сукна, цукорки, парфумы та кожъ надоѣло... Мовѣ пробудилися коло фотографичного окна. Розглядають фотографіѣ. Всякѣ лица позиманѣ: одиѣ зъ рамами, другѣ безъ рамъ; суть барвистѣ, суть и наскоро зробленѣ: дорогѣ и дешевѣ. Туй пара молодятъ, тамъ дама зъ голыми плечима. Тамъ якийсь панище зъ подбородкомъ... Всяка челядь: вояки, тай ще и коминарь въ углѣ зъ дротомъ на плечи.

— Зайти бы. Хоть часъ утече. За фотографією и такъ не прииду — роздумовавъ собѣ гусарь.

— Ходѣмъ, здоймемся — сказавъ потомъ голосно. Служниця зачервенѣла, поникала на груди и юбку, и сказала: Я не одяглася якъ треба. Я въ синемъ платѣ.

— Хиба! — махнувши рукою сказавъ гусарь. — Кобы фотографія была и лице файно показовало... Ходѣмъ — сказавъ, взявъ еѣ за руку и пошли въ ателие.

Фотографистъ бивъ тогда въ коморѣ и шолопонѣвъ у водѣ. Треба было чекати. Тымъ часомъ гусарь приглядався аппаратови а она фотографіямъ, розвѣшенымъ по стѣнахъ.

Появився и фотографистъ. Невеличкий собѣ чоловѣкъ зъ наѣженымъ волосьемъ.

— Что треба? — звѣдае фотографистъ.

— Зняти — каже гусарь.

— Обохъ?

— Обохъ.

Фотографистъ начавъ тягаться зъ тяжкимъ аппаратомъ по комнатѣ и продовжавъ:

— Кажете обохъ зняти?

— А якъ! Самъ я вже не разъ знимався — каже гусарь и гордо позирае на неѣ.

— А такъ? — сказавъ фотографистъ.

— Ей Богу. Первымъ моимъ образчикомъ бивъ вырѣзокъ изъ чорного папѣря. Якийсь парижскій майстеръ готовивъ его на зборъ... Я тогда еще дѣтвакомъ бивъ.

Умовкли. Фотографистъ погремѣвъ въ аппаратъ, дасколько разъ подувъ на чочку, обтеръ еѣ шириночкою и проговоривъ:

— Якъ хочете: стоячи ци сидячи?

— Я думаю стоячи. Такъ далеко лѣпше — сказавъ гусарь и ще разъ глянувъ на служницю.

— Нѣ! Усе лѣпше сидячи — сказала она.

Сѣли на невеличкий помальований столчикъ. За плечами на стѣнѣ нарисована картина: зеленый сосновый лѣсъ. Подъ лѣсомъ ручай и трава. Надъ лѣсомъ синее небо, бѣлѣ тучѣ, сонце. Тай птицѣ на деревахъ. Зовсѣмъ романтична картина.

Гусарь знова сѣвъ а она тѣсно коло него. Ноги склали разомъ у восьмирку.

— Чоботы буде видко — зазвѣдала она показуючи перстомъ на ножища гусаря.

Фотографистъ высунувъ изза аппарата голову и сказавъ: — Ногъ не буде видно.

Гусарь чудуется:

— Якъ? Безъ чоботъ?

Фотографистъ ничего не сказавъ и знову занявся аппаратомъ.

— А вы простѣтъ — начавъ сердитися гусарь, — за своѣ грошѣ я маю право потребовати отъ васъ то, что хочу... Зробѣтъ такъ, чтобы и шпоры было видно, бо безъ нихъ выйде якбы я не гусарь.

Фотографистъ теперь вже не высунувъ голову изза аппарата, только такъ роздувъ персты и затрясъ рукою надъ головою, что и говорити не треба.

— Чому не можъ? — звѣдае гусарь.

— Не выйде файно...

— Чому не выйде? Видавъ вы майстеръ

въ своѣмъ дѣлѣ. Я наприкладъ лише свисну на свого коня а онъ такъ и бѣжитъ до мене...

— Апаратъ не конь... И мѣста не есть... Не можъ.

— А я видѣвъ и зъ чоботами...

— То знимали въ природѣ...

— Вы бы могли и въ природѣ попробовать...

Гусарь вставъ и она встала. Высунувши праву ногу мало впередъ, гусарь обнявъ еѣ за поясъ а она спустила голову на его груди.

Фотографистъ высунувъ голову, поглядѣвъ на нихъ:

— Вы чому стали — зазвѣдавъ.

— Чтобы и чоботы видно — отповѣвъ гусарь.

Фотографистъ скрививъ лице и ставъ опять суетитися зъ аппаратомъ дручаючи его то впередъ то назадъ...

— Усмѣхайтесь. Больше...

— Кто? — зазвѣдавъ гусарь.

— Я? — заговорила она.

— Гусарю!.. Розтворяйте ротъ. Покажѣть зубы... Чому зубы не показываете? — горячився фотографистъ.

Гусарь глядѣвъ на аппаратъ, на выгнутый задъ фотографа и молчалъ.

— Чому ротъ не отворяете?

— Менѣ два зубы хиблять...

— Тогда выше брови... Такъ... уважно...

Фотографистъ ставъ и прямо хотѣвъ здавити гомбичку, якъ въ тотъ часъ гусарь неожиданно обернувся до него изъ вопросомъ:

— Но я думаю, что сидячи знятися было бы лѣпше? — зазвѣдавъ онъ и сѣвъ на лавку.

Сѣла и она. Фотографистъ начавъ сердитися. Дубнувъ ногою и зъ гнѣвомъ обернувся до гусаря:

— Вы не дурѣйте! Часъ дорогой...

— А моѣ грошѣ полова, что?

Фотографистъ змягчивъ тонъ. Видѣвъ, что зъ гусаремъ иначе не можъ.

— Ну, чому вы сѣли? Чому — звѣдае.

— Такъ лѣпше. Бо и ноги болятъ.

Фотографистъ нервово поправивъ отшийникъ на сорочцѣ и опять завозився зъ аппаратомъ.

— Теперь уже держѣться серьезно... Не рушайтесь. Мало тихше... говоривъ фотографистъ.

Въ работѣ настала мертва тишина. Гусарь и служница приняли имъ властивѣ позы, глядѣли заперши отдыхъ на сочку аппарата.

— Тихо... Разъ, два, три — проговоривъ изъ страхомъ фотографистъ и стисъ гомбичку. Апаратъ дзвякнувъ. Фотографистъ выпрямився.

— Готово? — зазвѣдавъ встаючи гусарь.

Только теперь замѣтивъ фотографистъ, что въ розсіяности забывъ онъ свѣтло запалити. Проекторы не горѣли. Образокъ не удался.

— Нѣтъ! Сѣдайте... Изза вашего говореня сказивъ я пластинку — сердито крикнувъ фотографистъ и зъ ненавистью глянувъ на гусаря. Все то починало ему надоѣдати.

— Вы бы тихше были... Вамъ грошѣ... — заговоривъ гусарь.

— До чорта зъ вашими грошми! Лѣпше мовчѣть...

Фотографистъ покрутивъ, повертѣвъ чтось въ аппаратѣ, выинявъ пластинку и пошовъ въ комору. Тамъ погромѣвъ, посважався а потомъ знову вернувся до аппарату. Засунувъ въ него пластинку и запаливъ свѣтло.

Гусарь прижмуривъ очи. Фотографистъ зогнувся, прикрывъ голову черною плахтою и знову ставъ налажовати аппаратъ.

— Спокойно. Не рушайтесь... Здоймѣть руку. До чорта, зъ вами лише бѣда! — сказавъ фотографистъ.

— Зъ кимъ? — зазвѣдавъ ображенный гусарь.

— Зъ кимъ? Зъ вами несчастнику — говоривъ гусарь приходячи до гнѣву.

— Кто несчастникъ?

— Вы!

— Глядѣть на него — ударивши саблею въ подлогу, говоривъ гусарь. Якъ бы даромъ знимавъ. А то за грошѣ тай ще ему ротъ ходить...

— Перестаньте дурницѣ говорити!.. — сказавъ фотографистъ опять мало спокойнѣйше, чтобы лише збытися ихъ.

Гусарь въ тотъ часъ открывъ ротъ и по-
зѣвнувъ якъ левъ.

— Не зѣвайте, до Бога!

— Якъ бы чортъ розпиравъ ротъ. Сло-
на хочеса зѣсти, такой аппетитъ — гово-
ривъ зѣваючи гусарь.

— Лишь мене не зѣчте — крикнувъ
фотографистъ и взявся за аппаратъ.

— А-а-а! — замычавъ гусарь.

Фотографистъ затрясъ аппаратомъ и за-
кричавъ:

— Держѣть ротъ. Вы всѣ пластины ме-
нѣ покажите.

— Якимъ способомъ?

— Бо зѣваете!

— Гусарское дѣло.

— Чортъ менѣ до вашихъ дѣлъ. На об-
разку будете зѣ роздявленымъ ротомъ.

— Хиба то бѣда?

— Правда что бѣда. Еще больше: гань-
ба!

— Кому? — звѣдае гусарь.

— Вонъ! — кричитъ фотографистъ въ
отвѣтъ.

— Хоть бы вонъ...

— Вы менѣ, менѣ, вы, идиоте.

— Что?

— Дуракъ вояцкый! Морда гусарска!!!

— Якъ вы смѣете? За моѣ грошѣ?

— Идѣтъ вы до чорта изъ своими грош-
ми. Вонъ! — кричавъ въ гистеричѣ фото-
графистъ.

— Кто? То менѣ?

— Такъ! Идѣтъ собѣ!

Гусарь потихи вставъ, поправивъ мун-
дуръ, взявъ подъ руку дѣвчину и спокой-
но выйшовъ на улицу.

Змеркалося. Дома метали поперекъ
улицѣ довгѣ, великанскѣ тѣни.

ИШЛИ ТУРКИ ЗЪ ТАТАРАМИ.

Ишли турки зъ татарами,

Вѣлу чилядь забирали...!

Награфивъ вять на тициньку, —

Имивъ еѣ за ручиньку,

Прививъ еѣ въ своѣ дома:

„Жоно, жоно отворь брамы!

Веду я тобѣ служничку,

Тай до хижѣ захидничку“.

„Менѣ было не водити,

По семъ ѣ было загубити“.

„Ой, цыть, жоно, до суботы,

Завдаме ѣй три роботы:

Оченьками стадо пасти,

Рученьками кужѣль прясти,

Нйженьками дѣтя колысати...“

Она дѣтя колысала,

Тай такъ ему заспѣвала!

„Чучай, чучай дѣтя мое,

По доньцѣсь ми внуча мое“.

„По чомусь ня испознала?“

„У недѣлькусъ травку жала,

Собѣ палець порѣзала“.

„Слуги моѣ найвѣрныѣ,

Впряжѣть конѣ вороныѣ,

Натырхайте срѣбломъ, злотомъ,

Та везѣть ѣ въ своѣ краѣ.

Ушитко тамъ полишайте,

Лемъ самѣ ся повертайте“.

Въ Чинадѣвѣвъ запис.: Емилианъ Балецкый.

ВЪ ВОЛОСЯНЦЪ...

Въ Волосянцѣ война была, козаки ся били,
Въ Волосянцѣ коло моста генѣрала вбили.
Коли його та убили, вѣкъ¹⁾ тѣлько промовивъ:
Берѣть мене въ тоту землю, де я ся народивъ.
Пришли д'ньому санутицѣ, занутеровали,
Його жѣнцѣ, його мамцѣ смутный листъ писали.
А якъ жѣнка, а якъ мати смутный листъ достали,
Изъ жалости, изъ баности до землѣ припали.
Ой, сынку мѣй, каже, сынку, тяжкомъ тя кохала,
Выладила на вѣйночку, вбымъ ты не видала.
Выладиламъ на вѣйночку въ чужу стороночку,
Та обы я не видала свою дѣтиночку.

Въ Пилипцѣ записавъ: Юлій Лакатошъ.

¹⁾ Букву ѣ можно читати якъ мадярську букву u, ŷ, i. Редакція.

Ф. Потушнякъ:

Звѣрѣ и птахи въ народномъ вѣрованю

Звѣрѣ въ початкахъ религійного жита чоловіка выступае все якъ втѣлення або осядокъ божества або демоновъ, предковъ котрѣ померли. Обладае отповѣднымъ элементомъ, сила котрого переноситься на него, выражае все якусь силу або символъ (а символъ означае тутъ только якъ дѣйственность; тымъ онъ есть въ отношеню зъ помершими а такъ и снами). Отси и тотемъ. — Въ звѣрѣ видиться якусь силу, почитаеся еѣ для наклоненя къ собѣ, называеся его именемъ для отнесеня себе до неѣ (бо имя заступае предметъ), черезъ аналогію чимъ зъ часомъ повстае цѣлый системъ спородненя зъ нимъ. Такое самое отношеня до звѣрятъ видиме и въ сучасномъ фолклорѣ и вѣрованяхъ, котрѣ суть останками глубокой старины и котрѣ не даються инакше раціонально выяснити.¹⁾

Въ нашихъ народныхъ казкахъ кромѣ вовка и гада выступае цѣлый рядъ звѣрѣвъ и птицъ: конь сѣбногривъ, лисъ, розиѣ птицѣ и т. д.

¹⁾ П. Богатырьевъ догадуеся наоборотъ, что тѣ повѣрья повстали якъ стремленя выяснити табу яко заборону убавати звѣрята а потомъ черезъ подобность тѣлесну межѣ звѣремъ и чоловікомъ — отже се не суть пережитки тотемизму (Act. mag. rit. et croyances en R. S. p. 150).

Птицѣ звычайно мають свое царство, своего царя, де въ дивныхъ палатахъ суть розиѣ богатства и чуднѣ рѣчи. Они можуть несподѣвано мати палату середъ лѣса у звычайному дуплѣ, обладати чародѣйными рѣчами або тайнами, лѣтати за сѣмъ морь и за сѣмъ горъ, знати про водищу-живищу, знати судьбу и т. д. Коникъ зображае звычайно быстроту и силу, корова доброту, коза матѣрь, когутикъ вѣщуе, орелъ и др. хижакѣ чародѣе и п.) И все то закончено и представляе изъ себе крѣпкий, казковый свѣтъ маючий свою феноментальну дѣйственность.

Такъ самѣ поняты и про звѣрятъ у вѣрованяхъ. Замѣтно, что всѣ они зъ походженя люде. Медвѣдь — се бывший мельникъ, який бравъ фальшиву мѣрку и за се стався медведьемъ. «Коли его обдерти, то выглядае якъ чоловікъ а она мае цицьки якъ жона». Вовки происходятъ отъ вовкуновъ. Конь повставъ зъ чорта. Чоловѣкъ тягъ самъ борону а чортъ сѣвъ на него.

¹⁾ Всѣ сѣ кавки находятся въ устахъ нашего народу. Записанѣ по части и появились друкомъ (Б. Мартиновичъ: „Подкарпатскѣ Кавки“, „Подк. Нар. Кавки“ выд. Общ. Наукъ ч. 4.; В. Гнатюкъ: Кавки и др. Дачто и въ прессѣ якъ Нашъ Родный Край и др).

чтобы еще тяжшею была. Богъ обернувъ его за се въ коня. А тому что дуже быстрый бывъ, вытягъ ему жилу зъ ноги тамъ, де теперь твердое на стегнѣ. Тому конь нечистое звѣря. »Зато и не везуть нимъ мерца, але волами«. Душа жидовска поселяея по смерти въ коня.

Свиня повстала изъ жидки. Тому она жидамъ не добра ѣсти. (Жиды сховали жидку подъ корыто и звѣдали Христа, кто тамъ. Христось сказавъ: »свиня«. И она обернулася въ свиню).

Кертиця повстала изъ хлопця, якого несправедливый братъ сховавъ подъ межу, чтобы своимъ голосомъ обманувъ старосту и выигравъ межу на братѣ.¹⁾ Воль изъ русина, бо и онъ робить найтяжше, якъ и русинь.

Козы мали колись пазурѣ на ногахъ, але Христось попасуючи овечки заложився зъ чортомъ, котрый козы попасовавъ, что чий бузь скачаея въ долину и не розобѣея того обѣ стада. Козы повлѣзали на дерева и доки чортъ позбиравъ ихъ, Христомъ бузь уже затвердѣвъ и т. д. Христось пооттинавъ потомъ, перебравши ихъ, тѣ ногтѣ.

Де въ хлѣвѣ пробывае ласиця, тамъ ведеся файна худоба такой барвы якъ она. Якъ убити еѣ, то и худоба така гине (символь заступае самъ предметъ).²⁾ Тоже относится и до ластовки, котра гиѣздо ставитъ подъ дахомъ хлѣва: Коли сказити еѣ гиѣздо, то корова буде давати кровь, коли убити еѣ, корова здохне. Взагалѣ скоты се немовъ люде. На роздво, новый рокъ. Великдень худоба говорить изъ собою. Она, якъ и всѣ звѣрѣ, знае говорити, лишь мы то не розумѣе. Кто бы его розумѣвъ, знавъ бы многѣ тайны. Головно домашня рогата худоба есть почитана: Корова, се немовъ мати, тому еѣ низачто не рѣжутъ, але лишаютъ радше загинути.³⁾ Всякое

¹⁾ Селяне уважають великимъ грѣхомъ порушеня межѣ. И стару межу не рушаютъ середъ поля. Кто рушитъ межу, впаде въ нечисту хвороту («имитися до него чортъ, котрый въ межѣ сидитъ»). Старосты знають окремое заклятя межѣ и въ важныхъ припадахъ божать на межѣ.

²⁾ Гуцулы обходятъ и всято ласички (Гл. В. Гватуокъ: Гуцулы „Подк. Русь“ I. ч. 2. ст. 50).

³⁾ Гляд. олов. „Якъ Ондулякъ продавъ Тарчулю“ Ир. Легезы и др.

»дыханіе« хвалить Бога, коли иде спати; Хоть зотхне до Бога. Но въ звѣрятахъ не есть душѣ, лишь пара, говориться, хоть вѣруея инакше, головно относительно до рогатого скота.

Такожъ птицѣ повстали зъ людей. Зозуля изъ дѣвчины, котра краяла на великдень. Воробецъ повставъ зъ брата, котрый задирався изъ сестрою а отецъ его проклявъ, тому и »чиринкае«. Бузьокъ изъ чоловіка, котрому Христось давъ отнести мѣхъ изъ паскудью, онъ розвязавъ по дорожѣ а они вылѣзли. За то обернувъ его въ бузька и онъ ходитъ ихъ збираючи. Ворона-дѣвчина, яка гойкала за Христомъ »кравъ«. За то »кранкае«. Дятель стався зъ майстра и т. д. И такъ вѣрится и про другѣ звѣрята — »всѣ звѣрѣ зъ людей«, або изъ другихъ звѣрятъ повстали метаморфозою.

Такожъ суть и другѣ повѣря про звѣрятъ и птаховъ. Напр. корибликъ¹⁾ корить Бога. Несе стебло въ дзьобѣ и гойкае: »Иду тя Боже бити« и п. Сорока вѣщуе новину, коли обѣвиться коло хаты и заскрегоче (и она зъ людины). Волось заворачиться въ тѣло (напр. ногу), и проверчуея наскрозь. Ящуръ жовтый (саламандръ) въ огни не згорить. Ястряба высижуе зозуля. Каня п'е воду лише зъ хмаръ за кару, бо не хотѣла черезъ гордость пити изъ другими звѣрятами. За то лѣтае въ хмарахъ и просить дощу. На земли ей не дозволено воды напиться. Такожъ тутъ спадають подъ увагу и демон. звѣрята якъ котъ, бо онъ все зъ вѣдьмами держитъ якъ перейде свой часъ.

Звѣрята выступають у ворожкахъ якъ автодинам. магичн. агенциѣ, все за отповѣдныхъ акциденцій часовыхъ, якъ складники вольту (ихъ части), а такожъ якъ порушающѣ агенциѣ при сильныхъ магичн. акцид. часовыхъ, якъ свята поры року и п. Тутъ передовсѣмъ выникають плазуны и земноводнѣ.

Замѣтно, что жаба, котра мае велику магичну функцію, въ книжной магии грае и тутъ ту саму ролю. Напр. дадутъ зѣсти жабѣ чтось зъ того, что было въ контактѣ

¹⁾ Жайворонокъ.

зъ об'ектомъ. Потому ту жабу колькають иглами и говорятъ магичну, словну форму, чтобы замѣрити маг. акцію на об'ектъ и спричинили ей боль. Жабу можна «наслати» на якусь хату и тогда тамъ буде ненависть. Таку жабу зловлять, варять и звѣдаютъ, что кто еѣ наславъ. Якъ скаже, пустиать. Такожъ жабу можъ послати мѣсто якоѣсь особы. Тамъ еѣ треба зловити, притяти голову а та особа помре заразъ.

Лилика ловлять, кладуть въ копинку, чтобы мурашки изѣли мясо, добывають зъ него «вилочки» и «грабильки». Коли тыми грабильками дѣвча потаемно грабне хлопця до себе — онъ не буде могъ жити безъ неѣ. Коли вилами одрутить, онъ лишитъ еѣ.

(Продовженя слѣдуе.)

Н О В Ъ К Н И Ж К И

Симеонъ Ив. Панько: «Мой путь» (стихи и проза). Библиотека современ. угрорус. писат. Ужгородъ, 1941. 16, ст. 62.

Въ теперѣшнемъ часѣ, коли такъ тяжело выдаються книжки не только у насъ, але и у другихъ народовъ, наша литература доповнилася все новыми и новыми книгами. Миссию выдання литературныхъ книжочекъ выдае не только Подк. Общество Наукъ, але и мѣстиѣ нашѣ періодичнѣ газеты. Таку широку издавничу роботу можеме собѣ пояснити великимъ ростомъ кадра нашихъ читателей. Всяка у насъ выданна книга, въ чѣмъ выданю она бы не появилася, голоситъ передъ культурнымъ свѣтомъ, что нашъ народъ жие и пробивае собѣ дорогу до науки и культуры.

Недавно появившаяся книга Симеона Панька заслугоуетъ особистого интересу. Каждого нашего историка литературы удивляе, что у насъ до теперъ было такъ мало поетовъ, котрѣ бы писали для художства. И се цѣлкомъ зрозумѣло. У всѣхъ нашихъ передвоенныхъ письменниковъ-поетовъ было стремление подняти нашу литературу на высоту другихъ литературъ.

Тому у насъ Духновичъ одночасно являеся представникомъ псевдоклассицизма (Добродѣтель перевысшае богатство) и романтизма, частинно и сентиментализма, но тоже и социального реализма. Въ повоеванной нашей литературѣ мы вже находиме поетовъ-письменниковъ, котрѣ своими писаними обхопили всѣ тодѣшнѣ литературнѣ напрями и попробовали писати на способы всѣхъ -измовъ.

Авторъ книги поезій «Мой путь» — Симеонъ Панько несумнѣнно принадлежитъ до поетовъ чистого художства. Правда, молодой поеть пробуетъ мѣстами писати и въ иншомъ напрямѣ, однакъ наибольше искренности и выразности достигае въ поезіяхъ чистого художства. Найсильнѣйшою частиною есть цикль: «Съ журавлинымъ караваномъ». Поеть мало застаювается надъ социальнымъ положениемъ своего народа, однакъ зъ каждого рядка дыхае его любовь до своихъ горъ, рѣкъ, полонинъ и нивъ. Для доказу сего най послужитъ тутъ одинъ примѣръ:

И вотъ родныя горы, нивы,
Кругомъ долины и поля,
Потокъ всегда, при всемъ игривый,
Карпаты — Родина моя.
Миѣ слышны пѣсень переливы...
Сады, заборы и цвѣты,
Въ потокъ глядятся вербы, ивы...

Въ прозѣ авторъ малюе простое подкарпатское житя, але своихъ героевъ приводитъ въ реальномъ освѣтленю. Героѣ его — се дѣйствиѣ паньковскѣ героѣ.

Критикъ.

КУЛЬТУННА КРОНИКА

Открываеме нову сторонку зъ культурного житя нашего народа. На семъ мѣстѣ будеме помѣщовати всѣ такѣ короткѣ статѣ, котрѣ въ деякихъ оношенияхъ относятся до литературно-культурного житя русиновъ. Коротко зреферуеме про театральнѣ выставки, новѣ книжки, статѣ въ розныхъ европейскихъ часописахъ и т. д.

Журналъ „Katolikus Szemle“, роч. 54. (1940), ч. 7. на ст. 269—273 принесе статью князя Николая Массальского: Kárpátalja vallási viszonyai (Религійні отношенія на Подкарпатію). Въ сей стать авторъ на основѣ властныхъ спостереженъ и интормаций отъ частныхъ людей дае историчный переглядъ развитку религійныхъ отношенъ на Подкарпатію. „Láthatár“ (Kisebbségi kulturszemle), роч. VII. 1939., ч. 7. помѣстивъ статью А. Бонкала: Kárpátorosz, nagyorosz, orosz, ruszin, rutén, uhrogusz, ukrán. (ст. 292—295), въ которой авторъ, переглядаячи назвы, якими нашъ народъ звыкли называти, приходитъ до конклузіѣ, чтобы русиновъ называти »угрорусами або русинами«. Всѣ ишѣ назвы треба откинути.

Еще въ 1939-омъ роцѣ въ Сегедѣ появилась цѣнна метеорологична книжка Ирены Варади: Kárpátalja, Bodrog és Felső-Tisza csapadék viszonyai (Опадовѣ отношенія на Подкарпатію, надъ Бодрогомъ и Верхнюю Тисою), ст. 83 + 32 мапъ. Книгу допоруцаеме всѣмъ тымъ, котрѣ интересуються спеціалными геогратичными вопросами Подкарпатя.

Г. Геровскій въ пражской „Slávia“ (р. 1940) подавъ основной языковой розоръ мараморошской грамоты зъ 1404. року.

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

О. Карльось, Бочковъ: Вашу статью помѣстиме въ календарѣ.

Б. Б. Унгваръ: Той панъ, котрый сказавъ, что отъ Попрада ажъ до Камчатки жие одинъ народъ, теперъ являея посломъ (депутатомъ). Свою культурну дѣятельность зачавъ въ быв. »Просвѣтѣ«. Мы такъ знаеме, что по російски не знае.

Просиме нашихъ читателей, котрѣ мають излишнѣ числа отъ 1. до 5. »Литера-

турной Недѣлѣ«, най будутъ такѣ ласкавѣ намъ ихъ переслати назадъ. За 5 чисель, цѣна котрыхъ есть 50 фил., достануть одну книжку зъ нашихъ выданъ въ цѣнѣ 50 фил.

Въ числѣ 13-омъ »Литер. Недѣлѣ« было вылишено имя автора новелѣ: »Само сердце знае, кого оно кохае«. Авторомъ есть Турянский. Просиме нашихъ читателейъ попраити сесю нашу помилку.

УВАГА!

УВАГА!

Появилось
на иновѣйшее выданя
Подкарпатского Общества Наукъ,
научовый журналъ

З О Р Я

Чис. 1—2-ое, роч. I. стор. 196, цѣна 3— пениге.

Содержаня:

Антоній Годинка: Нашѣ клерики въ Тирнавѣ отъ 1722—1760 р. (ст. 18—29)
Александръ Ильницкый: Графъ Василій Телеки и его доминя въ Марамороши (1751—1780), (ст. 30—43)
Ирней Конратовичъ: Новѣ пути подкарпатской историографіѣ (ст. 44—53)
Александръ Бонкало: Русскый литературный языкъ (ст. 54—71)
Иванъ Гарайда: Причинки до поясненя назвъ нашихъ селъ (ст. 72—83)
Федоръ Потушнякъ: Огень въ народныхъ вѣрованяхъ (ст. 86—114)
Александръ Грабаръ: Хижое птацтво Подкарпатя (ст. 114—147)
Александръ Маркушъ: Коровку гнали... (оповѣданя), (ст. 148—161)
Библиографія, Культурнѣ вѣсти, Некрелогъ, и т. д.

Закавуйте въ канцеларин

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩ. НАУКЪ,
Унгваръ, Другетова площа 21.

»Литературна Недѣля« выходитъ каждого другого тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгваръ Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—220.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 14.

Въ дня 23. новембра 1941.

Р. 1.

А. Грицакъ.

ДО СОНЦЯ!

*Ночь пануе. Тиша всюды.
Блѣдый мѣсяць свѣтитъ
И голубить соннѣ люде,
Адамовѣ дѣти.*

*Занѣмѣло поле, горы,
Сплять дрѣмучѣ села,
Затихъ лѣсу шепоть-порывъ,
Й пѣсня ихъ весела.*

*Легкий лѣтае, лишь вѣтеръ
Розпускае крыла,
И колише соннѣ вѣты.
Землю ночь закрыла.*

*Гляньте очи! Сяють зорѣ,
Ранокъ быти хоче?
Ци проспались може горы?
Ну же! гляньте очи!*

Сигма:

Испытъ Петра зъ музыки

Музыки учивъ Петра черезъ чотыри роки профессоръ музыки. Тому и не знавъ анѣ Петро, анѣ одинъ зъ Петровыхъ школьныхъ товаришовъ грати на гусяхъ и розрозняти интервалы и будовати каденціѣ. До того Петро еще и особисто мавъ причину не знати грати на гусяхъ. Сталося се такъ, что на першой годинѣ музыки самого першого рочника учительской семинаріѣ, найлѣпший знавецъ и диригентъ всѣхъ оркестровъ и хоровъ въ городѣ, выкликавъ Петра отвѣчати. Гуслѣ мусѣвъ мати каждый зъ насъ — се бивъ предпись и условіе до принятя, — отже мавъ ихъ и Петро. Въ дорозѣ зъ дому до школы, на одной желѣзничной станціи, де мали мы чекати на поѣздъ майже двѣ-три години, купивъ Петро у одного циганиина за восемьъ

коронъ гуслѣ. Сякъ робили всѣ мы, котрѣ поступали до семинаріѣ, не звѣдаючися никого, ци скрипки отповѣдиѣ до граня, ци нѣ, лише куповали. Цигане давали дешево, а мы куповали.

Гуслѣ Петро отже мавъ... а до того, чтобы выгладати, якъ правдивый музыкантъ-циганъ, мавъ и отъ Бога дарованое свойство: бивъ чорный, якъ сажа, ци властиво чорный, якъ правдивый циганъ. А до того мавъ еще и чорное шатя. Ну, не такое чорное, якъ паны мають, изъ сукна, але звичайный собѣ чорный цалть.

Взявъ Петро гуслѣ до рукъ и выйшовъ передъ катедру, де стояли на стоянкахъ рознѣ скрипковѣ школы-вправы. Ставъ передъ однимъ стоянкомъ и чекавъ на знакъ фаховця-профессора, чтобы лише зачати и тягати смыкомъ горѣ-долѣ по скрипкахъ.

А профессоръ мѣсто того, чтобы дати знакъ до грабя, сплеснувъ долонями и зачавъ шалено смѣяться.

А спробуйте вы въ товариствѣ реготатися, увидите, что заразы пойдѣ за вами цѣлое товариство и заразы загомонить сала смѣхомъ. Такъ сталося и изъ Петромъ. Профессоръ розреготався, а мы хлопцѣ, однѣ свѣдомо, другѣ несвѣдомо, але смѣялися — что вамъ скажу — реготалися всѣ. Цѣла сала реготалася... А было насъ на салѣ десь до сѣмдесятеро. Профессоръ смѣявся, хлопцѣ реготалися а Петро небо-ракъ стоявъ собѣ зъ гуслиами въ рукахъ и спустивъ очи. Что казати, але мало быти Петрови тогда дуже нѣяково. Мавъ почуватися ни сякъ — ни такъ.

Коли вже ни профессоръ, ни хлопцѣ не выстарчали духомъ, затихли а въ салѣ стало нагло, якъ у гробѣ. Тихо... такъ тихо. А ся тишина, еще больше убивала.

Середъ сей гробовой тишины, проговоривъ докторъ музыки.

— Але Петре, выглядаешъ, якъ правдивый циганъ-музыкантъ.

Здається сего вже было и Петрови за много. Мало вдарити ему до головы, згадавъ всѣ насмѣшки дитячихъ днѣвъ, згадавъ всѣ злиднѣ товарискихъ игорь на селѣ. И тамъ на селѣ межи родными, межи найближшими, коли кто хотѣвъ его розсердити, образити, отъ забавы отдалити, выстарчало, коли сказали ему: ты циганъ, ты Кодей (такъ звали у насъ цигана музыканта).

А то еще й тутъ, на чужинѣ прийдеться ему терпѣти зневаги, погорды и насмѣшки. Нѣ, сему не быти. Онъ больше тутъ передъ ними грати не буде, онъ больше тѣ гуслѣ до рукъ не возьме. Изъ него не будутъ насмѣватися: ни товаришѣ, ни профессоры. И сердито положивъ гуслѣ на столъ. Что то положивъ... Кинувъ ними, хряснувъ ними на столъ такъ, что кусниками розлетѣлися по цѣлой классѣ. Всѣ мы остовпѣли. И профессоръ и хлопцѣ. Але ани профессоръ, ани хлопцѣ не сказали

Петрови ани слова. Здається отчували, что чось некрасное зробили изъ Петромъ. А Петро уклонився передъ катедрою (скорше передъ катедрою, якъ передъ профессоромъ, якого въ сей хвилини ненавидѣвъ онъ изъ глубины душѣ). Обернувся и острыми кроками пошовъ на свое мѣсто.

Черезъ чотыри роки семинариѣ Петро больше до рукъ гуслѣ не взявъ.

Однако и напротивъ того, ани на одной конференциѣ зъ музыки зле не стоявъ. Мавъ усе посереднѣ ноты. Разъ добрый, разъ достаточный, а въ одной классѣ досягъ даже и дуже доброго успѣху. Все се залежало отъ того, ци могъ перевысшити товаришовъ своихъ у теоріи музыки, а головно отъ того, ци принесъ онъ добру вѣстку, доброго листа отъ приятельки пана профессора.

Та при конци своей науки пришлося и Петрови, противъ всѣхъ своихъ зарѣканъ взяти до рукъ зненавидженѣ гуслѣ. Се сталося при самой матурѣ. Коли бы добра воля профессора, могло обыйтиса и безъ сего. Могъ онъ дати Петрови вопросы чисто теоретичнѣ, або могъ сказати ему заспѣвати тамъ дечто. Та се не могло статиса уже зъ той простой причины, что недалеко передъ матурою цѣла класса посердилася зъ профессоромъ, а онъ теперь на цѣлу класу остривъ своѣ зубы. До того въ тыхъ дняхъ отдалася за другого и его приятелька, тому панъ профессоръ мавъ поганый настрой, а Петро не мавъ вже отъ кого носити листы.

Пару тыжнямы передъ матурою, коли вже всѣ мы покупили собѣ палицѣ, коли вже всѣ числили дны и чекали на той, коли достанеме папѣрь изъ титуломъ «панъ», профессоръ музыки грубо образивъ насъ. Якѣсь каденциѣ не знали наразъ розлуцити, зачто назвавъ насъ маргою, якѣ передъ яслѣ треба вязати и сѣномъ — соломою годовати. Такой образы мы не могли знести, мы, якѣ за пару дней ци тамъ за пару тыжднѣвъ вже панами учителями будеме и просто выкинули фаховця-профессора зъ классы. Передъ дисциплинарку было вже насъ — цѣлый четвертый рокъ ставити

тяжко, а до того и директоръ, до якого и побѣгъ профессоръ изъ скаргою, по нашоу выслуху, ставъ на нашей сторонѣ, — тому для профессора не оставало инше, якъ заскалити зубами и процѣднати скрозъ нихъ:

— Почекайте, приїде матура.

А матура близилася милевыми кроками. Вже и испытъ минувъ, вже мы стали абсолвентами и горячково готовилися до найкритичнѣйшхъ дней каждого студента. Готовилися изъ всѣхъ предметовъ. Лише гуслѣ ани одинъ изъ насъ не взявъ до рукъ. Буде, что буде — сказали собѣ и всѣ были приготовленѣ на то, что у септембрѣ знову приїдеме на поправку.

Та не такъ сталося. Дорогий нашъ директоръ изъ вѣчною ласкавою усмѣшкою на лицю всѣхъ насъ уратовавъ отъ погибели.

Матура изъ реальныхъ и классичныхъ предметовъ пошла гладко. Класса наша такъ на загаль была доста сильна, цѣлѣ роки училися мы добре и каждый тамъ де-что знавъ. Послѣдний день бывъ назначеный на техничнѣ предметы. На наше превеликое щастя въ ночи на сей день похворѣвся головный епархіяльный школьный инспекторъ, а мѣсто него епископъ делеговавъ на послѣдний день матуры одного и слѣпного и глухого каноника. Цивильна влада выслала намъ одного референта — комиссара, який не давно пришовъ до нашего мѣста и зъ нашою музыкальною литературою бывъ слабо обознакомленый. Сего моменту выкорыставъ добротливый нашъ директоръ. Всѣ мы знали, что онъ не допуститъ до того, чтобы цѣла класса муслѣла черезъ музыку приходити на поправку.

А онъ сего и зробивъ.

Насупленными бровами проходжовався своими довгими, якъ у бузька ногами по классѣ профессоръ музыки и видно было на немъ, что у внутрѣ готується до солодкой помсты.

А мыничого собѣ. Сидиме, дивимеся ему въ очи та еще до того и усмѣхаемсея.

А се его еще лѣпше дразнило и сердило. Наконецъ увойшла до классы комиссія. На передѣ череватый каноникъ изъ подвойными окулярами на носѣ, а въ рукахъ нерозстайна зъ нимъ трубка, яку при каждому руху рефлексивно прикладае до уха. За нимъ молодой комиссаръ, а наконецъ похилений напередъ нашъ дорогой директоръ. Та и теперъ тамъ у него тотъ его постійна ласкава усмѣшка.

Посѣдала комиссія. Глухий каноникъ на середину, комиссаръ на правый, а директоръ на лѣвый бокъ отъ него.

Профессоръ музыки ставъ середѣ салѣ, якъ якийсь побѣдникъ, побзеравъ ѣдливо цѣлу классу и выкликавъ першимъ Петра.

Подавъ до рукъ гуслѣ и сказавъ ему:

— Заграйте 252-ѣ вправы.

Знавъ добре, что Петро сего не грае, бо не знае. Хотѣвъ лише насолоджуватися терпкимъ положеніемъ Петра. Мы всѣ подивилися на Петра. Въ очахъ у него блиснула искра гнѣву, яку набизовно завваживъ и директоръ. Петро вже хотѣвъ положити гуслѣ, коли директоръ, еще ласкавѣйше, якъ звыкъ, проговоривъ до него:

— Ану, Петре, заграй, яку руську народну пѣсню.

А треба вамъ знати, что коли ѣхали мы на перший рокъ и на розныхъ станціяхъ понакуповували отъ цигаиъ скрипки, въ поѣздѣ до Ужгороду научився Петро модну народну пѣсню «Чіномъ Полковъ, Чіномъ Йонковъ...» Побзеравъ Петро на свого предорогого директора, наразъ порозумѣвъ его и зачавъ грати:

Чіномъ Полковъ.

Чіномъ Йонковъ...

и перегравъ два разы.

Комиссаръ чось тамъ зазвѣдавъ директора, ци есть се народна пѣсня, что директоръ зъ рѣшучостью потвердивъ, а глухий каноникъ лише пробормотѣвъ:

— Хорошо, очень хорошо...

Что профессора музыки тогда фрасть не улапивъ, тому не Петро бывъ виниень.

Дробенюшко

Были у Дробенюшки два братцѣ рѣднѣ
Та едень ся тай изобравъ, тай пѣшовъ до Вѣднѣ
А изъ Вѣдня до Будину, зъ Будину до Львова —
А ты жѣнко Катеринко оставайсь здорова —
А ты мамко старийкая будь на ню ласкава,
Вбысь ми жѣнку Катеринку та не збытковала.
— Зачавъ, зачавъ Дробенюшко на войну ступати,
Яла йому його мати смутный листъ писати;
А де його написала, тамъ його й поклала:
«Твоя жѣнка Катеринка всю волю зламала,
Твоѣ сивѣ коничейки пороз'ѣжовала,
Твое винце, твое пиво порозшинковала,
А твоѣ куферчики вна попродавала,
Малыйкого Дробенюшко до зимлѣ сховала».
Зачавъ Дробенюшко до дому ступати,
Жѣнка його Катеринка йшла браму втворяти,
А якъ еѣ отворила, такой изомлѣла:
Солодкий мѣй Дробенюшко, давномъ ты видѣла.
А имився Дробенюшко, своего меча,
Вѣдтявъ жѣнцѣ Катеринцѣ головку до плеча.
Пѣшовъ Дробенюшко до своей машталнѣ,
Стоять його коничейки май лѣпшѣ, май файнѣ.
Пѣшовъ Дробенюшко до своего дому,
Його пиво, його винце стоять коло столу.
Пѣшовъ Дробенюшко до своей коморки,
Де полишавъ, тамъ и найшовъ вѣнъ своѣ куферки.
Його мати старийкая на стильчику сидить.
Малыйкое Дробенюшко на ручийкахъ держить.
«Та ци ты ся, моя мамко, Бога не бояла,
Що ты менѣ у вѣйночку смутный листъ писала?
Кидь бы я ся, моя мамко, Богойка не боявъ,
Я бы твоюловицю на дрѣбно порубавъ...

Въ Пилипци записавъ: Юлій Лакатошъ.

Ф. Потушнякъ:

Звѣрѣ и птахи въ народномъ вѣрованю

(Конецъ.)

Всякий звѣрѣ на яри може «зарьовати» чоловѣка, коли его на яри перший разъ «натще» увидить ся. Ворона, та — силу понесе. Курята — жура. Зозуля — не веде ся, попѣкачъ — вонить зъ рота и п.

Такожъ переходъ деякихъ звѣрѣтъ недобрыи (якъ и людей) напр. заяця, пса и п.

Коли дати по половинѣ зѣсти хлопцеву и дѣвчинѣ сердце горлицѣ, то они будутъ вѣчно любитися.

Рыба-мересникъ¹⁾ зловлена на Юря до зорѣ умертвлена на власномъ сердци и дана пити милому въ паленцѣ, подчасъ чого говориться отповѣдна словна формула, замѣ-

¹⁾ Phoxinus phoxinus.

рюча самъ маг. актъ, приворожить его такъ, что ему не буде мѣста.

До вороженя служить ластовчиное гнѣздо, вовча жила, вовчое горло, когтѣ, шерсть, сердце и др. части звѣриного тѣла (коли есть подобность межи ними и цѣлю).

Сюды належить и цѣлымъ рядъ магичныхъ актовъ стремячихъ звязати силу або дѣяльность звѣря напр. чтобы воробки пшеницю не ѣли, чтобы щурѣ обшари опустили. На нашихъ селахъ еще и теперь стрѣчаются «знахарѣ», котрѣ мышамъ, щурамъ, жабамъ, або воробкамъ, блошицямъ и п. знаютъ «розказати». (Напр. проти воробковъ — треба обойти въ повночь, въ субботу голому ту ниву зъ терниною въ рукахъ и отповѣдно приговорити а повертаючи не оглядатися. (И много другихъ, головно относячихся до охоронны стада и п., та они вже належать до звычайныхъ магичныхъ актовъ).

Звѣрята символизууютъ такожь сны. Свиня въ снѣ означае смерть. Песъ, вовкъ лихого чоловіка, конь чорта, рыба адо-роваля и т. д.

Птахи и звѣрѣ появляются такожь у вѣщованно. (Та се вже больше спостережени природы, якъ магич. актъ.)

Наконецъ духи обявляються майже все въ звѣриномъ або пташиномъ образѣ (пташка и п.) подобно якъ по большости другѣ духи.

Уведенныхъ фактовъ доволѣ для сего, чтобы было ясно, что маеме передъ собою останки старинного свѣтогляду, почитания звѣрята якъ тотему — котрое выразно видиме въ нашихъ народныхъ казкахъ въ прямомъ ихъ спосеню зъ вѣрованями.²⁾ Роздѣлъ и отдаленность часова, тутъ не причомъ, коли есть отповѣдна психична основа.

Заблудѣлымъ сынамъ Подкарпатя

Др. Ядоръ Стрипський.

Говорите о насъ, русинахъ, якимсь чужденацькимъ тономъ: «Они творять письменный языкъ, они мають свою литературу.» Они та они, вѣчно лишь такъ зъ далека «они». Сесе чось такое, якобы до насъ отзывався изъ вонка якийсь чехунъ або пришлякъ зъ Москвы. Симъ выразомъ явно выключаеете себе зъ громады русиновъ. Уважаеете себе не русинами, але русскими, хотя прикрываеетея кепенягомъ *guzip nyelv-a*. Робите пропаганду въ хосень русскаго языка, а всетаки выступаеете отъ имени русиновъ — въ оборонѣ «русскихъ народныхъ» правъ. Числите пару сто головъ, а всетаки думаете, ожъ есте представителями 500.000 народа.

Такъ знайте, ожъ русинъ а русскій — се два. Аккуратъ такъ, якъ Дайчъ не есть тотожнымъ зъ Дуйчомъ, якъ себе голандцѣ называютъ, хотъ назвы дуже подобнѣ. Знайте, ожъ на Подкарпатю не есть ниякихъ русскихъ, кромѣ утекшихъ изъ русскаво рая. Тутъ русины живутъ, а въ ихъ имени выступати вамъ *peize!* Знайте, ожъ **мы русины — западняки**. Мы вязанѣ идъ западови землеписнымъ положеньемъ и исторією, вязанѣ господарски и церковно, вязанѣ политично и языково — словомъ,

цѣлою нашою русскою культурою. Мы не хочеме ничъ спольного мати зъ русско-татарскою культурою восточной Москвы, а насъ, западняковъ, ниякъ голоса не перетворять на восточняковъ, бо тота русская культура намъ чужа!

Жителѣ Бачки держаться культуры су-племенниковъ сербовъ, бо непосредно живутъ коло себе и легко переходять границу, торгуютъ зъ ними, женяться зъ ними: сербска культура спольна передъ и за-границею. А робиться се отъ сотки роковъ каждый день. Тоже самое видиме и у русиновъ и у задунайскихъ нѣмцевъ. Наоборотъ тому, что есть зъ русинами Подкарпатя? За нашою границею сидять хйба русскіе? Нѣтъ, тамъ сидять пануючѣ поляки. Зъ тамошними русинами ни торгуеме, ни женимеся, ни до нихъ не переходжаеме. А де есть тота Москва, что васъ языково такъ тягне? Далекость сего народа правѣ теперъ мѣряють нашѣ гонведы: отъ Унгвара воздушною линією 1500 км! Якъ вы хочете мати зъ нимъ культурное сполученя? Черезъ воздухъ?

²⁾ Порони. J. Klawe: Totemizm i pierwotne zjaw. relig. w Polsce 1920.

Се такое, якъ медь лизати черезъ скло!

Вѣдь до того, чтобы вы научились порядно говорити парусскі, треба мати фижичное сполужитє зъ русскими торговлею, женячкою и т. д. Зъ книжокъ очами можете научитися якъсь тамъ какани и этаня, але безъ того, абы и ухо постоянно чуло «произношенія», нигда не научите русина на рускій языкъ. Русинъ мае свой окремый языкъ, окрему культуру и окрему литературу.

Мы русины литературу не теперь зачинаеме творити, бо она уже есть. Вытворили еѣ нашѣ батьки 300 лѣтъ тому назадъ, а то формою и духомъ цѣлкомъ иношо, не таку, яку мають русскіе отъ часу Ломоносова (1750). Основа московской культуры, литературный языкъ, вытворилася изъ сильного вplyву церковщины и еще сильнѣйшого политичного верховодства татаровъ, а весе то на основѣ московского дїялекта. Напроти того нашъ рускій языкъ выбрусился далеко скорше отъ рускаво, а то подъ вplyвомъ гуманизму и реформаціѣ 16-го столѣтя (сихъ напрямовъ Москва вообщє не знала), але церковной примѣшки было въ немъ дуже мало, а **основою цѣлой культуры служивъ языкъ большости народа: языкъ зъ идеями западной культуры!** Русскіе утворили своѣ першѣ правдивѣ русскіе книги ледви коло 1750-го року, тымъ часомъ кїевскѣ русины словарь свого языка року 1596! Что вы, заблудѣлѣ, хочете у насъ зъ симъ далекимъ отъ насъ «русскимъ» свѣтомъ, а еще то подъ кепенякомъ *ruszin nyelv-a?*

Наша подкарпатска руська литература — се плодъ западного гуманизму, хотъ зачала творитися познѣйше, якъ въ Польшѣ, на Волинѣ, Литвѣ и Кїевщинѣ. Тутъ за границями нашими творилася она яко реакція калвинизму переважно въ формѣ вѣрооборонныхъ Толковыхъ Евангелїй и т. д., хотъ и свѣтскихъ плодовъ тамъ не хибѣло. На взоръ сихъ заграничныхъ творовъ повстали и у насъ — въ першихъ десяткахъ 17. столѣтя — Учительнѣ Евангелїя, Александрїѣ и тымъ подобнѣ. Друкарнѣ у насъ до 1863 року не было, тому всѣ они остались въ рукописахъ. До теперь такихъ назбиралося до сто! А обнородовали ихъ русины и русскіе заровно и не глумилися зъ нихъ такъ, якъ то чините вы, заблудѣлцѣ!

Мадярска литература розпочалася 550 роковъ тому назадъ 16-ма рукописными паятниками, писаными здоровымъ мужицькимъ языкомъ, каждому мадярови зрозумѣлымъ — а де она теперь стоить?! Мы маеме сто кодексовъ, а розвой нашей литературы ишовъ подобнымъ способомъ,

ба въ очи бїочими паралелами якъ у мадяровъ. Отъ 1627 року ажъ 1850 нашимъ предкамъ не заблаглося писати языкомъ москвичовъ, бо сесѣ еще и самѣ довго шкондибали на чиненику церковщины, але писали такъ, якъ цѣлый подкарпатскій народъ говоритъ.

Мадяре изъ тыхъ рукописныхъ початковъ утворили собѣ правдиву литературу. Доба Балашия и Пазманя — 16. и 17. вѣки — были розцвѣтомъ мадярскаго языка. Але злый духъ накинувъ мадярамъ въ 18. вѣцѣ Барцанфалвія и Казинція. Симъ заблаглося чужое, по ихъ думцѣ лѣпшое надъ мужицькимъ добромъ и на 50 роковъ припинили природний розвой письменства. **Деякѣ мадяре зачали глипати за границу** и пересаждовати чужѣ элементы: нѣмецкѣ выразы, звороты, слова и законы словотвореня. Ба завели до Мадярщины нѣмецкій синтаксисъ. Барцанфалви (1781) уживає у своихъ романахъ такѣ слова, якъ прим. *glázli* мѣсто мужицького *rohár*, *stifli* мѣсто *csizma*. У него *türmész* — се по нашому мученикъ, *káprázza* — се фантазія, *imándok* — се священникъ, *barándok* — се монахъ, а *boszárkánykövet* — се видите *Hexenschuss* по мужицьки *oldalnyílalás*. А *vetés már szépen felmegy* — се видите, дословно изъ нѣмецкаго *die Saat geht schön auf* по народному кажеме: *már szépen zöldül*.

Сєся дурничка захопила многихъ мадяровъ. На щастя не всѣхъ. Берженѣ о сихъ чужотахъ пише такъ: «Выдавецъ Гелмеци зъ тыми чудернацькими словами справдѣ **позапаскудивъ** моѣ стихи.» Казинци зъ початку бивъ проти такихъ новаторствъ и писавъ: языкъ **запаскудити** сякими нигда нечуваными потворами, се недопустима дерзость. Але мода модою: захопила и Казинція, бо потомъ «Казинція вхопивъ до рукъ заставу, вытичену Барцанфалвимъ и носивъ еѣ зъ горшою зухвалостью, якъ самъ Барцанфалви».

Але коло р. 1830 настала на щастя здорова реакція: Чоконан а за нымъ и Петефи зновъ повернули до народнаго, т. е. каждому мадярови зрозумѣлого языка. Мадярска литература переболѣла сєсю неприродну перерву, а внуки Барцанфалвія въ 19. в. поставили основою литер. языка два невычерпательнѣ живѣ джерела: 1) кодексы и плоды 16—17.вѣка; 2) народный языкъ и честованя народной поезїѣ. Природа побѣдила надъ кунштарствомъ!

Нашу руську литературу постигла на чудо-чудеса така сама доля. Розвивалася она по тихо, въ меншихъ размѣрахъ; отъ 1627 року до 1850 вытворила сто кодексовъ на своей здоровой основѣ общєпо-

нятного **своего** языка, ажъ наразъ настала перерва. Нашимъ предкамъ засмердѣвъ мужицкій языкъ, заблаглося имъ сягати за границу и пробовали у насъ завести панскій языкъ, файнѣйшій отъ дотогочастного. Силовалися, насильствовали, мордовалися въ добѣ Баха **русскійшимъ** языкомъ. У ухъ писаняхъ хозяйинъ ишоль на поле пахати, завитый галстукомъ; по дорожъ завернувъ до парікмахера и портного, коло почтамту купивъ за дешевѣ деньги спичку, завалявъ собѣ сапогі, а смугаву рубашку бросилъ у шкафъ и мучивъ собѣ голову, бо што мае значити то-то панское негодованіе, тады онъ своѣ поросята порядно годуе. Неборакъ ниякъ не розумѣвъ, что тото ему паны пишуть за пособобствования касательно пользы ребѣйонка шатающаго въ розныхъ пренебреханіяхъ.

Але на щастя его ребѣйонкъ кончивъ гимназію въ Унгварѣ, учився исторіѣ мадярской литературы и заразы отцеви пояснивъ повысшѣ тайности словами: Ей, няньку, тады сесе аккуратъ такъ нигда у насъ нечуванѣ слова, якими на сто и сто засадивъ Барцанфалви мадярскій литературный языкъ. Не творѣтся на нихъ! Есть такихъ московскихъ словъ до 30.000, что мы ихъ иншими, отхильными кажеме.

Та народъ и не творився сякими литературными игрушками хоть на его шкоду тревали они 46 лѣтъ. Сей чужій **русскій** языкъ не знавъ корѣня запустити въ мужицкой душѣ, а при томъ и самѣ паны не могли его порядно научити ся. Сорокъ шѣсть роковъ жила — нѣ, не жила, але живорила сесь чужій напрямъ, ожъ въ концѣ мусѣла бухнути. Провалили еѣ Ю. Чучка и Ю. Жатковичъ (1895) заложеньемъ »Науки«, а будапештянска »Недѣля« (1898). Отъ 1895 року ажъ до нынѣ зась пишеме своимъ языкомъ.

Реакція проти незрозумѣлыхъ намъ негодованій и пренебреханій указалася геть скоро, але не мала еще побѣды. Редагований Раковскимъ журналъ Церковная Газета въ четвертомъ рочнику (1876) мусѣла уже покинути панскій языкъ, бо еѣ никто не читавъ, а продовженя ей подъ назвою Церковный Вѣстникъ, уже писалося зрозумѣлымъ панскимъ языкомъ. Шкода ожъ не довго, бо газета скоро перестала. Заслужилый нашъ старый Фенцикъ 15 лѣтъ мордовався въ Листку тымъ общерусскимъ языкомъ. Безуспѣшно. Читали его газету хйба ради проповѣдей — еднѣ духовники. Вконцѣ мусѣвъ редакторъ попустити изъ той чужнецкой русскійшости языка, а выдававъ Додатки понятнѣйшимъ языкомъ.

Ходъ розвою языка перепинився и у насъ на якийсь часъ, але на конецъ природа таки побѣдила! Доказомъ того, ожъ обойдемся безъ русскаго языка, есть само собою и наша теперѣшня »Недѣля«, »Зоря« та иншѣ.

Тоже самое видиме и въ исторіи Словаковъ. Чехофильскѣ Словаки довго насмѣшковалися изъ своего родного языка, такъ якъ и вы заблудѣли изъ своего. Прозывали его бабонѣinou, коѣиѣinou, kichuyѣinou, простымъ діалектомъ чештины. Але проти природы довго грѣшити не можъ, природа вконци и у нихъ побѣдила: отъ добы Людовика Штура (1844) Словаки пишуть аж до нынѣ тою кочишчиною. Ану, поперайте, куды ся ихъ литература отъ тогды поднялася!

Такъ что вы хочете теперъ у насъ опять зъ тымъ русскійшимъ языкомъ? Чому не учитеся изъ прикладовъ нашихъ и отъ предковъ своихъ? Не хочете узнати, что ся отбыло, другий разъ не вернеся. Для насъ Русиновъ, доба 1850—1895 есть отстрашующимъ мementомъ, правѣ прото недопустиме, абы сесе нещастна доба повторилася. Нашъ письменный языкъ розвивався столѣттями подъ понятнымъ впливомъ мадярского и словацкаго языка, бо сесѣ тутъ таки подъ ногами дѣйствуютъ, а не изъ 1500 километровой далекости. Прото и есть такий видимый роздѣлъ межѣ нашимъ языкомъ и галицкимъ. **Литература пишеся у насъ для Руснаковъ, а не для Москвы;** а пишеся языкомъ панови и мужикови ровнако спольнымъ. Не пишеся »только для господъ«, якъ то Карпачъ 1881 р. твердивъ. **Мы не твориме письменный языкъ, але продовжаеме тоту спадщину, котру намъ по закону природы предки лишили, але котрого природный розвой вашѣ одномышленники на 40 лѣтъ перервали.** Хотите видѣти, якъ нашѣ предки писали? Ось вамъ прикладъ изъ кодексу 17 столѣтя:

»Пошовши Хс до пекла, діаволов розгромив, извязав, народ людскій из пекла вывѣл... едного Соломона там оставив. А коли утихло, стали чорты приникати, видят Соломона едного: А чога ты ся тут зостав? Рек им Соломон: Бо ся Хс по мене и другий раз вернет сюда, та еще и большим страхом! Діаволы збоялися вельми и порвавши вытрутили Соломона из пекла мовячи: Иди и ты оттол! Если Бог узав нам голову, а за тебе хвоста не стоиме!«

А теперъ поровняйте сесе такожъ оповѣданьемъ изъ 19 столѣтя: »Не будь его миленькой сопруги Корниліи, умѣвшеи своею веселою натурой всегда отгонять

темныя облака со лба своего мужа, да во всяких затруднительных обстоятельствах жизни приносить утѣшеніе, иной раз пожалуй, не ругаюсь, что наклонен бы немножко поругать начальство, поставившее его своим пренебреганіем во столь невыгодное положеніе, но Корнилія всегда съумѣла его выручить от искушенія ругательств . . .»

Дальше не выпущу изъ сего безконечного реченія (Бѣда, нѣтъ жиды), бо и самъ его не розумію. Волѣю указати на незручную тактику заблудѣльцевъ. Они хвалятся зъ Коцаками и Довговичами минулости, а намъ закидаютъ, оужъ не маеме ничъ изъ той же минулости кромѣ одного 17. столѣтя. Наивный дѣтвакъ зажмурить очи и думаетъ, оужъ его не видятъ, бо — и онъ ничъ не видитъ. Нужъ, маеме мы, русины, своихъ письменниковъ не лишъ въ одномъ 17. столѣтїю, але также изъ 18-го. Если бы мы мали грошей, могли бы мы надруковать 2—3 томы изъ тыхъ рукописныхъ памятокъ, але тутъ наведу лишъ двоухъ. Одинъ — се незнанный творецъ историчной пѣснѣ «Турки подъ вѣднѣмъ», а другимъ есть каноникъ унгарскій **Иванъ Пастельі**. Изъ стиха сего другого наведу лишъ урывокъ, бо авторъ бивъ пророкомъ, и писавъ якбы нарокомъ о заблудѣльцяхъ Подкарпатя ось якъ:

«Ты вожде душевный, ты хлопе избранный,
Людъ темный очищать отъ Бога ешь
[данный;

А ты якъ самъ во тмѣ ходишь,
Всѣхъ со собою водишь
Во ровъ пекельныхъ.
Идутъ лѣта, брате, приходитъ кончина,
Вбы ты не застала лютая година!
**Глубоко спишь — пробуди ся,
Заблудивъ ешь — наверни ся!**
Такъ ся тучишь, обчидуешь,
Чрево тѣгать не бируешь.
Ой брате покой ся!»

Нѣтъ, гаспада, такъ нельзя! Ничого не учитися, насъ неукраи прозывати, изъ народной поезіѣ насмѣшковати и притомъ пхатися на ролю веденія народа — се не до речи. Се чиста негація по прикладу Люцифера Мадача, котрый ничого позитивного не хоче знати, лишъ самъ отрицанія! Я бы вамъ и всѣмъ моимъ братьямъ по перу радивъ чогось иного, а то позитивного. Именно, теперъ проживаеме **добу соціального розмышляня**, а се тѣсно вяжуется зъ опѣкою меншого брата — селянина. Працюйте въ корысть сего обдертого, вами залишеного брата, бо онъ вамъ хлѣбець дае. Въ томъ оглядѣ **доба рус-**

скійшости № I была зовсѣмъ бесплодна. Паны писали лишъ для себе, а для народа не уложили ани одной книжочки, не то, абы засягли до его господарского житя. Изъ той добы никому не было и крихты хосна, ни панамъ, ни простакамъ. А что робить **доба № II** теперъ? Паны и теперъ пишуть только для пановъ, то есть забавляются межи собою. О простакахъ — ани чичиркъ! Ци маеся повторити **доба № I? Нѣ!**

Мѣсто сего для мужика могли бы паны выконати много **позитивной** працѣ. Рачте именно агитовати въ дѣлѣ закладаня **райфайзенокъ**, абы народъ не бивъ притиснутый на жидовскѣ банки; закладаня **читалень**, абы праздники не провѣлися въ корчмѣ; заложеня **сполку для выдаваня книжокъ** и иншихъ сполковъ, по прикладѣ Сербовъ, Словаковъ; а передовсѣмъ маете агитовати **межи молодежию, абы студіовала языкъ**. Айно, мужицкий языкъ, бо до мужика не доступите панскими негодованіями и пренебреганіями, лишъ его властными словами. Николи его не примусите, абы научився 30.000 руссійскихъ словъ, коли мае своѣ. Ему маете писати такъ, якъ и онъ, якъ и вы, якъ и всѣ мы говориме, а не такъ, якъ грамматики россійскѣ предписують. А коли простудіуете незнанѣ вамъ глубокости и высокости народного языка и поезіѣ, тогды **изъ того хосна буде мати не лишъ мужикъ, але и вы паны**. Именно научитесь духа нашего языка и художества его уживати прозою и стихами. Изъ опыту мадаровъ, словаковъ и сербовъ говорю вамъ и кажу, **оужъ народна речъ — то велика, ба висока школа для выученя красного стилю и для выученя твореня стиховъ**. То есть: школа для прозаиковъ и для поетовъ. **Вы — ряндавѣ аристократы!** Вы глумитесь изъ поезіѣ простака, але не маете правдивого поэта, котрый бы загрѣвъ намъ сердце. Не знаете, изъ якого богатства могли бысте собѣ зачеряти мыслѣ, образы, зворѣты, до правдивой поезіѣ. Словацька приповѣдка каже: *Za peniaze do mesta, za rozum — do dediny sa chodi*. Айно, я знающий народну поезію чотырехъ народовъ кажу вамъ твердое слово, домовѣ поѣты ажъ бы ся поставили на голову, и совокупно не могли бы выкресати таку нечувано красну пѣсню, тутъ заразъ слѣдуючу, яку выляла изъ себе душа простого русина. Изъ сею повнотою нѣжности и поетичности погъ бы мѣряться хйба стихъ Петефія **»Reszket a bokor!»** Послушайте:

Сонце низенько, вечеръ близенько,
Выйди до мене мое серденко!
Ой выйди, выйди, не бойсь морозу:

Я твоѣ ноженъки въ шапочку вложу.
Ой, выйду, выйду, не роби жало,
Не роби жало, дорогой кристалю.
Черезъ рѣченьку, черезъ болото
Подай рученьку мое золото!
Подай рученьку, подай другую,
Подай личеньку, най поцѣлю!

Такъ! А се лишь прикладъ изъ лирики. А коли бы выдовѣдалися, что еще мужикъ мае изъ епѣки не только балладовой, але и историчной. Про татаровъ, куруцовъ, Раковця, Кошута итд.! Та прииде колись рядъ на се. Але мусить прийти и на то, ожъ и вы не будете блукати, але пристанете до насъ выкопати всѣ скарбы сей простой душѣ. Вамъ буде изъ того величезный хосенъ!

Чому уживъ я повыше того твердого слова? Отповѣдаю вамъ словами славного Ерделѣ Яноша: «Одного изъ цѣнностей народной поезиѣ есть **правдивость**. Что въ ней находиме, то все есть правдивымъ фактомъ. Если тамъ говорить о какойсь исторіи, тогда то исторія, если о норовахъ, то норovy, если о вкусу, то вкусъ. Тутъ каждая буква есть докладомъ и заподаньемъ души, а каждый докладъ изъ минувости слухитъ корѣньемъ для цвѣту въ будучности.»

Важнѣ слова! Въ народной поезиѣ не есть тыхъ штучныхъ вдыханій и йойковъ и тоскъ, якими обилуеся наша паньска поезія. Не е тамъ ниякого притворства, въ каждомъ реченю видиме лишь **ширость**, правду, оспѣванье дѣйствныхъ фактовъ, зажитковъ и почувань, а то яснымъ и чистымъ якъ кристалъ словомъ. Не чудо, что мадьяре по добѣ штучности Казинця отчули вконеци потребу духовного освѣженя. А се нашли въ широко-мадьярской поезиѣ народа. Йосифъ Сейкачъ осмѣлился выректи слово уже року 1837: **всяка позеія мае своѣ корѣня въ народѣ**. Ердельи каже: «**Народъ** — се величезное море. Если поетъ зачиряе собѣ изъ него, найде собѣ на тысячки послушачовъ. Отже выучовати житье народа, се студія жита самой нациѣ мадьярской, котра такъ отчужилася. Сесе такое, якъ станути въ сесе море, якъ Исусъ, коли принимавъ дары и благодать Духа Святого: **сесе есть покликаньемъ нынѣшного поета**, благороднымъ обовязкомъ правдиво — національной поезиѣ! **Изъ народной поезиѣ мае утворити правдиву свою народну поезію!** Послѣ наслѣдованя толькихъ чужихъ взоровъ нѣмецкихъ, латинскихъ, французскихъ вконеци нашлисьме самого себе, а изъ скаль народной души выбулькла керница пигна доси еще незнанныхъ силъ.

Петефи и Аранъ зачерли до сей керницѣ, и стопивши наивность зъ искусствомъ до цѣлости, подали намъ на вѣки дѣйствительнѣ законы поетичного творчества.»

Если сесѣ слова приймете до сердца, братья моѣ, тогда народъ поможе и вамъ, а то не лишь въ поезиѣ, але и въ прозѣ. Часто подношуеся у насъ вопросъ: **маеме поетовъ ажъ кольконадцять, а не маеме прозаиковъ** — якъ се розумѣти? Я вамъ се потолкую и дамъ отвѣтъ. Поетичный талантъ мае у насъ майже каждый десятый интеллигентъ, бо такъ есть се и въ простомъ народѣ. Селянинъ творить чудесно краснѣ пѣснѣ, вязаный и кермованный ритмомъ и мелодією и при томъ порядного листа не знае написати въ прозѣ. Поезія тутъ и тамъ — то первѣстный элементъ двигающей душѣ, де лишь **серце и фантазія** диктуе; опроти тому красна проза — се уже второстепенна фаза, де лишь одинъ **розумъ** диктуе. Розумъ але каже спозоровати реальное житье: спозоровати, якъ жие и якъ говорить народъ? Якими фразами и якими складомъ говорить? Якъ онъ буде реченя? Якъ бы на той основѣ написати романъ, драму або наукову статью и т. д. Але теперь прихожу до головного **нездорова антипатія нашихъ пановъ супроти людской бесѣды и поезиѣ** убила у нихъ почутя языковое, убила пачутя языковое, убила можность спостереженя и можность красного высловленя!

Нашѣ паны николи не жили межи Россіянами. Языкъ знають лишь изъ грамматики и говореня наставниковъ — учителей своихъ, не маскалѣвъ. Такъ, але той мнимо «общерусскій» языкъ мае инший складъ, инший синтаксъ, якъ нашъ руснацький; мае инший наголосъ, та инший выговоръ, иншѣ граматичнѣ формы та иншу лексику, нежъ нашъ. Подъ гнетомъ сего **присвоенного изъ вонку языка** не можуть нашѣ цуравѣ аристократы спозоровати тотѣ явища, что имъ тутъ дома, таки подъ ногами валяються у мужика. Не видять мужика, держителя скарбовъ языковыхъ, котрѣ але отъ маскальскихъ сильно отбиваються! Але на жаль, отбилася и интеллигенція по части отъ мужика...! Изъ вымогъ доброй прозы присвоивъ я собѣ немного, бо хибя дробы; але вѣрьте менѣ, что маю, зато могу дяковати окремъ Бога — простому народу. Якъ простудуюете докладно народну рѣчь и поезію, буде изъ васъ лѣпший отъ мене прозаикъ и лѣпший поетъ. Давъ бы Богонько! Я и многѣ русины будеме тогда лишь простыми вашими читачами, а то дуже вдячными!

Турки подъ Вѣднемъ

Пѣсня изъ р. 1686.

Прислухай ся, кто изъ боку, и присмотри ся
Справамъ божскимъ и великимъ. та зачудуй ся,
Што ся дѣе на семь свѣтѣ
А въ угорськомъ повѣтѣ.

Плакавъ образъ Пречистои та въ Клокочовѣ,
Што го взяли, поставили пакъ въ Мукачовѣ.
Гнѣвъ божий ся готуе:
Образъ Панны ламентуе.

Презъ Куруцовъ въ Клокочовѣ церковь спалена,
А угорська вшитка земля испустошена.
Легко тое было знати:
Треба Бога ся бояти!

Ой Куруцы съ Лабанцами себе зганяють,
А людскій та орсаги квалтомъ отберають:
Братъ на брата наступае,
Сынъ отцови смерть готуе.

Хотѣи кто изъ боку прииде, мусить признати,
Же угорська земля была намъ добра мати,
Але злыи мала дѣти:
Не хотѣли та въ покою сидѣти!

Медомъ, млекомъ, достатками ся оплавала,
Што лемъ серце забажало, вшитко то мали —
А сынове своей волѣ
Дочекали злои недѣлѣ!

На цѣсаря свои руки они подняли.
Изъ Текелімъ побратимство й раду узали;
Отъ цѣсаря отступають,
Турчинови присягають.

Ото идуть до Будина прімера брати
И хотять ся Турчинови друзьями стати.
Турчинъ ихъ къ собѣ приимуе
А подъ Вѣдень ся стягуе.

Строго били, мордовали, не якъ панове;
Текеліго вармедьи ужъ стоять готове,
А посполу съ нимъ грабують,
Якъ имъ вдяка, такъ плюндрують.

Сплюндровали та всю землю, гей, угорськую,
Еще хотять плюндровати и нѣмецкую:
Подъ Пожономъ ужъ ставають,
Што ся стане, то не знають.

А таборы турецькіи стали подъ Вѣдень,
Та не знаютъ, же имъ приде горка обѣдень.
Цѣсарь на то ничь не дбае,
А надѣю въ Бога мае.

Ой Богъ е намъ съ Пречистою вся оборона,
Приде до насъ и польская вшитка корона.
Избере ся християнство,
Отжене намъ то поганство.

Якъ ся стали Нѣмцѣ зъ Туркомъ смѣло витати,
Стали Турки изподъ Вѣдня пыльно утѣкати!
Нѣмцѣ хвалу Богу vzdають,
За Турчиномъ угоняють.

Идутъ за нимъ съ утѣхою ажъ до Будина.
Турцѣ мовять: не добра то на насъ година!
Еднѣ въ Будѣ позостали,
А другіи повтѣкали.

Помочію неба Нѣмцѣ Будинѣ достали,
Та въ Будинѣ потоками кровця розляли:
Турковъ мечомъ постинали,
Християновъ осаждали.

Идутъ Нѣмцѣ ажъ подъ самый Нандоръ Фейерваръ,
Турчинови указують мечи кервавіи:
Турчинѣ тото якъ обачилъ,
Изъ табора втечи рачилъ.

Ягерскіи тото Турци якъ увидѣли,
Свою раду заразы имъ отповидѣли

— — — — —
— — — — —

Провадять ся черезъ Тису Нѣмцѣ подъ Варадъ,
А варадський тому баша былъ барзо нерадъ:
Въ одну среду дуже рано
Ганзерови Варадъ здано.

У городъ при холодѣ Турци сидѣли,
Отъ стрѣлянія гранатъ свѣта не видѣли.
Презъ Ганзера преславного
Іенорала нѣмецького.

Не по волѣ Варадъ здали —
Бо ся смерти въ немъ бояли;
Уже Турци отступують,
Християне триумфують.

Провадяться изъ Варада —
Ой дай Боже, абы выйшли также зъ Цареграда!
Дай то Боже дочекати:
Въ Цареградѣ пѣснь спѣвати!

Пісня, якъ видко, широко-народна, повстала безперечно заразь подь наслѣдкомъ вѣденської погромы турковъ 1683. а выгнана ихъ изъ Будина 1686. року. Изъ усть народа попала подь руки незнамого перероблючого поета, а послѣ до якогось дяка. Сей записавъ еѣ до свого Богогласника, доконченого р. 1734. въ селѣ Камѣнка на Спишу. Прото и есть въ ней подекуды словацизмы. Рука переписовача два рядки таки вылишила, а ритмъ и текстъ подекуды показала. Рукописный спѣванникъ достався потомъ въ руки львовского каноника Антона Петрушевича, знаного збирателя литературныхъ старовинъ; але знаного и о томъ, ожъ мужицькимъ языкомъ страшно погорджовався и тому въ усѣхъ своихъ такихъ открытѣхъ слова, ба и стиль густо-часто позмѣнювавъ. И въ сей народной пѣснѣ много поправивъ «по литературному», а въ такомъ видѣ обнародовивъ еѣ (зѣ явными слѣдами пальца на томъ извѣстномъ порошку сливки!) подь написомъ: **Историческая пѣснь Карпаторуссовъ** (Литерат. Зборникъ Матицы 1886. ст. 190—198.). Подвойно показанный текстъ перепечатавъ **Иванъ Франко** въ книзѣ **Карпато-руське письменство 17-18 віка**, у Львові 1900, ст. 77—80, зѣ невеликими поправками подля духу народной поезиѣ. Оповѣданье привязуеся до факту спаленя Куруцами церкви и Чудотворного образа села **Клокочово** коло **Собранецъ** въ столицѣ Унгварской. Оригиналный рукописъ Богогласника находится по словамъ Петрушевича при церкви въ **Маломъ Липнику** стол. Шарисъ, але докладного опису свого открытѣ Петрушевичъ на жаль не подавъ. — Слово **прімеръ** значить: року 1682. Текелѣ присягъ въ Будинѣ на вѣрность султанови, а за се бывъ именованный **прімус-омъ**, **примар-омъ**, **верховникомъ** цѣлой Горѣшной Угорщины.

Подае: **Др. Ядоръ Стрипський.**

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

Е. Б. Будапештъ: Матеріаль достади. По можливости выкористаеми. Статя про **Е. Сабова** и «Науку» есть добра.

П. Довганичъ, Чомальово: Матеріаль достади. Историчну пѣсню помѣстиме въ слѣдуючомъ числѣ.

Нашимъ сповроботникамъ переказуеми, что присланный матеріаль помѣстиме або въ «Литер. Недѣля», або въ часопису «Руська Молодежь».

УВАГА!

УВАГА!

Появилось
на йновѣйшее выданя
Подкарпатского Общества Наукъ,
научовый журналъ

ЗОРЯ

Чис. 1—2-ое, роч. I, стор. 196, цѣна 3—пенге

Содержаня:

Антоній Годинка: Нашѣ клерики въ Тирнавѣ отъ 1722—1760 р. (ст. 18—29)

Александръ Ильницький: Графъ Василий Телеки и его доминія въ Марамороши (1751—1780), (ст. 30—43)

Ириной Кондратовичъ: Новѣ пути подкарпатской историографіѣ (ст. 44—53)

Александръ Бонкало: Руський литературный языкъ (ст. 54—71)

Иванъ Гарайда: Причинки до появленя назвъ нашихъ селъ (ст. 72—83)

Федоръ Потушнякъ: Огень въ народныхъ вѣрованяхъ (ст. 86—114)

Александръ Грабаръ: Хижное птацтво Подкарпатья (ст. 114—147)

Александръ Маркушъ: Коровку гнали... (оповѣданя), (ст. 148—161)

Библиографія, Культурнѣ вѣсти, Некрелогъ, и т. д.

Закавуйте въ канцеларіи

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩ. НАУКЪ,
Унгваръ, Другетова площа 21.

«Литературна Недѣля» выходитъ каждого другого тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгваръ Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—252.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДѢЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 15.

Зъ дня 7. децембра 1941.

Р. 1.

Цѣла держава святкуе день именинъ нашего Регента Николая Гортия. Въ день его именинъ и мы, подкарпатскѣ русины, высказуеме свое найсердечнѣйшее пожеланя нашему державному мужови, просячи Всевышнѣго, чтобы въ сихъ тяжкихъ часахъ для державы подавъ ему благословеніе на многая и благая лѣтъ.

Коли мы святкуеме день именинъ нашего мецената Николая Козмы, котрый такъ много причинився до розцвѣту Подкарпатя, онъ лежить хворый въ будапештянской санаторіи. Въ сей Его день мы душею линеме до него и просиме Всевышнѣго, чтобы чимскорше повернувъ намъ нашего облюбленного Регентского Комиссара и чтобы мы его еще многоразъ витали зъ сего мѣста. На многая и благая лѣтъ!

Погасло сонце въ небосклонѣ,
Загнали звѣзды въ небесахъ,
Покинувъ людъ вже працю въ полѣ
И сяють огники въ хатахъ.

На нивахъ тихо... всюды тихо,
Вѣтрець нечуйно пробѣжить,
Якъ тихий храмъ гень, гень далеко
Все небо зорями горить.

Г. Д-кій:

ХМАРЫ...

Темнѣ храмы надъ горами
Быстро гень женуться,
Что за войска середъ поля
Такъ хоробро буться?

Темнѣ храмы надъ горами
Ще быстрѣйшѣ стали,
Бились, бились середъ поля
И у бою впали.

Конь осѣдланый вѣтрами
Безъ вѣдця женесе
Надъ горами надъ поляма
Кровь потокомъ ллесе.

М. Дроздь:

Въ вечеръ тихий, вечеръ ясный
Выйду крадиць за село,
О якъ мило якъ солодко
И на серци чтось тепло.

Вѣтеръ тѣни пестить въ щастю
— Середъ нивы зашумить,
Думы воскресае въ серцо,
Въ серцо дума защемить.

Зашепоче сумно нива
За того, кого не есть,
И кого уже не буде —
Въ серци тихо чтось озвесе...

Въ вечеръ такой, вечеръ ясный
Выйду крадиць за село,
Тамъ де серце розцвитало,
Тамъ де щастя разъ цвило.

Н. Грицакъ:

СМЕРТЬ МОЛОДОГО ОВЧАРЯ

Розплакалась струнка смерека,
Слезамы вѣтеръ удари'.
Сумуе сосна, бо подъ нею
Трупъ молодого овчаря.

Учера ставили колибу,
Кошару зъ прутя та струнки.
Учера гравъ ще на сопѣлцѣ
Всѣ полонинськѣ спѣванки.

Казки казавъ межъ овчарями.
Варивъ кулешу, клягавъ сыръ,
И говоривъ, якъ межъ царями
Велася давно сварка й миръ.

Недавно ще, учора! Нынѣ,
Зъ овцями рано йшовъ подъ лѣсь,
Медвѣдь несмытый обоймивъ го,
И подъ смереку го понѣсь.

А овцѣ розбѣглися по плаю...
Лежить овчарь, той Пинтѣ сынъ,
Ци може Довбуша, гадаю.
Слова послѣднѣ шепче онъ:

— Прощайте мое стадо, овцѣ,
Я вже не верну межъ васъ зновъ,
Мой духъ хйба васъ до ботею
Збере изнову та любовь!

Розплакалась струнка смерека
Слезамы вѣтеръ удари'
Сумуе сосна, бо настала
Смерть молодого овчаря!!!

БЛЕСТИТЬ НА ЦЕРКВИ КРЕСТЧИКЪ...

*Блестить на церкви крестчикъ,
Восходить понадъ лѣсъ
Могучий Царь землѣ...
Крылами вѣтеръ плеще,
Молитву тиху шепче.*

*И ранокъ золотистый
Синѣ надъ селомъ.
И каже звонъ: бомъ-бомъ,
А въ рѣчцѣ серебристой
Купаеь ранокъ чистый.*

Евгенъ Сидоръ:

Передъ свадьбою

(Новелла.)

Около шестой години вечеромъ нагло застановилося коло банку авто, зъ якого выступивъ высокій мужчина, загорнутый въ плащъ, зъ актовкою въ рукахъ. Подивився на годинникъ, бехнувъ дверцами авта и спѣшивъ у напрямъ воротъ банка. Въ поспѣшности вылѣзъ на якогось проходячого.

— Пардонъ — сказавъ перепрошаючи.

— А-а! Панъ Евгенъ Худа! Здаеся, въ добромъ настрою. Днесъ чувъ, что многоуважаема дочка ваша выходитъ замужъ... и не за абы якого... Гратулую... гратулую!..

— Дякую — отповѣвъ зъ наивною усмѣшкою на лицѣ Евгенъ и поспѣшивъ сходами въ гору на первый поверхъ.

Въ банку каждый занимався упорядкованѣмъ своихъ дѣлъ и никто не увидѣвъ Евгена, котрый подошовъ до кассы (онъ бывъ касѣремъ въ семъ банку) и передавсь довгой писанинѣ. Коли бы ктось въ сею хвилину слѣдивъ за его поведженьемъ, замѣтивъ бы, что днесъ зъ нимъ чтось не есть въ порядку. Зъ зморѣннымъ чоломъ и напруженными очима писавъ чтось довго на папери, потомъ, прочитавши написаное, уложивъ папѣрь въ ящикъ своего стола. Мѣсто того взявъ кусокъ маленького паперу, закрутивъ его въ пишучу машинку и сильными ударами пальцѣвъ почавъ лѣпити на него буквы:

Дорогий Лудвику!

Завтра отбудеся весѣля моей дочки (о семъ Ты вже повѣдомлений переже) и я финансово теперъ зовсѣмъ вычерпанный.

Просивъ бы я Тебе позмычти менѣ 50.000 П. готовкою зъ своего банку и заслати менѣ еще днесъ вечеромъ, бо необходимо потребу ю ихъ.

Напередъ дякую и здоровлю —

Евгенъ.

Твой приятель.

— Коли приятель въ гостинницѣ, то най буде и поза нею! — подумавъ Евгенъ. Заложивъ письмо у коверту и заадресовавъ:

Высокодостойному Панови

Лудвику Микитѣ,
директору банку Р^ч

Локо.

Зъ задоволеною усмѣшкою поглянувъ онъ то въ одну, то въ другу сторону; его колеги дальше занимались писанинами. Запаливъ сигарету и, выпускаючи круглѣ карѣнки дыму зъ усть, передавсь упорядкованю банковыхъ грошей.

Бываютъ хвилины въ житю, коли чоловѣкъ забывае на то, что передъ пару минутами дѣялось зъ нимъ и переноситься въ новѣ сферы думаня и зъ новыми думками и переконаньями плануе собѣ программу. Здаеся, что сякѣ наглѣ, необдуманѣ планы приводятъ чоловѣка въ житю до катастрофы, бо часомъ не мають реальной основны и являються только моментальною насолодою, яка скоро пропадае тому, бо планы остаються нездѣйсними — идеальными.

Передъ пару минутами Евгенъ упорядковавъ своѣ дѣла, але перечисляючи банковѣ грошѣ, пришла ему нова думка въ

голову: ци не выплатилося бы «оттакъ собѣ позычити» пару тысячокъ изъ ящика. Никто не замѣтитъ, а якось выкрутитися ачей удастся. Чому бы просити якразъ отъ Лудвика Микиты грошей. Онъ молодюкъ, буде гордится, что я, старый урядникъ отъ него зычу грошей. А, впрочемъ, онъ не муситъ знати о моемъ нездоровомъ финансовомъ положеню — роздумовавъ Евгенийъ.

Въ томъ взявъ недавно написаное и заадресованое нимъ письмо и, розорвавши его на маленькѣ кусники, кинувъ у кошикъ.

— Такъ! А теперъ до «працѣ!»

И почавъ личити потрѣбну сумму. Потомъ незамѣтно сунувъ пачокъ банковокъ въ актовку и дальше продовжавъ урядову роботу такъ, якъ коли бы ничъ и не сталося. Працьовавъ машинально, курячи цигарету за цигаретою, а коли прийшла година закрытя банку. Евгенийъ первый выйшовъ изъ банку зъ нерозлучною актовкою, сѣвъ у луксусъ и застановився только передъ великимъ домомъ, котрый лежавъ при одной зъ побочныхъ улицъ. Тутъ была и его квартира.

Треба згадати, что Евгенийъ бывъ отъ двоухъ лѣтъ вдовцемъ. Его одинока дочка послѣдний тыждень передъ весѣльемъ перебывала у родинѣ, де приготавливала собѣ потрѣбиѣ до вѣнчаня рѣчи. Тому Евгенийъ, прийшовши до дому, могъ спокойно заниматься «позыченными» грошми.

Въ хатѣ было тихо, лише огонь трѣщавъ, а на стѣнѣ годинникъ ударявъ монотонными ударами.

Евгенийъ сидѣвъ за столомъ, на якомъ было порозкидано много папѣря, деколько книгъ и старѣ пера. Поставивъ передъ себе свою нерозлучну актовку, вытягнувъ зъ неѣ пачокъ «позыченныхъ» банковокъ, положивъ на столъ и задивився на дверь, якъ бы очѣковавъ когось. Потомъ запаливъ цигарету и знову взявся за перечисльованя грошей.

— Точно только! Ни геллера не больше, ани не меньше — пробурмотѣвъ, при томъ моргнувши и скрививши уста.

Потомъ вставъ, подошовъ до окна, отслонивъ заслону и встрепенувся:

На другомъ боцѣ улицѣ стоявъ подъ слектричнымъ стовпомъ полицайтъ и, здавалося, дивився просто на него.

— Чого якразъ у мое окно задивився? — чудовався Евгенийъ. — Хиба... хиба... дойшли вже до того, что у банку пропали грошѣ и мене подозрѣвають въ крадежи. Се не можливе! Тажъ, думаю, послѣ мене никто въ банку не бывъ... А — пустота!

И, затыгнувши заслону, знову присѣвъ за столъ и почавъ роздѣльовати грошѣ на се и то: се дочцѣ готовкою, се на гостину, а се на платя и под. Вставъ, почавъ прохожоватися по комнатѣ, майже поѣдаючи зъ нетерпеливости цигареты, знову подошовъ до окна, выглянувъ:

— Чортъ знас, что тутъ дѣся! — просипѣвъ черезъ зубы. — Стоитъ, якъ недвижима статуя, якъ мумія и дивитися въ окно, якбы цѣлый домъ хотѣвъ загнипнотизовати. Тутъ чтось невпорядку. Або той полицайтъ зойшовъ зъ ума, або зо мною чтось не въ порядку.

Чтобы заспокоити своѣ нервы, сховавъ грошѣ, сѣвъ коло печки и передався читаню детективного роману. Таемнича подѣя зъ героемъ роману такъ его встревожила, что ему здалося, якъ-бы ктось недалеко отъ него ходивъ. Нетерпеливо подбѣгъ до окна, выглянувъ, але полицайтъ уже подъ стовпомъ не стоявъ, а что горше, почавъ прохожоватися подъ его окномъ.

— Се скандалъ!.. скандалъ!.. Пропащій я! Певно довѣдалися о крадежи, а въ злодѣю и не помыляються. Але коли знаютъ, что я укравъ грошѣ, чому не арештують наразъ? Чому?..

Подобитъ вопросы безпокоили Евгена и онъ не знавъ, что зъ нимъ дѣся. А коли кроки прохожующогося полицайта не утихали, Евгенийъ обвинявъ самъ себе, чому допустився такой необдуманности. Якъ се може мати наслѣдки!

— Теперъ можтуъ мене зловити, звязати, кинути въ арештъ, а тамъ — гний живый трупе! Ни службы, ни грошей, ни чести, ни жита больше! Пропащій я! А се черезъ тебе, дочко моя! — нарѣкавъ Евгенийъ.

Минали минуты и години...

Годинникъ показавъ одинадцату годину.

Каждый ложился до отпочнику, але Евгений не могъ собѣ се дозволити. Совѣсть грызла его въ самое сердце, а страхъ трясъ цѣлымъ тѣломъ его. Онъ дивился перестрашено то на окно, то на дверѣ и въ каждой секундѣ, въ каждомъ моментѣ чекавъ чось страшного, чось необычайно неприемного, трагичного. И онъ бывъ певный, что подобное зъ нимъ и станеся. Напевно! Грѣшникъ уже мусить отнести кару за свой грѣхъ!

Въ томъ почувся зъ улицѣ якийсь свистъ.

— Ахъ! Кто се?.. Что се?.. — Евгений якбы замерзъ. Подбѣгъ до окна — полицайта на улици вже не было; мѣсто того почувлися кроки на коридорѣ. Въ ту мить, якъ выстрѣленный, кинувся до грошей и цѣлый пачокъ вкинувъ въ огонь, что горѣвъ въ печцѣ. Дорогоцѣннѣ папери запапалися, а Евгений изъ страхомъ дивился на дверѣ и чекавъ, что они сильно розтворяться, а въ нихъ з'явиться хоть пять полицайтовъ.

Кроки на коридорѣ приближались, ставали все голосиѣйшими —

туп... туп...

Теперь!!!

.....Нѣ!

Тѣ самѣ кроки ставали разъ все слабшими и слабшими...

Евгений отворивъ дверѣ, подивився коридоромъ и мало не зомлѣвъ.

О полицайтахъ ни слѣду!

Коридоромъ перейшовъ властитель дому, який поздно вернулся до дому изъ кина.

— Всѣ адскѣ чорты! — несамовито заревѣвъ Евгений. — Де грошѣ, де жита, де честь, де чече-е-сть!!!

Бегнувъ за собою дверима, отворивъ печку — тамъ только чорный попѣлъ остався зъ грошей.

Машинально кинувъ собою до стола, вытягнувъ зъ ящика револьверъ и —

Б-б-а-хъ!

Залунавъ тупый выстрѣлъ и трупъ Евгения гешнувъ собою въ землю, чтобы выкупатися у власной крови за зроблений грѣхъ...

СПѢВАНКА

*Ой ти дубе зелененький
Пускай кореньчко,
Бывайте мила здоровенька
Я йду въ Ясеньчко.*

*Бывайте мила здоровенька
Красно ти вѣнчую,
Та послѣдню уже нічку
Из тобовъ гайную.*

*Ой добранічь дѣвчиночко,
Добранічь, добранічь,
Та зъ нашего коханьчка
Не ма нічь, не ма нічь.*

Записала: А. Руснакъ въ Бочковѣ.

О НАШОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Каждому образованному чоловікѣви извѣстно, якое великое значеніе мае литература въ житю данного народа. Недаромъ ей удѣляютъ только труда, недаромъ стараються еѣ розвивати, доводити до совершенства и т. д.

У насъ, особливо въ нашей прессѣ, за послѣднѣ роки майже безъ перервы появляются голоса о томъ, что литература —

совѣсть народа, зеркало народной души, факторъ, безъ котрого тяжко собѣ представити розвитокъ якого бы то не было народа. Не будеме впадати до крайности и не скаžeme, что лишь литература призвана репрезентовати народну культуру (о томъ подекотрѣ нашѣ критики помыляются, бо тогды значило бы, что наша живопись, скульптура, музыка для него не по-

трьбиць, что самособою абсурдъ), но не дивлячися на все то, дѣйствительно, литература — одна изъ наибольшихъ дороговизностей народа. Само собою все зависитъ отъ того, насколько есть сильный авторъ, котрый предложуе намъ свой душевный творъ, насколько може онъ оплотити своѣ думки, котрѣ нагромадилися въ его душевной лабораторіи. Якъ видно, тутъ велику ролю грае индивидуальна способность передавати своѣ внутрѣшнѣ переживаня.

На семь вопросѣ треба мало застановитися.

Извѣстно, что образованнѣйший поеть або повѣстяръ може лѣпше оперовати своими природными дарами (талантомъ), якъ менше образованный. Талантъ являеся першимъ условіемъ успѣху. Але зновъ деколи образованѣ люде безъ таланту достигають того, что талановитый. Недаромъ американский поеть Едгардъ Алланъ По говоривъ, что онъ не являеся поетомъ «зъ Божей милости», но что до поезіѣ дойшовъ при помочи образованности. Правда сякое дѣло есть доста незвычайное и майже не дуже правдивое. Правдоподобно Е. А. По мавъ природный талантъ до поезіѣ, але про сей талантъ и самъ не знавъ.

Уже изъ сего приклада можеме видѣти, что образованность для поэта мае великое значеніе, больше того — дѣло необходимое. Се правило важное есть головно для нашей литературы. Таланты у насъ суть. Есть много у насъ поетичныхъ, малярскихъ, артистичныхъ талантоѣ, але для розвитку свого таланту треба бы имъ въ отповѣдномъ напрямѣ образоватися. Ани не дивуемеса, что у насъ драматичное художество майже ани не екзистуе. Вѣдь якъ мае написати драматичну штуку нашъ драматургъ, коли ани не видѣвъ порядочной сцены, не знае историю и теорию драматичного художества, не знае розрозинити реализмъ на сценѣ и реализмъ въ литературѣ и т. д. А треба бы знати! А се есть только азбука, прологъ до дѣйстной драматичной штуки.

И дѣйстно, если розпозераеме кругомъ, перебереме сесѣ обстоятельства, то смѣло можеме сказати, что нашу литературу и художество держали таланты, таланты безъ

достаточного образования и подготованя до своей дѣятельности. Само собою розумѣеся, что такой фактъ не являеся ганьбою для насъ. Мы гордѣ, что мы народъ талановитый! Представте собѣ, что бы было, если бы у насъ талантъ соединили зъ образованностью. Попробуйте.

Другимъ вопросомъ нашей литературы являеся: вопросъ тематики. Правда, декотрѣ стараються рѣшати сей вопросъ а результатъ сего потомъ есть: появляеся творъ, який, якъ потомъ говорятъ, есть нула!

Сеся ошибка часто повторяеся въ нашей литературѣ. Але надѣмеса, что наша молода генерація порозумѣе загадку дня, свою задачу, найде связь межи дѣйстностью и художествомъ, и дасть нашей литературѣ то, что отъ неѣ давно чекаеся.

Но тутъ зновъ треба доторкнутися до другого болячого мѣста. Се относиться до читающей нашей публики. Чтобы литература и художество могли розвиватися, наша публика до нихъ мусить иначе относиться. Мусить знати и хотѣти цѣнити ихъ, мусить ихъ любити, мусить порозумѣти, что литература для цѣлого народа являеся больше, якъ «Подкарпатский Банкъ» зъ его капиталомъ.

— М. Д. —

Н О В Ъ К Н И Ж К И

Великий сельско-господарский Календарь Подкарпатского Общества Наукъ на рокъ 1942. Зложивъ Др. Иванъ Гарайда. Унгварь, 1941, 8°, ст. 200. Календарь! — Цѣла наша культурна минулость звязана зъ симъ словомъ. Кто зъ насъ не знае нашихъ Мѣсяцеслововъ. Правильно назвавъ его нашъ народъ своею настольною книгою. Много есть Выданъ руськихъ календарей, але мало котра редакція подошла зъ такимъ розумѣньемъ селянской душѣ та нашихъ условий, якъ редакція Общества Наукъ, бо оно дѣйсно выходитъ изъ того принципа, что оно мусить быти не только проводникомъ нашихъ интеллигентныхъ верствъ, але мусить обхопити своею дѣяльностью цѣлое наше житя въ его цѣлой повнотѣ. Особливо треба подчеркнути пра-

вильний підхід редакції до рішення наших господарських проблем. Більшість наших господарств належить до системи карликоватих господарств, т. е. таких, як дають господарям можливість прожити лише на одну частину року і дають лише одну частину потрібних господарських продуктів, а далі прожити мусять глядати мимо свого господарства. Ся залежність господаря від зовнішніх доходків негативно впливає на ведення самого господарства і життєвому рівню господаря. Нашому господарю треба дати нові галузі доходку і то так, як мале господарство в силі саме видержати. Такими новими галузями мають бути крїлиководство (збагатити нашу бідну кухню мясом), пчолярство (мед як здорова пожива в домашності і джерело грошевого доходку), садівництво і переробляваня овочей (повидла, соки в домашності, грошевий доходок). І якраз сим галузям господарства присвятила редакція особливу увагу.

З великою старанністю подобраний літературний матеріал. Великою несподіванкою для общественности буде верш славного мадярського поета Н. Барда, котрий жив і писав у нас. Мило вражає верш молитва і оповіданя Маріи Кабалаюк, котрое можемо зачислити до одного із льпших, як дотепер появились у нас. З наукової сторони треба згадати цїний статі о. Конратовича «Три вождї города Мукачева» і етнографичну студію «Земледїлство».

В календарі находиме також цїлий ряд інформативних статей про діяльність наших організацій а тим самим календар дає перегляд нашої однорочної общественної діяльності.

Не можно вылишити згадку про прекрасное технічне оформленя, яке має не только репрезентативное значеня, але і дає читачеві можливість легкого перегляду та естетичного задоволеня.

Безперечно великое признаня заслуге директору Общества, який сам взяв на себе редакцію популярної і так важної книжки для нашего народа.

В. К. . . . ль.

Таня Верховникова: «Монисты», стихи для дїтей. Библ. совр. угро-русс. пис. Ужгородь 1941, ст. 22. 16'.

Наша дїточа література вже має свою історію. Перші спроби єї мали закраску романтичну і выходили передовсім з народної пісні. Звичайно автори видавали в початках своєї літ. творчости зборнички дїточой поезії а потім лише бралися за інші теми. Та тематика сих поезій не была широка. Сякий-такій опис природи, поетичний заклик до любви свого народа, отчини і сиротское житя, бідность нашего народа и п. Тут там слабкі зарисы реалистичного схопленя житя з оглядом або і без на дїточку душу. Однако можемо замїтити, что якраз сей род поезії у нас больше як другі приблизився і выразив народну душу, отбив характер і лик нашего народа...

«Монисты» продовжують попереднє. Ся ряд удалых стишков, з глубоким поетичним отчутєм теми і правдивим, пережитєм з дїточою душою красы, идеалов, стремлїнь і глубокого суму родного краю. Он так і дыше з кожного в душ читача, старого і малого. І якраз сею силою отчутя і подвысшаєся Т. В. надь своими попередниками. Хотя сей поезії по формі і змісту ничь новотарского в собі не мають, та можемо их поставити на перше мїсто межі молодими выступаючими поетами зовсім не перебільшуючи дїйсний факт.

Дїточа поезія все має темою або отчутя і розумїня природи свїта, соціального житя або естетичні і моральні задачі передь собою. Т. В. належить до перших.

Ф. П.

КУЛЬТУРНІ ВІСТІ

Нашь Преосвященный Епископъ про выданя Подкарпатского Общества Наукъ.

Епископъ мукачевской епархіи Александръ Стойка в своемъ пастырскомъ листі (VII/1941) до своихъ вїрниковъ и духовенства дуже вручає имъ выданя Подкарпатского Общества Наукъ. Свое врученя поддерживаеть темъ, что выданя Общества суть религиозного, патриотичного и научного со-

держанія, написані нашими извѣстными писателями на народномъ языкѣ. Сесѣ выдана наша школьна молодежь и народъ могутъ дуже хосенно употребляти для свого самообразования. Сесе узнаня про наше выдана нашего архипастыря мы дуже высоко цѣниме и робить намъ велику радость то то упознаня, что нашъ богобойный епископъ Александеръ зъ такимъ порозумѣньемъ подпире культурну роботу Подк. Общества Наукъ. Зъ нашей стороны мы обѣцяеме, что мы нашу цѣль переведемъ въ повной гармоніи и интенціи епископа Александра, и что будеме старатися здѣйснити культурное желаніе нашего духовенства и народа.

Памятное свято Сейченія.

Дня 9-го новембра с. р. въ городскомъ театрѣ Подкарпатское Общество Наукъ устроило великолѣпное свято въ память гр. С. Сейченія. Прикрашена саля была переповнена визначною мадярскою и русскою публикою. Цѣлое свято мало характеръ мадярско-русского культурного зближеня. Зъ бесѣдъ особливо визначна была рѣчь регентского комиссара Николая Козмы (котра рѣчь про хвороту регентс. комиссара была выголошена артистомъ Леготайемъ), котрый заакцентовавъ, что Сейченія треба не только святковати, але въ теперѣшнихъ тяжкихъ часахъ и читати его творы.

Подпредсѣдатель Общества Ириней Контратовичъ заприсягъ публику за идеѣ Сейченія а предсѣдатель Общества И. Куртяка, др. Юліи Бокшай Сейченія русинамъ поставивъ за прикладъ.

Артистъ Мадярскаго Національного Театра Арпадъ Леготай продекламовавъ зъ мадярской литературы пару вершовъ, якѣ относилися до характеристики дѣятельности Сейченія. Импазантный бивъ выступъ учительского хору ужгородской жупи. экспозитуры, котрый подъ веденьемъ диригента Петра Милославского проспѣвавъ пару прекрасныхъ мадярскихъ и руськихъ пѣсень. Наконецъ члены организаціи КАЛОТ — передали одноактовку отъ Николая Асталоша: «Мартовѣ огнѣ». Свято скончалося проспѣваньемъ мадярскаго и руськаго гимновъ.

Культурное свято руськой институціи.

Радостное свято мала руська культура дня 30-го новембра сего року. Молодежь руськой гимназіи въ городскомъ театрѣ освятковала початокъ школьного року. Послѣ короткихъ бесѣдъ начальника Школьного Отдѣлу минист. совѣт. др. Юліи Марини и директора гимназіи др. Василия

Суличака публика зъ зворушеньемъ слѣдила за программю учениковъ. Руська и мадярска программа гимназіяльного хору показала велику душевну подготованность молодежи. Вольнѣ упражненія якѣ такожь мадярскѣ и руськѣ танцѣ молодежи показала зъ великимъ энтузіазмомъ. Красно была передана пѣса. Программа была переведена зъ великою охотою и дисциплинованностью учениковъ и тому дуже бы насъ тѣшило, если бы мы нашу молодежь частѣйше могли видѣти на сценѣ нашего театра.

Въ 12-омъ числѣ (IX-го рочника, 1941 року) «Láthatár» появилася статья д-ра Йосифа Раца про кризу руськой культуры (A ruszin kultúrválság.) Авторъ разбирае отношеня руськаго народа до западноевропейской культуры. Межи иншими каже, что руська культура ажъ до выступу А. Духновича майже не была подъ культурнымъ впливомъ восточной Европы. Руський народъ есть культурною мозаикою и носить на собѣ слѣды двохъ культуръ.

Въ VIII. рочнику (1939) журналу «Magyarosán», (ст. 151—152) мадярский филологъ Юліи Золнай помѣстивъ статейку на тему, якѣ писати по мадярски слово «magyarország». Авторъ стоить на томъ становищѣ, что слово «magyarország» по мадярски треба писати окреме: magyar ország, а не «magyar-orosz» або «magyar-orosz».

ПОЧТОВА СКРИНЬКА

Б. Б. Унгварь: Въ 13-омъ числѣ нашего часопису Вамъ адресованный перепись декотрѣ паны взяли на себе. Мы не мали жадный намѣръ когось образити. Дуже жалуеме за сесе непорозумѣня.

А. Слимакъ: Оповѣданя выкористаеме. Присылайте больше.

Е. С. Вышное Нѣмецкое: Вашъ рукопись мы перепозерали. Про литературу цѣну Вашихъ работъ поговориме особисто.

Чорнопотоцький: Присылайте больше.

Ю. О.: Гонораръ достанете познѣйше.

«Литературна Недѣля» выходитъ каждого другого тыждня. Редагуе Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на годъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакція и администрація: Унгварь Другетова площа ч. 21.

Печатаю въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság

nyomdájában Ungvárott. 1941.—252.

ЛИТЕРАТУРНА

≡ НЕДЪЛЯ ≡

ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Ч. 16.

Зъ дня 21. децембра 1941.

Р. 1.

НИКОЛАЙ КОЗМА УМЕРЪ

Сумна вѣстка пролетѣла Подкарпатьемъ. Одинъ изъ наибольшихъ его добродѣтелѣвъ, Основатель Подк. Общества Наукъ, уже не есть межи живыми. Невмолима смѣръ, вырвала Его въ найкритичнѣйшій часъ изъ нашихъ рядовъ. И Ему, щирому работнику на нашей запущеной нивѣ, якъ и Еганови, не было дозволено больше одного року пожити межи нами и докончити великое започатое, дѣло. Якась сумна судьба царить надъ нашимъ краемъ, надъ долею русина...

Та духъ его най вѣчно остане межи нами и буде всѣмъ прикладомъ, якъ свѣтло въ темнотѣ...

Сумно похилилися смереки на гордыхъ вершинахъ Карпатовъ. Сумно грають вѣтры по розлогихъ пляяхъ полонинъ, злѣтають надъ быстрою Турею и споминають...

Сторонка исторіѣ Подкарпатя обертаеся а на ней зновъ красуеся одно великое имя...

СПОМИНАЮ

Споминаю я прекрасный
Вечер тихий при лунѣ,
Де ходили тихо тѣни
Тѣни грали въ глубинѣ.

Тамъ зъ тобою моимъ щастьемъ
Довго, довго я сидѣвъ,
И забывъ на все у свѣтѣ
И лунавъ веселый спѣвъ.

Въ хмары мѣсяць заховався,
Соловейко заспѣвавъ,
А тебе о мое щастя,
Вѣтеръ щастя цѣловавъ.

Петро Селяниновичъ :

ЗИМНА НОЧЬ...

Зимна, тиха, ясна ночка
Надъ селомъ ся розложила,
Мѣсяцемъ освѣтила,
А звѣздами обкружила.

Повне море звѣздъ стоитъ,
Мѣсяць весело горить,
Пѣсеньку вѣтрець гуде,
Весело снѣжокъ паде.

На войну идуть морозы,
Плачуть дѣвы верболозы,
Снѣгъ лѣтае надъ селомъ
Бѣлымъ, бѣлымъ помеломъ.

О. Долинянинъ:

ДО ЧОРНОГО ЦАРЯ

На дворѣ накраповавъ дощикъ. Маленькѣ, премаленькѣ краплины сѣдали росую на бѣлѣ цвѣты подъ окнами, что лише однѣ остали зъ лѣта до темной осени. Якъ спогадъ на колись жиючее сонце, на теплу силу землѣ...

Подъ окномъ на своемъ улюбленомъ мѣстѣ сидѣвъ малый хлопецъ. Тутъ робивъ онъ хатки, копавъ студиѣ у мягкой земли, або годинами дивився у далечѣнь де рѣдѣвъ лѣсъ на горизонтѣ, де крадуѣ пряталися тѣни. Сидѣвъ взявши голову въ руки и мріявъ о далекомъ дикомъ царѣ, что жие десь тамъ... Онъ нарисовавъ уже собѣ въ памяти его лице, одежду и крутый замокъ на скалѣ.

Сего року научився онъ робити папѣрьового змѣя и отъ тогды часто посылае ему письма, надъ якими сидитъ днями самъ, говорячи изъ собою.

Нагло онъ вставъ, подкрався подъ окна и заглянувъ крадуѣ. Потомъ его лице посумнѣло, скривилося и онъ сховався за стѣною... Вже пару мѣсяцевъ бывае ктось у ихъ домѣ. »Ктось« чие имя онъ не знае. Онъ такой загадочный и чудный. Та ще теперъ коли мае скоро померти. Чому онъ ни разъ не заговоривъ до него до теперъ. Онъ мае быти дуже мудрымъ, бо все читае и пише и такъ сумно глядитъ передъ себе... Може онъ много знае про чорного дикого царя... Може... Пошовъ за хату, вылѣзъ на зрубаного дуба и довго думавъ про него...

* * *

Збудивъ его шумъ подъ окномъ. Прокинувся и наднявъ голову. Въ окно якразъ тогды глянувъ малый хлопчикъ перестрашенными вѣщими очима и скрився. Вже отъ

якогось часу онъ пильно его стереже. Догадываясь... Почавъ одягатися хотъ въ головѣ ще гучало по вчорашной горячцѣ...

Три мѣсяцѣ якъ онъ пришовъ сюды изъ вершинѣ де живѣ въ кружѣ своего невеличкого племени, чтобы тутъ близько города могъ лѣчитися и легше скончити свою працю...

Въ хатѣ было холодно, а морозъ легко проникавъ его змученое тѣло якъ рядину. Ледвы стоявъ на ногахъ але по довгой лежанцѣ, отчувавъ не переможну охоту до працѣ якъ николи до теперъ... Сѣвъ на невеличкий столчикъ, что отъ старосты колыбався у всѣ боки, якъ ветхий старецъ, отворивъ своѣ рукописы и упавъ до глубокой задумы. Въ сѣ жовтѣ листки ввошло все его житя. Днѣ падали якъ листья зъ дерева житя и перемѣнились поволи въ жовту массу, у ворохѣ жовтыхъ списаныхъ листовъ... Такъ, все его житя лежитъ въ нихъ... То урывки тумановъ за окномъ, зъ якихъ выглядаетъ таемничо сонце... Зовялѣ цвѣты на сырой студенной земли... Далекѣ зовы пустынь и таемнѣ шепоты ночи...

Теперь ще пару ясныхъ и живыхъ картинѣ, чтобы въ нихъ отбилося все, якъ въ магичномъ кристалу и дѣло скончено... Цѣль и смыслъ его житя... И онъ не жаловавъ, что выбравъ собѣ ту дорогу.

Вхопивъ перо и почавъ писати. Слово за словомъ выливалось зъ душѣ, якъ кроки въ темнотѣ, яснѣли якъ яснѣ углѣ середъ ночной темноты, то спыхали живымъ полумьемъ и знова гасли...

Рука безрадно опустилася на столъ. Глубоко зотхнувъ, оперъ голову о крѣсло и затворивъ очи. Уста склалися въ болючу усмѣшку...

Пустое поле за окномъ заволокли туманы. Черными клубами валилися хмары зъ далечовъ, розсѣваючи холодъ и безнадѣю на опущенѣ, пустѣ поля. Лише одинъ дубъ стоявъ середъ поля широко и могутно розкинувши богатырскѣ рамена.

Отворивъ очи и довго дивився на него. Ему здавалося, что изза дуба выходитъ на бѣломъ коню черный лицарь. Поволи, але певно ступаетъ конь впередъ, а подъ его мо-

гутными ногами стогнетъ земля. Лицарь сидитъ на немъ непорушно, та изъ шолому мѣсто лица зѣваетъ пороженча... Онъ все близиться, а земля за нимъ покрываея бѣлымъ саваномъ снѣгу. Онъ знаетъ, что она иде за нимъ, вырвати ему працю зъ рукъ и перешкодити въ доконченю доброго дѣла. Взяти ему житя и засмѣяться жестоко въ очи...

До комнаты вступае непомѣтно газдыня зъ закуреннымъ горшкомъ въ рукахъ зъ ѣдою. Сумно заглядаетъ въ его посоловлѣ очы, смертно блѣдое лице и зотхаетъ хитаючи головою. Коли онъ ѣсть, она стоитъ въ кутѣ и дивится на него. Ей жаль его. Она повертаетъ до сѣней и приноситъ то найлѣпше, але онъ отказуея. Потомъ приноситъ роща, что его днесъ рано назбирала въ панскомъ лѣсу и розкладаетъ огникъ въ печцѣ. Огникъ весело зузнить якъ збыточный хлопецъ. Отъ него комнатка стае заразы веселою и щасливою.

Бере перо и пише. Слабѣ руки дрожать зъ перемученя. Въ плечахъ тупый боль, въ грудяхъ невыносимѣ кольки... Але онъ переборюетъ его. Бо се має быти книга, де бы горѣло все житя его невеличкого народа, что якъ птахи кладетъ своѣ гнѣзда на ускаляхъ горъ, надъ быстрыми поточинами. Народу бѣдного, простого, что жие лише выпасомъ худобы, не величкий и лише одинъ городъ має, та володѣетъ сильнымъ и могучимъ духомъ, глубокою вѣрою въ себе. Его безмежно любить онъ и отдавъ ему все. Зоставъ бѣднымъ, але не зрадивъ его ани въ думцѣ.

Ночь чернымъ чадомъ спускаея на землю. Сѣдае невинными курятками въ сѣтнику и бѣжить голоднымъ вовкомъ по пустыни. Якъ чернѣ сполоханѣ конѣ бѣжать хмары на всѣ боки. Въ комнатѣ стае темно и понуро. Въ печцѣ спыхаетъ поломѣнь и розсыпаея овсянымъ снопомъ по стѣнахъ. Еще одна сторонка...

Изъ зворушеня не може дальше выдержати. Ходитъ по комнатѣ, а потомъ лѣгаетъ на постѣль и мимоволь засыпае.

* * *

Въ ночи онъ нагло пробудився отъ маленького свѣтельца надъ собою. Она ра-

зомъ изъ сыномъ стояла надъ нимъ и недоѣрчиво споглядала, дивно склавши уста. Хлопецъ великими, отвореными очима дивился на него. Се они пришли подивитися ци онъ ще живой... Може? Они обое вышли зъ комнаты не стукнувши...

Подвѣвсь и насилу запаливъ лампу. Въ горячей якъ жаръ головѣ копошаться вчорашиѣ мысли ще зъ невыгаслою силою. Натягнувъ на себе одежу и поволѣкся за столъ. Перо тремтѣло въ руцѣ, але думки почали выливатися на папѣрь здоровыми и ясними...

Написавъ послѣднее слово, перо выпало ему зъ руки, уста склалися въ болючу усмѣшку... Хотѣвъ устати та пройтися по комнатѣ, однако силы зовсѣмъ опустили его... Только теперь спостерѣгъ якъ тяжко онъ хворый и потъ безсила заливъ ему чоло... Упавъ на постѣль. Цѣлое тѣло почало дубѣти, руки стали легкѣ якъ павутина. Передъ очима, что дивилися въ одно мѣсто на подѣ, почали перебѣгати великѣ чорнѣ плямы, якѣ отъ часу до часу розсѣвались, то знова формовалися въ великѣ чорнѣ краплѣ безслѣду спадаючи ему въ лице. Голова стала легкою якъ перце и здавалося безъ воротя западае все больше и больше въ глубѣнь, въ якусь пропасть что все больше отворялася передъ нимъ. Але на серци было легко, якъ коли бы онъ отходявъ до дому по довгой и тяжелой працѣ въ чужинѣ...

* * *

Коли ранкомъ его отвезено, газдыня изъ слезами на очахъ зобрала все, что по немъ осталось и склала въ невеличкий куфрикъ подъ стѣною. Что его тутъ не есть и скоро

не буде на свѣтѣ, было такою звычайною подѣєю, якъ каждая друга рѣчь, яка давно готовится... Только изъ великимъ зошитомъ на столѣ она не знала, что робити... Онъ только часу просидѣвъ надъ нимъ... Отворила, глянула на почерканѣ ажъ до таблицъ стороны и рѣшила, что такъ пописанный зошитъ есть уже не потрібный. Призвала своего малого сына и передала ему зошитъ. Онъ якразъ тогда сидѣвъ подъ хатою и думавъ своѣ тяжкѣ думы... Думавъ про чорного царя и его замокъ. Ему наразъ блисла геніяльна думка и онъ заразы взявся до еѣ проведения, хитро подсмѣваючися изъ задоволеня. Знявъ изъ поду своего великого папѣрьового змѣя. Полагодивъ что уважавъ потрібнымъ полагодити, придавъ дасколько кольцать, чтобы бивъ розмашистый и высоко летѣвъ. Потомъ запаковавъ зошитъ въ бѣлый папѣрь и написавъ великими буквами: »До рукъ Чорному Цареву«. Привязавъ его крѣпко до грудей папѣрьового змѣя и зъ червенными лицами и сяючими очима зъ радости изъ своего вынаходу, выбѣгъ за хату на горбочокъ.

Небо было ясное и прозорное. Вѣявъ pogodный, зимный вѣтеръ. Змѣй скоро поднявся въ гору и ставъ прямовѣсно надъ землею. Подувъ ще разъ вѣтеръ, онъ пустилъ мотузочокъ. Змѣй звився высоко у воздухъ и понесся туды де сяявъ золотистыми банями городъ. Онъ глядѣвъ довго за нимъ зъ сяючими очима зъ радости, что все ему такъ красно удалося...

Того дня грався онъ межи цвѣтами до ночи и неразы не заглянувъ до окна. де вже и такъ никого не было.

Ф. Потушнякъ:

ЧОРНОКНИЖНИКИ

въ народномъ вѣрованю

Чорнокнижники, се дводушники, опѣкующѣся атмосферными явищами.¹⁾ Тому они не суть злѣ, але релативно до другихъ класъ дводушниковъ добре наклоненѣ до

¹⁾ О чорнокнижникахъ писали у насъ: Гнатюкъ, Жатковичъ, Панжевичъ и др.

чоловѣка. Представа про нихъ поширена на западъ отъ Латорицѣ загально (межи »Лемаками«). Межи другими представлениями вѣрованя якъ босорканя, босоркунъ, вочуръ, опѣрь и др. тутъ она есть доминирующею представою. Слово »чорнокнижникъ«

стрѣчается и въ другихъ околицяхъ. Еще рѣдше стрѣчается и сама представа, але якъ одиночное явленя (напр. стрѣтивъ я его пару разъ и на Гуцулщинѣ, якъ занесеное).

Передовсѣмъ чорнокнижникъ се дводушникъ, что >ходить у своемъ тѣлѣ.<²⁾ Коли близше приглянемся ему, то видиме тутъ подобитъ и аналогичнѣ знаки, насвѣдчующѣ о одной и той представѣ розно модификованой и доповненой по аналогин зъ други ми представлениями, а то передовсѣмъ представѣ вѣтряника (загально поширеной), лѣсного чоловѣка, лѣсныхъ людей (чугай, чугайстръ) и др. Представа про чорнокнижниковъ межи иншимъ дуже поетична и познѣйшого походженя.

* * *

>Чорнокнижники се такѣ люде, что мають два духи — двадушники. Чтось въ собѣ мають такого зъ иншого духа...< Бывають они дуже мудрѣ и ученѣ. Всѣ загадочнѣ атмосфернѣ явища въ природѣ се ихъ работа. Бывають они звычайно зъ ученыхъ. Такой начетчикъ самъ чуе въ собѣ напередъ, что нимъ быти може, и зробитъ такъ, что чорнокнижники возьмутъ его межи себе... Подчасъ бурѣ захватять его въ хмары и понесутъ на отлегалѣ мѣста >на своѣ селища< и тутъ доучають его то, что еещ не знае. Быае се довга и тяжка наука, яку хоть кто и не постигъ бы, лише такѣ ученѣ люде, якъ они.<³⁾

Жиють они передовсѣмъ на полянахъ, у глубокихъ лѣсахъ, де ще никто не заходивъ. Звычайно тамъ мають они своѣ пещеры⁴⁾ де сидять и мудрують, якъ свѣтомъ управляти. Кажду рѣчь довго обдумують (якъ зычайно розумиѣ люде), а потомъ лише приступають до дѣла. Найважнѣйшою ихъ задачею есть робити градъ и вести вѣтры и хмары. Градъ роблять они такъ: Перший разъ привозять воду хмарами зъ моря и спускають еѣ десь въ лѣс-

ной глушѣ на полянѣ (де никто не заходить). Потомъ еѣ заморозять, полупають на дробнѣ куснѣ и хмарами везуть куды треба, (подобно якъ и лѣсный чоловѣкъ и вѣтряникъ.⁵⁾ Звычайно они тогды осѣдлають собѣ >шаркань.<⁶⁾ Зловлять еѣ въ пещерѣ, дадутъ на неѣ кантаръ тай идуць сидячи на ней куды имъ треба. Гукъ и шумъ въ хмарахъ, се ихъ голоса. Они голосно спорять межи собою о томъ, что и якъ робити, якъ что начати и кончити. Одягненѣ они тогды въ чорну одежу и лица у нихъ чорнѣ якъ головня. Видѣли ихъ въ хмарахъ середъ гудѣня громовъ, або и проливного дождя якъ строгихъ въ чорныхъ довгихъ одежахъ людей, чорныхъ зъ лица и зъ великою книгою въ рукахъ...

Деякѣ чорнокнижники можуть перебивати и межи людьми, а на рады ихъ ходити коли треба. Спознати ихъ тяжко. (Се звычайно самѣ чорнокнижники выбираютъ ихъ въ своѣ члены за ихъ мудрость.) Они такожъ лѣтають зъ ними въ хмарахъ. Надъ своимъ домомъ напр. спускаються въ долину — >падутъ зъ хмаръ якъ чорна тучка — то часто видѣти можѣ.< Суть то звычайно деякѣ зъ нихъ. Деколи чорнокнижники захвачують межи себе и звычайныхъ людей для помочи. Тамъ онѣ мусить робити отповѣднѣ работы черезъ пятнадцать лѣтъ, а потомъ ихъ пропущають, але зъ тою угодою, что онѣ все, что тамъ видѣвъ, никому не прозрадитъ.⁷⁾ Звычайно старѣ овчарѣ звыкли такое о собѣ говорити. Въ деякой мѣрѣ чорнокнижники въ народномъ оповѣданю заступають Илію (власно повѣря о Илію переноситъ на чорнокнижника) хоть представа о немъ одночасно и тутъ есть. Стрѣлецъ убивае чорта, что глумився небови и блеску. Тогды головный чорнокнижникъ спускаея зъ хмаръ и даруе ему стрѣльбу, что всяку звѣрку сама убивае.⁸⁾

Декотрѣ люде знаються зъ ними и тѣшатъся ихъ приязню, часто стрѣчали ихъ

²⁾ Гл. Ф. Потушнякъ: Душа въ нар. вѣр. Наук. 36. 1938. ст. 41.

³⁾ По представѣ селянъ попы се найученѣйшѣ люде.

⁴⁾ Въ пещерахъ переживають и др. напр. домовичнѣ творы якъ повѣтрулѣ, лѣснѣ люде, чорты и др. Пор. Демоны въ нар. вѣр. „Русс. Правда“, „Русс. Слово“ 1940.

⁵⁾ Гл. Ф. Потушнякъ: ор. с. ст. 41; пор. Демоны „Русская Правда“ 1940 число 180.

⁶⁾ Про шаркань, гляд. Ф. Потушнякъ: Гадъ въ нар. вѣр. „Литер. Недѣля“ р. I. ст. 102.

⁷⁾ Такъ якъ и повѣтрулѣ.

⁸⁾ Пор. Паныкевичъ: Dodatki do Govorovъ. Стрѣльбу чаровну посля иншыхъ повѣрѣ достаетъ звычайно помочи домовика або чаровъ.

або лише видѣли якъ они летять въ хмарахъ або спускаються на землю.

Оповѣдаєся про нихъ много розныхъ пригодъ, котрѣ якъ и всѣ другѣ подобнѣ оповѣданя повстають при нагодѣ, коли послужить до сего якоєсь природное явище передовсѣмъ атмосферичного ряду, або переносяться изъ другихъ подобныхъ представъ нашихъ вѣрованъ.

* * *

Въ представу чорнокнижника якъ видиме злилося больше елементовъ, чотсь зъ вѣтряника, лѣсного чоловѣка, лѣсныхъ людей и др. подѣ впливомъ представъ о дводушникахъ. Зображеня чорныхъ хмаръ несучихъ дощъ въ символѣ чорного чоловѣка (хмары) а zarazомъ мудрого и сприяючого порядку въ природѣ.⁹⁾ А тымъ она

есть самостойною и окремою представою, маючою самостойный выразъ, образъ и характеръ. Что до слова «чорнокнижникъ» то оно означае чоловѣка, який дуже много въ книгахъ сидить и всякѣ черезъ то тайны знае. Чорнокнижниками справила (больше зъ гумору) называютъ сѣльскихъ «читальниковъ», что въ письмахъ много розумѣются. Суть се передовсѣмъ сѣльскѣ начетчики.¹⁰⁾ Все мудрое въ книгахъ. Книги псалтырь служатъ такожь предметомъ вѣщования и суть у великой повазѣ у селянъ, передовсѣмъ книги религійного змѣсту. А чорна барва, се знакъ загадочного и таемного (ночь).

ВОЯЦЬКА

(изъ свѣтовой войны)

Чорна хмара налягае,
Вѣтеръ повѣває,
Панъ капитанъ молоденький
На войну ступае.
Панъ капитанъ молоденький
На виину ступае,
Тай на хлопцовъ молоденькихъ
Все ся споглядае.
>Ану хлопцѣ молоденькѣ
Абы васъ не вбили« —
Летять кулѣ удъ москалювъ
Иза полонины.
Приблукався одинъ воякъ
На широке поле,
Тай сѣвъ собѣ сиротина,
У боцѣ го коле.
Та упавъ му гверъ изъ плечи,
Глиною забився,
Унъ сарака обтирае,
Тяжко засмутився.
Унъ сарака обтирае.
Тай махнувъ рукою:
>Та не буду рудна мати
Бульше изъ тобою.
Та не буду рудна мати
Коло тоѣ хати.

Та безъ свѣчки, безъ родини
Мушу умирати.
Та безъ свѣчки, безъ родини
Товаришувъ много,
Та не зложать жовнярика
До гробу одного.
Ой и попы не читають,
Дяки не спѣвають,
Лишь по десять жовнярикувъ
До гробу складають.
Лишь по десять жовнярикувъ
До гробу складали.
Штобы ихъ ся рудна мати
Вже не надѣяли.
Штобы ихъ ся рудна мати
Вже не надѣяли,
Сорочечки вишиванѣ
Бы не рѣхтували.
Сорочечки капчурики
Бы не рѣхтували,
Та дѣвчата невѣстками
Бы не называли.
Не надѣйся рудна мати
Сина изъ войночки,
Зѣ твого сына кровця тече
Зѣ тѣла букаточки.

Записала: Анна Руснакъ
у В. Бочковѣ.

⁹⁾ Подобно якъ и тутъ дводушникъ симв. и урожайность року. Пор. Голодные и сытые годы въ нар. вѣр. „Русская Правда 1940“ ч. 46.

¹⁰⁾ Ю. Жатковичъ: Етнографичный очеркъ... подае такожь объясненя сего слова (переписчики квивъ и др.).

Пѣсня про Брехлѣчука

Ходить Василь по городу
Думу думаячи,
Якъ ся мамцѣ вѣдклонити,
У гайтови йдучи.

Якъ ся мамцѣ вѣдклонити
Своимъ рѣднимъ дѣтямъ.
Може мене живенького
Не будуть видѣти.

Якъ ся всюды провидѣло,
Сибжокъ пролѣтае,
Иде Василь горѣ полемъ,
Тай думу гадае:

Якъ бы вбити медведицю,
Ци старого лиса?
Та принести на Поляну,
Безъ жадного лиха.

Ишовъ Василь горѣ полемъ
Попри ту кирницю.
Та послѣдивъ горѣ плаемъ
Стару медведицю.

Ишовъ Василь сѣянками,
Та бривъ черезъ рѣчку,
Медведиця го вхопила,
Вергла пѣдъ смерѣчку.

Медведиця го вхопила,
Яла му казати.
Туй ти буду Васильчику,
Свѣчку зажигати.

Та якъ прийшовъ его братчикъ,
Та сѣвъ на лавочку,
Уповѣмъ ти моя мамко,
Смутну новиночку.

Ай смутну новиночку,
Ще й смутну новину,
Та ужесь ся мамко збула,
Першоѣ дитини.

Молодому Василькови
У дзвоны вдаряють,
А старую Брехлѣчуку
Водовъ обливають.

Ой якъ стала Брехлѣчука,
Людей искликати,
Чтобы ишли въ полонину,
Василька шукати.

Та принесли бо Василька
Поклали на столы,
Истѣгають изъ Василька
Киравѣ постолы.

Та поклали бо Василька
На тоненьку дошку,
Истѣгають изъ Василька
Кирваву сорочку.

Та поклали бо Василька,
На товстѣ лавицѣ,
Истѣгають изъ Василька
Кровавѣ ногавицѣ.

Записавъ: В. Гуцуль въ Росушцѣ.

Молодѣ поэты

Коли слухаю вашѣ пѣснѣ, то сердце мое наповняется радостью. Вижу передъ собою нашу родную землю. Нашѣ вѣковѣчныя горы, нашѣ задумчивѣ лѣсы, повнѣ глубокого, мудрого суму, отчуваю на сердци теплѣ руки матери землѣ. Вижу чудеснѣ усмѣшки весны, крѣпку силу лѣта, задумчивость осени зѣ бабинымъ лѣтомъ и запахомъ дыму зѣ нати на поляхъ, буяность зимы зѣ колядкою подѣ окномъ...

Глубока ночь надѣ землею. Крозь мраку

сіяе огникъ. Въ хатинѣ за столикомъ сѣла до вечерѣ бѣдна родина и вечеряе что Богъ давъ. Серця ихъ повязанѣ любовью и такимъ родиннымъ щастьемъ и теплою, что чуешь, якъ они разомъ бѣются, черезъ густу мраку ночи... О, якое великое ихъ щастя!..

Середѣ вѣковѣчныхъ горъ ступае вгору молодець. Якъ гордо ступае по крутыхъ збочахъ горъ! Якъ сильнѣ его рамена, якъ грациознѣ кроки. На плечахъ крѣсь, за

шапкою розмаринъ. Онъ орлинымъ окомъ глядитъ по ускаляхъ. Мракъ, зневага, неправда якъ тѣнь зникають въ дебры...

Лунають удары сокиры. Могутня смерека зъ шумомъ валиться въ дебры и гойдається на быстрыхъ філяхъ. Пливають дарабы, спѣвають дарабашъ, а у водѣ купається сонце. Тамъ на горахъ блеють отары, куриться дымъ у колибахъ, грає трембѣта. Дале летить луна и никне въ ускаляхъ.

Въ долині грають званы. Въ святыняхъ молиться народъ. Лунає святочна пѣсня, подноситься въ высъ и бѣлыми квітками зацвѣтає въ садахъ Господнихъ. А Богъ любить народъ свой и пошле ему своего сына...

Десь далеко на чужой землі мучиться одинокий сынъ. Судьба не знає милосердя. А дома ранокъ. Вже паляться огники въ хаткахъ. Самотна мати чекає сына сумно склонивши голову на ослонъ. Мати думає глубоко думу про свою дѣтину...

Днина. Въ воздухѣ въ лучахъ сонця спѣває жайворонокъ. Груды матери землѣ вздыхають и колыхаються. Жаждуть принести плоды. Якъ теплѣ они, якъ запашиѣ, якъ потаемиѣ думы ховає она въ своемъ серцю. Она глубоко зотхає изъ любви до нихъ и хоче, чтобы они росли крѣпли, тѣшилися и окрасили ликъ матери...

Молодѣ поэты! Вы квіты, что растутъ зъ еѣ теплого лона, тихѣ думы еѣ, бѣлѣ, червенѣ, синѣ и чорнѣ...

ТЕМА

Всякий писатель на початку взявся за литературное перо тому, что з'явилася въ него добра тема. Потомъ, коли мавъ добру музу то темы чогось самѣ являлися... Житя самое родило темы... Темы вымагали выповнення и отѣленя...

Я знаю, что многѣ авторы выдумують темы, а многимъ дає ихъ житя. Але коли кажеме, что талантъ даръ божий, а поэтъ родиться, то довшнѣ мы признати, что и тема родиться.

Литературна тема повинна быти все лише выслѣдкомъ нашего реагованя и впливу на свѣтъ, выслѣдкомъ нашего житя въ вирѣ свѣта, нашего думаня, почуваня, нашего естетичного восприниманя свѣта своего якъ и ин. Зъ виру житя, такъ, разъ лише красной хвилинки стане передъ нами

постать, близька, родна, жива, якъ гость зъ высшего свѣта. Душевиѣ творчѣ силы напружаються, киплять, ручаѣ въ дусѣ буряться и вырываются на верхъ... и родиться тема. Правдива тема. Бо справедѣ, тему выдумати не можъ. Она есть самымъ житьемъ, котрое есть ничто иное якъ драма, изъ завязкомъ, кульминаційною точкою, моментомъ останнього напруженя и розвязкомъ.

Тому великѣ авторы все мають достатокъ темъ. Темы не дають имъ покою. Они прямо диктують писати! Тому однѣ авторы пишутъ, чтобы чгось написати (ради опѣнїя, славы...), другѣ бо мусять подъ натискомъ невѣдомого...

ПОЧТА РЕДАКЦІЇ

Всѣмъ нашимъ читачамъ и сповроботникамъ желаєме щасливого нового року!

Читачамъ Руськой Молодежи оголошуєме, что другое число появилось, а третье уже в друкарни. Мало терпеливости!

В. Бужоринъ: Оповѣданя достаѣли. Якъ и усѣ Вашѣ оповѣданя, оно дуже доброе. Въ слѣдующихъ числахъ по возможности помѣстиме. Пишѣть и дале. Мало, але добре.

М. Кабалюкъ: Одержали. Въ слѣдующихъ числахъ. Вашѣ оповѣданя милѣ и ширѣ.

Полонинский: Одержали.

Дарабашъ: Больше веселости. Менше суму. Для чого безнадѣино нарѣкати въ стихахъ, до того ще и добрыхъ.

Р. М. Мункачъ: Только на тотѣ рукописи зєртаєме увагу, котрѣ суть адресованѣ Редакци. Всяка протекциѣ есть непотребна. Если засланѣ матерїялы отповѣдаютъ условїямъ литературнымъ, або науковымъ и такъ выпечатаєме.

Симъ числомъ закончуєме перший рочникъ Литературной Недѣлѣ. Коли судьба буде добра, то зъ януаромъ зачнемє другий рочникъ. Позбирайте Вашѣ числа и завяжѣть у книжочку. Редакциѣ має на складѣ лише 100 примѣрниковъ сего рочника Литерат. Недѣлѣ, правда, въ красномъ переплетѣ. Цѣна 4.— П. Замовляйте доки часъ!

„Литературна Недѣля“ выходитъ каждого другого тыждня. Редагує Др. Иванъ Гарайда. Передплата: на рокъ 1.50 П. Одно число 10 фил. Редакциѣ и администрациѣ: Унгваръ Другетова площа ч. 21.

Печатано въ книгопечатнѣ Подкарпатского Общества Наукъ въ Унгварѣ.

Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában Ungvárott. 1941.—354.